

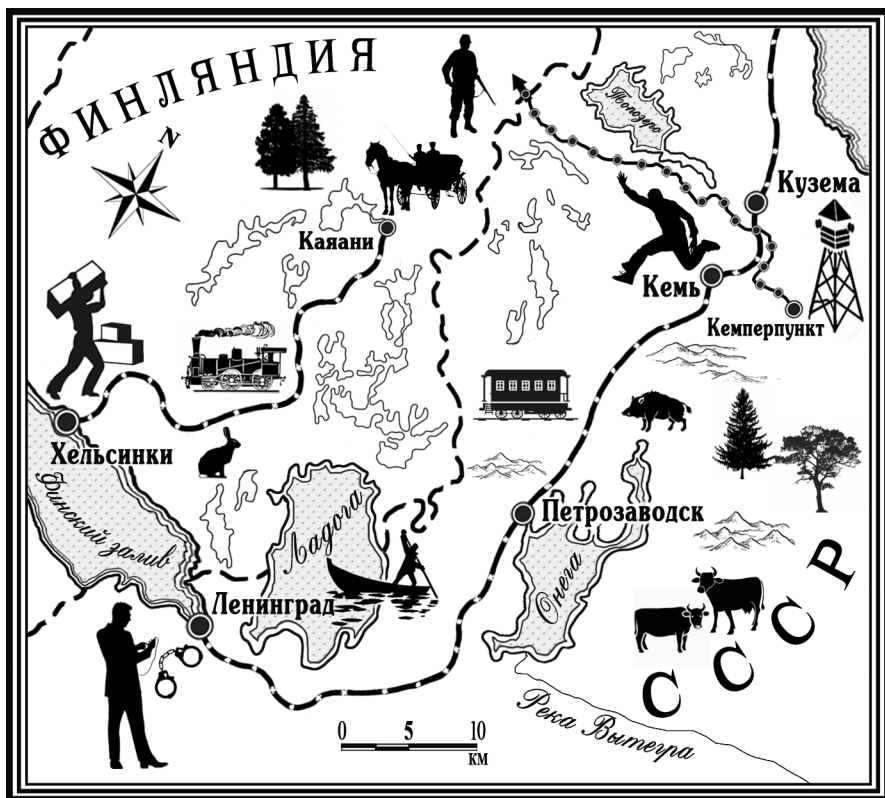
Павел Дмитриев
АНИЗОТРОПНОЕ ШОССЕ

Книга первая
КВАДРАТНОЕ ВРЕМЯ

МОСКВА
2020

«... – Пройдите по этому коридору», – сказал чиновник бесцветным голосом. – «Розги – направо, ботинок – налево. Следующий...».

(с) «Трудно быть богом».
Братья Стругацкие. 1963 год.

1. КОМФОРТНЫЙ СТАРТ

Одесса. Апрель 1930 года
3 месяца до рождения нового мира

Если кто-нибудь попросит меня назвать главный символ интербеллума[1], то я без колебаний отвечу: «Это вокзал!». В нём начинается и заканчивается любое, даже самое короткое путешествие.

За два прошлых года я успел исколесить всю Европу, но оказалось, что завершить мою миссию возможно только в СССР.

Поэтому – снова перрон, снова бьют в уши сполошные крики продавцов фастфуда и разноголосые переливчатые локомотивные гудки. Зычно клацают буфера, упруго подрагивает под ногами асфальт.

Отличие от Франкфурта или Стамбула, по большому счёту, ровно одно: вместо весёлого и бессмысленного Малёка Вебера из репродуктора доносится немилосердно шипящая, однако вполне узнаваемая мелодия «Я милого узнаю по походке», с первых звуков которой невольно вспоминается надрывно рвущий гармонь Гарик Сукачёв.

Впереди носильщик – здоровенный детина в нелепой форменной фуражке и сером засаленном фартуке поверх старой солдатской шинели. Не просто так – он тащит за спиной на подставке-сиделке наш багаж.

Странный атавизм: везде в Европе для этого используют специальные, похожие на двухколёсную тачку тележки, однако «жемчужину у моря» научно-технический прогресс упорно обходит стороной.

[1] *Интербеллум (Interbellum)* – межвоенный период Европы, 1918-1939 годы.

Хотя, возможно, просто нет надобности – не часто у советских пассажиров встречаются пудовые сундуки или необъятные кучи коробок-картонок.

Даже наши, далеко не самые огромные в мире чемоданы явно смущают окружающих новизной и мягким блеском импортной кожи. Что отнюдь не мелочь, а реальный символ статуса, который легко удерживает на расстоянии докучливых газетчиков, лотошников Главдорбуфета, кроме того, заставляет мелкотравчатых служателей железнодорожных законов брать под козырёк вместо очередной проверки документов.

And last but not least, чемоданы как магниты притягивают взгляды хорошеньких девушек!

Последнее скорее обидно, чем приятно.

Надеюсь, местным барышням и без багажа есть на что посмотреть: мой рост под метр девяносто; не страшные – как я в глубине души надеюсь – черты лица.

А если не нравится лицо – пусть оценят тёмно-серый, в крупную синюю клетку костюм, к которому прилагается белоснежная рубашка с закруглёнными по последнему слову моды уголками воротника. В остальных деталях одежды тоже порядок: небрежно повязанный галстук, весь в чёрно-золотых узорах, да новенькие броги, чуть поскрипывающие при каждом шаге.

Как вишенка на торте – абсолютно бессмысленная, но от этого не менее обязательная кепка.

Дорого, броско, но ведь не нужно каждому встречному-поперечному объяснять, что чуть более года назад я и сам таскал мешки в порту – как обычный грузчик.

А все внешние признаки моего достатка и успеха – лишь антураж авантюрного спектакля, который пытается разыграть на просторах молодой советской республики Яков, мой старший аж тридцатилетний партнёр и идейный вдохновитель. Заодно – тщеславный наглец в своей нелёгкой «работе», и кичливый фронт – в одежде.

Даже сейчас вместо добротной, но вполне тривиальной классики к серым бриджам он натянул вызывающие гольфы до колена в мелкий чёрно-белый ромбик, массивные чёрно-белые же штиблеты, а пиджаку предпочёл шерстяной джемпер, разумеется, одной расцветки с гольфами.

Хорошо, хоть кепка обычная, серая, иначе впору выходить не на перрон одесского вокзала, а напрямиком на арену цирка, клоуном.

Понять Якова несложно – вся его жизнь, в сущности, суть – затянувшаяся театральная премьера.

Более того, за несколько месяцев совместного путешествия я успел оценить и отчасти полюбить милую привычку моего спутника проводить каждый день как последний, чего бы это не стоило.

Поэтому ничуть не расстроился, когда для покупки билетов в родном городе он обратился в отдельное окно кассы, приметное – кроме скромной таблички «управление спальных вагонов прямого сообщения» – совершенно невероятным для данного места и времени отсутствием очереди.

Приятная и безукоризненно вежливая девушка небрежно глянула на наши справки-разрешения с места работы и, подчеркавшись неразборчивыми цифрами на бумажках под копирку химическим карандашом, выдала ярко-красные типографские квитанции-плакарты[2].

На каждой красовалась изрядно подзабытая мной аббревиатура наркомата путей сообщения с пиратским гербом – перекрещенным с якорем абордажным топором.

Калькуляция стоимости плакарты служила основанием для взыскания целых сорока трёх рублей – за мягкость, место и бельё.

Оплатой этой суммы дело не ограничилось.

Уже в обычной кассе Яков, ткнув пальцем в плакатик «по плакарту НКПС билеты приобретаются вне очереди», уверенным жестом отёр от окошка всех желающих и взял два билета «в мягкий», по восемьдесят четыре рубля за каждый. По здешним меркам – двухмесячный заработок среднего рабочего – безумные деньги за чуть более чем двухдневный вояж до Москвы.

И вот теперь, уже на перроне, результат стараний по

[2] Плакарта – нумерованное место в вагоне. В обычных поездах того времени нумерации мест не существовало, они появились только в середине 30-х годов, с массовым появлением «егоровских» вагонов (более-менее похожих на современные четырёхосные, Ленинградского завода имени И. Е. Егорова).

повышению комфорта воплотился во вполне материальный объект. Последним в составе – и, соответственно, первым со стороны вокзала – нас ждал более чем примечательный вагон.

Не знакомый мне по вояжу из Берлина в Ленинград пер-воклассный синий, не жёлтый второго класса и, конечно, не обычный зелёный, как здесь принято говорить – «жёсткий». Его обшитый дорогим деревом корпус светился благородной фактурой как будто сам по себе.

Потемневший от времени, местами облупившийся лак ни капли не мешал, наоборот, он придавал вагону сходство с океанской яхтой, получившей своё и от седых пенных гребней штормов, и от обжигающего солнца тропических штилей. Начищенные бронзовые поручни и оконные наугольники ещё более усиливали впечатление: в подобранном сочетании они блистали на солнце с какой-то особой тяжелозвонной силой.[3]

«Так вот ты какой, международный спальный!» – ударила короткой искрой догадка.

Перед глазами встала бесконечно далёкая, но всё ещё памятная спокойным уютом комнатка в Хельсинки, неяркая лампа под зелёным абажуром, и под ней – перечёрканный тут и там карандашом томик «Трёх столиц» Василия Шульгина, в котором, собственно, я впервые наткнулся на воспоминания о подобном слипингкаре[4].

Как давно и недавно это было!

Но предаваться воспоминаниям некогда.

Пожилой усатый мужчина в новёхоньком синем френче встречал нас у распахнутых дверей вагона. Приколотая к груди золотая номерная бляха «проводник-истопник» и роскошная чёрная фуражка с синим кантом придавали ему вид настоящего командира.

Однако, рассмотрев красные плацкарты в наших руках, кондуктор незамедлительно переломился в поясище.

[3] Наружная отделка вагонов СВПС (бывших международных дальнего следования) выполнялась тиковым деревом, с покрытием лаком на восемь слоёв с промежуточной обработкой. Крыши крыли красной медью.

[4] Термин, очевидно, происходит от английского «sleeping car».

Начищенная до блеска пиратская эмблема ярко сверкнула под лучами клонящегося на закат солнца.

– Сделайте-с одолжение, господа-с, проследуйте в шестое купе, рассаживайтесь со всяческим удобством-с...

Роскошь внутреннего убранства сразила меня наповал на первом же шаге.

Стены коридора радовали уставший от буржуазного рационализма взгляд панелями благородного красного дерева и вставками из тиснёного плюша. Окна прятались под собранными в затейливые рюши портьерами, настоящими, совсем как в приличном доме или дорогом отеле. Тусклой бронзой светилась массивная инкрустация молочных плафонов. Ручки дверей удивляли банковской точностью и надёжностью. Туфли тонули в начавшей вышаркиваться, но всё ещё очень годной ковровой дорожке.

Как будто вернулись довоенные имперские времена: за окнами счастливый четырнадцатый, а не суетливая, пошлая – да ещё поиздержавшаяся до последнего предела – весна тридцатого года.

– Куда класть прикажите? – носильщик за спиной бухнул сапогами, разом стирая наваждение.

– Тебе лучше знать, братец, – со смешком выдал указания Яков, уступая место в узком проходе. – Да смотри, поаккуратнее там! Кожу не поцарапай!

– Наверняка ведь вагон в Германии делали, – не смог я удержать давно вертящийся на языке вопрос. – Ей-ей, не под силу царской промышленности такие чудеса сотворить, да ещё в количествах, чтоб до сих пор хватало в Одессу гонять!

Вместо ответа Яков указал рукой на закреплённую над дверями табличку – «Верхне-Волжский заводъ, городъ Тверь. 1904 годъ. Купе № 6».

Между тем носильщик закончил упихивание наших чемоданов и узлов, получил долгожданную полтину серебром и вместе с густым ароматом дёгтя утопал к выходу.

Можно осмотреться...

Прямо напротив, на уровне глаз, вдоль стены вагона раскинулась верхняя полка – мягкий матрас в массивной деревянной раме. Сразу под ним – широченное, аж трёхрамное окно.

Справа – диван с прихотливо изогнутыми ореховыми подлокотниками и высокой «тронной» спинкой. Очень удобно, ничто не мешает плюхнуться с размаху на мягкие пружины поближе к столику.

Но откуда вторая полка в двухместном купе?!

Резко перевожу взгляд: дивана напротив нет и в помине, вместо него всего лишь широкое кресло, а у входа перегородка выступает внутрь купе, и – чёрт возьми! – там ещё одна дверь, мимо которой я умудрился впопыхах проскочить.

Неужели...

Точно, уборная! Хотя, нет, только раковина умывальника, да вдобавок – судя по виднеющейся в глубине второй двери – одна на пару купе.

Всё равно здорово!

Я с удовольствием повернул массивные бронзовые краны, сполоснул руки под струёй воды, вытерся висящим на вешалке полотенцем.

А жизнь-то налаживается!

В сознании промелькнул слабый червячок сомнений, не перебарщивает ли Яков?

Могут ли будущие студенты – которыми мы выступаем согласно легенде – путешествовать с таким немислимым комфортом?

А почему нет?

Формально НЭП не свёрнут, богатство, частная торговля и производство всё ещё как бы разрешены. Пусть советский золотой червонец в мире с 1927 года идёт по цене макулатуры[5]. Пусть налоги проклятым эксплуататорам вкручены выше небес. Пусть оптовые и товарные биржи закрыты, коммерческий кредит запрещён.

Всё равно граждане республики не успели отвыкнуть от многовековой привычки к открытому богатству.

Так что кроме солидных, отягощённых животами и

[5] К 1925 году советские червонцы котировались на валютных биржах Вены, Рима, Константинополя, Тегерана, Шанхая и других городов. Например, в 1924 году один червонец меняли на 21 немецкую марку, в 1926 – лишь на 7-8 марок, в 1927 обмен был прекращён полностью.

портфелями совбуров[6] к нашему вагону живо тянутся купцы-кооператоры, они же – жулики-коммерсанты.

На первый взгляд – непримиримые классовые враги, однако при них подозрительно одинаковые барышни, вполне сносно одетые даже по меркам старушки-Европы.

Никому на окраине «триэсэрии» нет дела до великовозрастных отпрысков недобитых нэпачей. Вернее сказать, не умеющих видеть дальше своего носа идиотов, по капризу стукачей и недоработке чекистов сохранивших на чёрный день в достатке «червяков», «сеятелей» и «николашек», но при этом мечтающих отправить своих сыновей, любимых племянников или младших братиков «в люди» по высшему разряду. Вместо того чтоб вывести их тропами приднестровских контрабандистов подальше от социалистического рая.

Пока не поздно.

Прав мой куда более опытный спутник, когда говорит: «И ладно, пускай все вокруг запомнят разодетых гуляк, пуще того, в деталях рассмотрят ботинки и чемоданы – для Москвы у нас есть другие вещи.

Много хуже, если кому-то достанет мозгов обратить внимание на лица!».

С последним трудно не согласиться по очевидной причине. Внутренних «пачпортов» в Советской республике нет вообще – абсолютно и совершенно. Не успели их ввести большевики.

Так что в качестве уникального удостоверения личности обычно выступает кучка мятых бумажек с мало читаемыми оттисками печатей, да протёртая на сгибах простыня свидетельства о рождении, начинающаяся с незатейливой фразы типа: «по указу его Императорского Величества одесская духовная консисторія свидѣтельствуеть...».

Сложно сказать: сохранились ли соответствующие записи в огне гражданской войны, и сколько месяцев – а то и лет! – может занимать их реальная проверка.

Следствие бардака – неограниченный простор для использования чужой личности, а то – и кустарной подчистки-подделки.

Уровень детского сада для Якова, коренного одессита и редкого прохиндея, успевшего поучаствовать в фабрикации подложных документов для откоса от армии ещё подростком

[6] Совбур – сокращение от «советский бюрократ (буржуй)».

в далёком пятнадцатом году. За актуальные в данный момент бумаги он отдал «хорошим» людям жалкий пяток червонцев. Хотя надо отметить, настолько дёшево идут только контрики, попы, торгаши и прочие интеллигенты – свидетельство о рождении с правильным рабоче-крестьянским происхождением обойдётся чуть не в десять раз дороже. Спрос заметно превышает предложение.

Но нам наплевать, реально поступать в университет мы не собираемся, зато налицо значительная экономия. Вдобавок по дороге деньги можно тратить, не отходя от образа.

С другой стороны – шикавать без меры в Республике Советов всё же опасно, поэтому Яков подстраховался трудовыми победами.

У нас в полном порядке книжечки «трудовых списков» с перечнем вполне пролетарских должностей.

Моя, на всякий случай, близка к реальной специальности: электрик-настройщик волочильного цеха одесского государственного жестяно-баночного завода, некогда носившего имя «Братья Авич и Израильсон», ныне же – «имени М. И. Калинина».

Фамилия советского вождя – навеное от особого уважения – вписана клерком в эту бумагу большими печатными буквами.

На самый крайний случай у Якова в запасе имеется совершенно убойный документ: комсомольский билет. На картонном чуде природы с портретом Ленина на обложке – вполне надёжном и действующем – нет не только фотографии владельца, но и печати.

Воистину, страна непуганых идиотов. Заверить столь важную бумагу способна простая роспись безвестного секретаря губкома!

Вдали прозвучала резкая трель свистка кондуктора, за ней – сочный, на три тона ниже гудок паровоза, звонкая волна перестука буферов обозначила старт состава...

Первый час – как принято – прошёл за взятой в дорогу снедью. Воспетая в романах и стихах жареная курица прекрасно сочеталась по дизайну с толстодонными, снабжёнными

царским гербом и аббревиатурой МПС, подстаканниками. Вкус же традиционного железнодорожного чая явно не достигал до заданного антуражем уровня. Или – что куда более вероятно – нам с Яковом так казалось после турецкого изобилия.

Скоро живописная разруха окраин Одессы осталась позади, мимо нас потянулись бесконечные, подёрнутые свежей зеленью поля, небольшие деревеньки, кривые заборы и прочие невнятные сараи.

Однообразное скольжение пейзажей навевало скуку – паровоз тащил состав неспешно, километров 30-40 в час, но как-то удивительно ровно, не разгоняясь и не притормаживая.

Под тихий, чуть слышный перестук колёс Яков расстелил постель и прилёг подремать.

Я попытался последовать его примеру, но, увы – безуспешно. Снова, наверное, в тысячный раз, вспомнилась история, благодаря которой меня и занесло на эти без малейшего преувеличения смертельные галеры.

2. ВСТРЕЧАЮТ ПО ОДЁЖКЕ

Ленинград. Декабрь 2014/1926 – январь 1928 года
43 месяца до рождения нового мира

Произошёл перевернувший мою жизнь случай весьма далеко от Одессы и СССР. А именно: в длинные рождественские каникулы 2014 года я – Алексей Коршунов, студент четвертого курса электротехнического факультета УрФУ, здоров, не женат, без вредных привычек и прочая, прочая – решил пообщаться к великой русской культуре, в смысле – посетить исторические достопримечательности Петербурга. А заодно принять участие в парочке Ingress[7]–ивентов, попутно – встретиться в реале со старыми друзьями по игре.

Перелёт Кольцово – Пулково прошёл без задержек и оставил достаточно сил.

Поэтому после заселения в отель, чтобы не скучать, я отправился на улицу – хакнуть десяток-другой Ingress-порталов в центре северной столицы.

Со стороны, должно быть, забавное зрелище: здоровенный парень с рюкзачком за спиной идёт, уставившись в «лопату» «LG G3», по тротуарам, переходам и площадям вне потока и ритма праздничной толпы, сообразуясь только с собственными целями. Иногда суетливо мечется из одной стороны в другую – в попытках «дотянуться» до неудачно расположенного узла или ключа на виртуальной, но при этом привязанной к реальным GPS-координатам карте. Или же, наоборот, замирает в одной точке на несколько минут, быстро манипулируя пальцами по экрану. Последнее означает попадание на «свой»

[7] «Ingress» – многопользовательская онлайн-игра в стиле «наложенной реальности», созданная «Niantic Labs» в «Google» для Android- и iOS-устройств.

портал, который можно усилить, зарядить или «залинковать» с соседними, или же – на слабый «чужой»: его желательно разгромить, и, разумеется, немедленно перекрасить в «свой» цвет.

Короткими перебежками, от портала к portalу, я мотался до позднего вечера – заветный «Level 13» маячил совсем близко.

Наконец остался лишь один «хак» «уника» – последнего из двух тысяч, нужных до золотой медальки. Причём, далеко идти не надо – вот он почти передо мной, осталось зацепить хитро расположенный синий разлапистый «костёр» на виртуальной карте, для чего сдвинуться метров на десять внутрь квартала в реальном пространстве.

Да вот беда – прохода во двор нет, не иначе кто-то из местных жильцов постарался устроить закрытую локацию.

Однако сдаваться рано: я толкнул попавшуюся рядом дверь парадного.

Удача – кодовый замок есть, но не заперт.

Аккуратно прошёл мимо лестницы на другую сторону дома, в закуток перед дверями чёрного хода...

Есть контакт!

Палец опустился на активизировавшуюся кнопку, экран залила долгожданная заставка-поздравление.

В этот же момент появилось какое-то странное чувство, как будто я разделился на уйму копий самого себя, буквально в одном и том же месте нас стало как минимум сотня, а может – и тысяча.

Полностью постичь всю глубину процесса я не сумел и, судя по всему, вырубился на несколько мгновений. Упасть, впрочем, не успел.

Потряхивая головой от удивления – никогда ранее нервы не пытались сыграть подобную мерзкую шутку – поплёлся обратно, попутно пытаюсь оценить количество плюшек, свалившихся на меня с новым уровнем. Неудачно – окно интерфейса подёрнулось рябью помех в стиле старого телевизора, показывая тем самым потерю сигнала спутниковой навигации.

– Странно, но не удивительно, – пробормотал я вслух. – Тут стены по метру, не иначе.

Увы, за дверью дома ситуация не выправилась. Хуже того,

я обнаружил, что отсутствует не только навигация – связи не оказалось вообще.

Перезагрузка «мобилы» не помогла, как и замена батарейки с передёргиванием сим-карты.

– Сломался, собака, – зло выругался я в пространство.

Ни карты, чтобы добраться до гостиницы, ни «Юбера» для вызова такси...

Друзьям – и тем не позвонить...

Сунув злосчастную «мобилу» в карман, я обвёл взглядом улицу и...

И чуть не сел в сугроб!

WTF!!! Что происходит?

Где тут скрытая камера?!

Кто выключил уличное освещение?

Зачем навалили на тротуар свежие сугробы?

Почему нет машин? Совсем, ни одной!

Спросить бы у кого-нибудь...

Так и прохожих не густо. Только парочка крайне подозрительных оборванцев на противоположном тротуаре. Пусть они в полтора раза мельче – конфликт со шпаной выйдет себе дороже.

Тут не думать надо, а поскорее убираться поближе к сияющим огнями рекламы проспектам.

Сунув многострадальный смартфон в карман, я быстрым и уверенным шагом направился в сторону гипотетического центра...

Интуиция не обманула: отмахав несколько кварталов, я очутился в заметно более оживлённом месте.

По густо заваленным конским навозом улицам то и дело проезжали повозки на конной тяге и автомобили антикварного вида. Пешеходов стало побольше, да только что у них спрашивать?

Для сна или галлюцинации слишком достоверно. Съёмочный павильон настолько большим быть не может. Остаётся принять за основную гипотезу немыслимое: вокруг меня либо – прошлое, либо – иной мир.

К моей удаче, на углу примостилась явно неуместная в век сотовой связи труба газетной тумбы.

На главной, самой удобной для чтения позиции – как можно ожидать другого?! – «Правда» от 25 декабря 1926 года.

Под колеблющимся зеленоватым светом уличных фонарей я разглядел на первой странице заголовок: «Реакционные законопроекты английского правительства», над ним – убогую карикатуру, на которой несколько гипертрофированных буржуев протягивали непонятную бумагу с печатями истощённому мужчине, наверное – рабочему.

– Хорошо, хоть не к мамонтам! – констатировал я, с трудом сдерживая дрожь. – И не в зиму сорок первого!

Толком не поймёшь: морозно тут на самом деле – да так, что не помогает благоразумно поддетый перед прогулкой фирменный комплект термобелья – или до позвоночника добрались холодные щупальца ужаса?

В полной прострации я добрался до «того самого» дома, что сыграл роль машины времени, где узнал точный адрес: Проспект Маклина, 20. Пропахал путь от парадного до чёрного хода раз сто пятьдесят, включая и выключая Ingress во всех возможных и невозможных местах и комбинациях.

Ни малейшего успеха...

Признать перенос сознания и тела в прошлое процессом необратимым и анизотропным?

Нет, нет и ещё раз нет!

Не зря же в тот злосчастный момент я чувствовал, что разделяюсь на множество копий.

Можно ли подыскать объяснение получше?

Да легко!

Пакет данных – только он может пронизать темпоральный континуум. И напротив: сама идея передачи материального объекта в параллельное измерение или время противоречит здравому смыслу.

– Значит, не перенос, а копирование, – пробормотал я, стараясь звуками собственного голоса разогнать страх. – Что это мне даёт?

Не так уж и мало – главное, нет никакого смысла уничтожать оригинал!

Наоборот, есть вероятность, что Алексеев Коршуновых во Вселенной стало не двое, а несколько десятков, сотен или

тысяч. То есть в далёком будущем мой двойник сидит в тёплом и уютном ресторанчике, хвастается перед новыми-старыми друзьями очередным уровнем игры да медальками виртуальных достижений.

И если мне хоть чуть-чуть дорог мой разум – следует думать только так и никак иначе.

Потому что под таким углом зрения ситуация выглядит очень даже симпатично...

Оставшийся в 2014 году оригинал – или дубль, разницы нет! – потянет на себе весь ворох обязательств перед родителями и родственниками. На радость матери исполнит роль в размноже... продолжении рода. Окончит институт и поступит в аспирантуру. На зависть друзьям семьи станет крупным учёным, то есть – оправдает надежды отца. И лет эдак через сто, окружённый многочисленными внуками и правнуками, почит в бозе под плач молодой жены и молчаливое раскаяние любовниц.

Но мне-то повезло куда больше!

Настоящее, взрослое, авантюрное приключение!

Возможность своими руками создать новый мир. Перекроить историю, разогнуть перегибы, победить в войне «чужой кровью на малой территории», изобрести интернет, транзистор и нарезной батон[8], короче говоря, получить за бесценные знания будущего почёт, уважение и награды.

Не жалкие виртуальные иконки Ingress типа «контролировал портал 150 дней», а реальные правительственные медали и ордена!

А риск?

Да только жизнь!

Поднимаясь по ступеням подъезда наверх, к теплу, я тихо напевал:

Призрачно всё в этом мире бушующем.

Есть только миг – за него и держись...

Первоначально я надеялся передремать ночь на лестничной площадке последнего этажа, но, добравшись до неё, нашёл вариант лучше.

[8] Первый нарезной батон был продан в городе Чилликос, штат Миссури, 7 июля 1928 года.

Замок на чердак выглядел серьёзно, массивно, но...

На проверку оказался фейком, то есть легко открылся с помощью одного из моих домашних ключей.

Присмотрев в неверном свете экрана более-менее чистый уголок, я без сил повалился на него и, рассудив, что утро вечера мудренее, тут же забылся беспокойным сном.

Благо тёплые штаны и пуховик с капюшоном позволяли не бояться холода и сквозняков.

* * *

Пробуждение не принесло приятных открытий.

Сверху, через ни разу не мытое стекло слухового окна проглядывало серое низкое небо.

Снизу...

«Чистый уголок» на деле оказался покрыт шлаком вперемешку с голубиным помётом, который придал моему зимнему костюму – тёмно-зелёному с чёрными вставками – соответствующий бомжеватый вид и аромат.

Экстренно справив – да простят меня жильцы! – малую нужду, я поднялся по короткой лесенке к окошечку и, растворив раму, высунулся наружу.

Зачерпнул свежего снега – зверски хотелось пить, да и умыться явно не мешало.

Оглянулся вокруг: улиц не видно – только крыши; лениво дымящие трубы вдалеке, по линии горизонта; синие или зелёные купола церквей...

Тихо, спокойно, но... Как-то совсем неправильно.

Понимание упало в сознание, как в эпицентр взрыва атомной бомбы: ни одной спутниковой тарелки!

Начисто отсутствует вездесущее провайдерское оптоволокно, вдобавок – не видно ничего похожего на телевизионные антенны.

Испуг? Ужас? Паника?

Да ничего подобного!

Все мои рефлексии остались «во вчера». Сегодня мозг работал чётко и ясно, как в азарте RPG-квеста. Выпал рерол, прошла смена локации...

Сколько раз такое случалось в играх?

Надо просто принять как данность: я не заблудился в лентфильмовских декорациях; не заболел историческим лунатизмом; наконец, не пал жертвой тяжёлой химии. Просто провалился в 1926 год.

Чудо Создателя, происки инопланетян, слепое провидение или природный феномен – разницы для меня нет.

Попал в инстанс – не рефлексируй!

Бей мобов, ищи нычки!

Вопрос один: как проще и быстрее «повысить левел»?

Самый очевидный путь – выдать себя за хроноаборигена с амнезией. Обзавестись минимальным «сетом» документов, заработать на телепорт за границу. Открыть в Штатах своё дело, заработать на изобретениях из будущего «миллиард баксов».

А как иссякнет резерв послёзнания – уехать кататься на волнах прибоя в Гаити или Таити с шикарными девушками...

Вполне реальный план, вот только...

Мелковат!

Иметь уникальный шанс сделать СССР величайшей державой планеты, но бездарно спустить его на такую ничтожную глупость как девки и деньги?

– Ну, уж нет!!!

Правильный путь «прокачки чара» идёт по другой ветке. Необходимо прямо тут, в Петербурге, устроиться на хорошую работу и семимильными шагами двигать вперёд науку и технику к заветным орденам и вящей славе Советского Союза. Ведь это вполне реально, но...

Однако есть нюансы...

Смогу ли я сойти за своего?

Сколько надо будет убить сил на поиски точки приложения знаний будущего века и завоевание авторитета?

Да у меня одно лишь обустройство быта сожрёт чёртову кучу времени!

Вот сразу бы – как пишут в некоторых книгах – добраться до ответственных руководителей высокого ранга, лучше всего – товарища Сталина.

Почему нет?

Убедить его в реальности переноса не так и сложно – у меня есть документы, деньги и, главное – смартфон.

Железобетонные доказательства, их примет любой

разумный человек, а значит, великий вождь непременно поверит в правдивость моих рассказов.

Дело за малым – за личной встречей, по возможности, без свидетелей. Не самая простая задача...

Сдаться местному ФСБ?

Или – как их называют правильно? – НКВД[9]?

Страшно – уж очень противоречивая о них репутация сложилась в 21-ом веке. Уверен, в органах идиотов не держат, разберутся рано или поздно, вот только...

По спине пробежал неприятный холодок...

Мой главный и неопровержимый аргумент – только смартфон. А он – штука хрупкая, требует нежного обращения. А ну как до него дотянутся мозолистые пролетарские руки? С отвёрткой номер четыре, к примеру?

Свидетельством моего происхождения из будущего «мобилка» быть не перестанет в любом виде, вот только жалко будет кучи скачанных в него учебников, книг, фотографий и фильмов. Для победы СССР в мировой гонке они куда полезнее моей дырявой памяти!

Что же до первоначальных доказательств...

Тут с лихвой хватит паспорта, прав и бумажных купюр! Их, по крайней мере, сломать невозможно. А чудесный электронный кладёзь информации на время спрятать, от греха подальше.

Сказано – сделано!

Включив режим фонарика на телефоне, я полез в дальний угол, присматривать место для тайника. Разгрёб мусор в подходящем месте, и... И убедился, что подобная идея уже приходила кому-то в голову.

Под тонким слоем шлака обнаружился шикарный деревянный ящик, в котором лежала целая гора остроносых патронов, собранных для удобства подсчёта и переноски жестяными скобками по пять штук[10], а под ними...

Я запустил руки внутрь и вытащил прекрасно сохранившуюся «мосинку». Встал, приложился, подцепил из специально

[9] *Правильное название для 1926 года – ОГПУ при СНК СССР (1923 – 1934).*

[10] *Так выглядели патронные обоймы, но ГГ про это не знает.*

вырезанного в деревянной ложе паза[11] массивный шарик рукоятки затвора, провернул, дослал, вернул обратно.

Неплохое место!

Винтовка, верно, пролежала тут с гражданской, но совсем не заржавела. Значит, и с моей электроникой за неделю – максимум две – ничего не случится.

Я полюбовался на гаснущий экран «смарта», вытащил батарею и засунул всё вместе в полиэтиленовый пакет с надписью «Finland», рядом с коробкой подарочного варианта этой самой водки. Чуток помедлив, присовокупил запасные аккумуляторы, наушники и походный, приспособленный ко всему на свете, зарядник. Пристроил рядом с оружием, закрыл крышку и забросал обратно, как было.

Между тем стоило поторопиться. День явно двигался к полудню, зверски хотелось есть, а программа предстояла не малая: добраться до ленинградского обкома и как-то привлечь внимание одного из ответственных товарищей. В идеале, конечно, самого Кирова – вроде как его ещё не убили. Но на крайний случай сойдёт и какой-нибудь помощник-секретарь, тем более, что в лицо я гарантированно одного от другого не отличу...

План, без сомнений, был хорош. Да только отсутствие зеркала и суровая реальность эпохи опрокинули мои расчёты ещё до того, как я успел добраться до Невского, где, по моим соображениям, должны находиться правительственные здания.

Первой ошибкой стало любопытство. Очень уж хотелось своими глазами посмотреть: какова она – жизнь в прошлом. Влиться в непривычный на вид – но как и в будущем – вечно куда-то спешащий поток людей мне удалось без труда.

Двигаясь в сторону центра, я украдкой разглядывал прохожих, заодно – останавливался перед витринами, а то, и вообще, проходил внутрь магазинов.

Это в двадцать первом веке тяжело разобрать, кто идёт рядом с тобой: охранник из торгового центра, менеджер средней руки или скромный коммерсант-миллионер. Дешёвая китайская одежда уравнила всех, отличить настоящий «Hugo Boss»

[11] Судя по данной детали, ГГ нашёл карабин «Маузер» model 98.

от поддельного лично я не в состоянии даже на ощупь. Зато тут, в разгаре НЭПа, поговорка «встречают по одежке» более чем в тему.

Особенности профессии и уровень дохода прекрасно заметны с десятка шагов.

Так что уже спустя час я вполне уверенно разбирался в основных типажах, благо хоть какие-то знания истории школа, университет и телевизор сумели вбить в мою голову. Однако вовремя осознать глубину отличий своего собственного внешнего вида от привычных хроноаборигенам образов я не успел. И это стало второй ошибкой.

На выходе из заваленной бараклом антикварной лавки меня ждал представитель власти. По крайней мере, на его странной полукепке-полупилотке с красным дном, чёрным козырьком и оторочкой из серого барашка красовалась кокарда с серпом и молотом, а длинную тёмную шинель перетягивали кожаные ремни портупей.

Не иначе продавцу – еврею средних лет – показался подозрительным мой интерес к напольным английским часам семнадцатого века, и он умудрился кого-то из помощников послать за милицией. Сам же добрый десяток минут вешал мне на уши лапшу о том, как с подельниками вытаскивал данный предмет декора из дворца великих князей, попутно отстреливаясь направо и налево от конкурентов-мародёров.

– Милиция Ленинграда, – представился служитель закона. – Предъявите документы!

Повеяло чем-то знакомым и безопасным. Возможно, именно поэтому я допустил третий, финальный промах, кардинально поменявший не только мои планы, но и, вероятно, всю историю данного мира. Вместо того чтоб с наглой мордой и раскатистой американской «р» заявить что-то академическое, навроде: «What can I do for you, sir?», – я тупо, как школьник, проблеял:

– Вот... Дома их оставил!

– Работаете?

– Ещё нет...

– Учитесь? – тон милиционера изрядно похолодел.

– Учусь, на электрика, – как можно беспечнее постарался ответить я. – В универе.

– В каком именно, позвольте узнать?

До меня наконец дошло, что единственный разумный выход – бежать.

Что, собственно, я и сделал, мгновенно сорвавшись с места со всей силой молодых мышц, прекрасно натренированных в 21-ом веке бегом и лыжами...

Преодолев в десяток прыжков чуть не полквартала, уже начал надеяться на успех, когда какой-то балбес в военной шинели бросился буквально мне под ноги.

Подняться уже не дали, а сильный удар по затылку вообще отбросил в короткое беспамятство.

Отлежаться, впрочем, не вышло. Меня живо оторвали пинками от истоптанного в грязь снега, сунули сразу с двух сторон в рёбра револьверы.

На сей раз до меня добрались не вежливые служители закона, а какие-то полукриминальные испитые типы в штатских пальто да помятых суконных кепках. Всего и отличий, что один – рябой, без переднего зуба, а второй – в очках с монументальной роговой оправой.

По телу зашарили чужие руки.

– Милиция! – неуверенно вскрикнул я.

Всё лучше, чем бандиты.

– Извозчик! – вторил рябой куда-то в сторону. И, повернувшись, выдохнул мне прямо в лицо запах солёной рыбы неизвестной, но мерзкой породы. – Заткнись, гражданин!

– Червей-то у него нема, – остановил его напарник. – Пёхом допрёт, Шпалерка[12] недалече.

– Ловко чекисты сработали. Раз – и срезали на бегу! – мелькнули обрывки разговора от проходящей рядом кучки молодёжи, не иначе – студентов-сверстников.

– Может, поперву в комиссариат? – попробовал возразить рябой, смачно сплёвывая мне под ноги.

– Ты на шмутки позыркай! – осадил очкастый интеллигент, очевидно, главный в команде. – Явная же контра, нешто мы будем два раза ноги оббивать, чай, обувка не казённая!

[12] Следственная тюрьма Ленинградского управления ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ, находится на Шпалерной улице, 25. Сегодня – СИЗО-3.

Рябой отошёл на шаг, окинул меня задумчивым взглядом и немедленно согласился:

– По любому – шпиён! Или контра недобитая! – ещё раз пребольно ткнул стволом в живот. – А ну, сунь руки в карманы, сволота! И двигай вперёд помалу!

Ничего не оставалось, как выполнить команду.

И тут обнаружилось страшное: паспорт и деньги бесследно исчезли!

Исчезли!!!

Идиот!

Какое затмение на меня нашло, почему не подумал, не переложил их во внутренний карман куртки?

Кому и что тут доказывать без этих бумажек?!

От неожиданности я споткнулся и полетел опять на мостовую, как есть, с руками в карманах...

Пришёл в себя я в каком-то мрачном помещении за тяжёлым грязным столом, на который из рюкзака уже вывалили все мои скромные пожитки. По голове, прямо за шиворот, стекала ледяная вода.

С трудом удалось сфокусировать взгляд на сидящем напротив меня человеке: фуражка почти как у полицейских 2014 года, только сильно поменьше, поаккуратнее, да цвет верха темнее и синее. Более ничего похожего: куртко-рубаха болотного армейского цвета; погон нет, вместо них красные засаленные петлицы, из которых торчат треугольные глазки малиновой эмали...

Знать бы ещё, что они означают...

– Оклемался, свинота? – из-за спины с закопчённой до черноты металлической кружкой[13] в руках выдвинулся похожий на прежнего товарищ, только на фуражке по-идиотски поменяны цвета, то есть – верх тёмно-красный[14], как сигнал светофора в ночи.

[13] *Скорее всего, медная солдатская кружка времён первой мировой войны (их часто использовали как небольшой котелок).*

[14] *Приказом ОГПУ № 315 от 14 августа 1924 г. введена фуражка с тёмно-синим околышем и краповой тульёй, 30 декабря того же года Приказом ОГПУ № 456 – околыш краповый, тульё синяя.*

Начальник, наверно, лет на двадцать старше, да на один треугольник больше, и он приказал:

– А ну живо сказывай, бегунок, как до весёлой жизни докатился!

– Что именно?! – просипел я, осторожно поднимая руки к голове.

– Надо тебе его байки слушать, – неожиданно поднял голову от писанины тот, что напротив. – Фамилию говори, – обратился он уже ко мне. – Сколь лет, где живёшь и место работы.

– Алексей Коршунов, двадцать три года, студент-электрик, – бодро начал я и почти сразу осёкся.

Что говорить? Правду? Надеяться, что дежурные «обезьянника» – а куда я ещё мог попасть? – вызовут сразу большого начальника? Да скорее за мной инопланетяне прилетят!

Поэтому я скривился, как будто от неожиданного приступа боли, обхватил голову руками и выдавил со стоном:

– Не помню! Не помню больше ничего! Вот только...

– Ладно! – невероятно спокойно и равнодушно принял мою амнезию товарищ, который, черкнув несколько строк в мерзкой, землистого цвета бумаге, толкнул мне заполненный лист. – Подмахни!

Особо вчитываться не стал – черкнул закорючку. Всё равно после удара соображаю через раз на третий.

– Особый ярус, в топорики! – с особым шиком вынес решение «писатель», откидываясь на спинку стула.

– Подымайся, загребай манатки, – скомандовал тот, что постарше. – В семьдесят седьмом тебе самое место!

Повели куда-то тихими длинными коридорами, удивительно чистыми, да ещё почти сплошь застеленными половиками. Вверх, вниз, решётка, часовой, двери, вправо, переход, решётка, влево – не иначе как строители взяли у правительства подряд на развитие географического кретинизма в среде задержанных.

Наконец передо мною открылась перспектива очень длинного многоярусного зала, такого высокого, что его потолок терялся в сумраке. По правой стороне шли окна с затемнёнными стёклами, по левой тянулся бесконечный ряд окованных железом дверей; картина с незначительными вариациями

повторялась на каждом из пяти этажей, которые, в свою очередь, соединялись узкими железными лестницами-галереями.

– Получай свеженького, – бойко выкрикнул мой провожатый.

Где-то сверху застучали каблуки, и скоро маленький, болезненно тощий конвоир в туго стянутой ремнём серой солдатской шинели повёл меня на третий ярус – как оказалось, на очередной, куда более серьёзный обыск.

По крайней мере, на этот раз меня заставили раздеться до гола, облапали в разных неприятных местах, долго исследовали подкладку и швы на основательно обваленной голубиным помётом одежде, удивлялись крою, фактуре ткани, подошвам ботинок «Gastein», а особенно – обычным носкам. Не поленились вытащить из них и попробовать на зуб резиновую жилку. Только много позже я понял, что подобная конструкция если и известна, то лишь богатым буржуам[15], простые же люди используют специальные носочные зажимы-подтяжки, либо высокие, стягивающиеся под коленом гольфы.

Напрасными оказались опасения футурошока при виде застёжек-молний[16] – надзиратели оказались прекрасно знакомы с данным изобретением. Хотя это не помешало им вертеть рюкзачок из стороны в сторону совсем по-детски, как новую игрушку.

Я страшно боялся, что отберут всё, вплоть до стоптанных кроссовок, «отельного» спортивного костюма и грязных боксёров, однако необычный, явно заграничный гардероб озадачил, а возможно, напугал местную тюремную службу.

Так что они довольствовались «подарком» в виде початой пачки одноразовых бритвенных станков, да дешёвым тюбиком крема для бритья.

[15] *Резиновая нить для одежды (в том числе и носков) используется в одежде с начала 20-го века. Но только к 1925 году фирма «Dunlop Rubber» наладила массовое производство недорогой и устойчивой к кипячению «резинки» (сначала из натурального, а потом искусственного каучука).*

[16] *«Непрерывная» застёжка была запатентована ещё в 1851 году, хотя более-менее современный вид приобрела к 1913. Американская армия заказала летние комбинезоны с молниями в 1917 году.*

Спустя десяток минут дверь камеры – массивная, как у сейфа – почти бесшумно захлопнулась за моей спиной. Немедленно раздался тяжёлый, ахающий стук защёлки, а сразу за ним – с хрустом два раза провернулся ключ.

«Как-то слишком выходит солидно для КПЗ...», – подумал я, без сил падая на привинченную к стене железную раму с переплетёнными железными же нитями-пружинами.

* * *

В моём персональном застенке было мокро, темно и адски скучно.

Четыре шага туда, четыре обратно, асфальтовый пол, забранное решёткой тусклое окно у потолка, под ним крохотный раковинный очень странного устройства: для того, чтобы из крана потекла вода надо левой рукой всё время нажимать на длинный деревянный рычаг.

В углу чудо цивилизации – чугунный унитаз не иначе как царских времён.

Ни прогулок, ни газет, ничего, даже морды надзирателя не удалось рассмотреть.

Единственная забава – стирать тряпкой струйки воды со стен и лужицы с полу, да читать выпарапанные на стенах не особенно утешительные надписи типа «кто может, сообщите на Ивановскую улицу, 24, что доктор Алтуров расстрелян». Встречались и варианты посложнее, например, в красном углу химическим карандашом наивная и явно неумелая рука тщательно прорисовала образ-икону, а также оставила каллиграфическую – насколько это реально в данных обстоятельствах! – надпись, что «раба Божья Екатерина думает о своих деточках, которые молятся за маму святому Угоднику Божьему. Январь 1925 года».

Кроме этого, интересны разве что календари на стенах, во множестве «расчерченные» предшественниками.

Самый длинный тянется на одиннадцать месяцев, начат чем-то острым – так сделана примерно треть; затем идёт простой, уже стёршийся, и чуть позже – химический карандаш. Самый короткий – всего двадцать дней.

Поперёк последних не закрытых клеток мало

обнадёживающая приписка: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь»[17].

Паёк не скуден, но растолстеть сложно. Около семи часов утра в окошечко двери просовывают небрежно отпластанный от чего-то очень большого кусок тёмного хлеба грамм на четырёста, по качеству отдалённо похожий на «фитнес» из будущего. В полдень полагается небольшая мисочка разваренной в отвратительную массу каши, обычно ячменной, но иногда выдают пшёнку или даже гречу. Вечером – на ужин – тарелка жидкого как вода и гадкого до несъедобности типа-супа с волчками капусты и опять каша.

Хорошо хоть зимняя одежда из синтетики влагу практически не набирает и греет неплохо.

В этой малости странные порядки содержат арестантов «в чём и с чем пришёл» сыграли мне на руку. А ещё на пользу пошла самая обычная лень, из-за которой я не стал подниматься в номер отеля в 2014 году, чтобы выложить многочисленные «гостиничные» шмотки перед прогулкой-игрой, а лишь «зачекинился» и забрал ключи от номера.

Самое удивительное и приятное: сохранились лекарства и презервативы – расстроенные моим непонятным шмотьём вертухаи просто не заметили их в скрытом кармашке. Собственно говоря, я про таблетки и сам забыл, чуть не год назад мать собрала скромный комплект «от всего», когда меня понесло на пару недель поугагать рыбок в Красном море. После чего он так и болтался в рюкзаке, благополучно перенёся кроме Египта и несколько командировок в Москву, и бессчётное количество студенческих пьянок по турбазам.

Всё остальное можно смело записывать по статье «проблемы».

Особенно доставало отсутствие часов и тишина. Даже не так, а исключительно с заглавной буквы: «Тишина!». Не каждый день можно было слышать лязг ключей, ещё реже – дикий, быстро заглушаемый крик, и только один раз я явственно разобрал содержание:

– Товарищи, братцы, на убой ведут.

[17] Согласно некоторым источникам, именно такую надпись оставил Н. Гумилёв на стене камеры № 77 на Шпалерной 24 августа 1921 года.

Вот и догадывайся: матёрого, измазанного кровью с ног до головы бандита тащат; ни в чём особо неповинного студента, вроде меня, пришибить хотят; или просто на психику давят, волю к сопротивлению у завсегдаево подрывают.

И без того в голове не укладывается, как так можно – выдернуть человека натурально с улицы и держать в одиночке день за днём?

Что тут вообще происходит, чёрт возьми?

От дурусти типа голодовки или разбивания головы об стены спасла болезнь. Без малого на две недели я свалился с чем-то похожим на тяжелейший грипп, переходящий в хронический кашель, если не сказать хуже. Если бы не принятая против осложнений таблетка антибиотика – оказавшаяся поразительно эффективной! – наверное, так бы и сдох, «не приходя в сознание».

А там настоящее избавление пришло: на допрос повели...

Всё те же лестницы, тихие переходы, решётки, тяжёлые двери. У одной их них, на вид вполне обычной, конвойный остановился.

– Обождите, – он постучал в дверь и почти сразу, не дожидаясь ответа, втокнул меня в кабинет.

Даже смешно – точно такая же камера-одиночка с раковиной и стульчаком, только освещена поярче, да вместо койки стоит пара столов и три стула. Думал, хоть портрет Дзержинского на стене будет, но, похоже, тут обходятся без лишней атрибутики.

«Главный сюрприз» сидел за столом...

Мне и в голову не могло прийти, что следователем окажется молодая женщина. Причём, не мощная тётка, «истинная большевичка», в перетянутой ремнями строгой кожанке и маузером в руках, а совсем наоборот, маленькая, худая шатенка лет тридцати. В меру симпатичная, с резкими чертами лица и тонкими губами без всякого следа помады.

Перед ней на столе – кроме телефона и бумаг – начатая пачка папирос «Пушка», чуть поодаль – стакан чая с одиноким ломтиком лимона, да тарелка с парой пирожных.

Спокойно, по-домашнему, прямо как будто заявление пришёл писать в деканат.

Разумеется, если не обращать внимания на стены, да лампу, направленную в лицо по всем традициям жанра.

– Садитесь, пожалуйста, – начала следователь искренним, задушевым голосом, с первых же слов на её лице явственно проступили симпатия и участие. Пододвинула ближе ко мне пачку. – Курите, не стесняйтесь. Нам надо много о чём с вами поговорить.

Не дожидаясь моего ответа, она вытянула папиросу себе, ловко смяла гильзу и жадно прикурила, вежливо выдохнув дым в сторону.

– Спасибо, не курю, – привычно отказался я, устраиваясь поудобнее.

– Какой интересный молодой человек, даже табаком не балуется, – чуть кривовато улыбнулась следователь.

– Спортом пришлось много заниматься, – пустил я в ход стандартное оправдание.

– Похож, похож, – следователь одобрительно покивала головой. – По обличию – настоящий скаут[18]!

Ну, наконец-то, возликовал я про себя!

Вполне по-человечески все в прошлом не зря ругали всяких солженицыных за очернение истории.

А что до камеры – так работы много у ЧК, вот и не быстро дошла очередь.

Сама же сидит в таком же каменном мешке безо всякой роскоши, работает на износ, бледная вся, можно сказать, света белого не видит...

Да быть того не может, чтобы я не уговорил такую милую, уставшую женщину поверить мне хотя бы на несколько часиков, пока специалисты не вытащат из тайника сотовый телефон.

Надо только начать поаккуратнее...

Если бы не заросшее щетиной лицо!

Я малость замешкался, от отупения в одиночке никак не мог решить: сразу рубануть с плеча про «родился в 1991 году, последнем, когда существовал СССР», или зайти издалека,

[18] Официально скаутское движение в СССР запретили 12 ноября 1922 года. С того времени скауты перешли на нелегальное положение. Окончательно разгромлена эта организация была только в 1932 году.

с моего провала в прошлое, игры Ingress, учёбы и жизни в Екатеринбурге.

Между тем женщина задала следующий участливый вопрос:

– И зачем это вы связались с шайкой мерзких фашистов?

– Фашисты? Уже тут?! Кха-ха-ха! – зашёлся я в приступе то ли хохота, то ли кашля. – Да что вы вообще о фашистах знать можете! Ведь пока гад Шикльгрубер пейзажики малюет где-то под мостом в Берлине[19]! Короче говоря... – тут до меня дошло, что сказано несколько больше, чем оно того стоило. – Не знаю никаких фашистов, и знать не хочу. Я простой студент, просто не повезло...

– Та-а-а-кс! – резко оборвала меня следователь. – Вот счастье всё сходится!

Всего пара мгновений, и как подменили человека!

Теперь в её глазах плескалось одно лишь торжество и злоба. Резко раздавив папиросу о край стола, она резким щелчком отбросила окурочек прямо на пол. Наклонившись ближе ко мне, выплюнула в лицо слова с брызгами:

– Так вот, гражданин Обухов Алексей Анатольевич, 1903 года рождения, стало быть, студент, из потомственных дворян! Хватит заливать. Нам всё решительно очевидно. Единственно верная для вас линия поведения – чистосердечно покаяться перед советской властью! И вот что... – в тоне женщины опять проступили нотки усталой нежности. – Мы не ставим к стенке врагов даже гораздо более матёрых, чем вы. Вот... – она сделала широкий жест по направлению к окну. – Там работают люди, многие из них были приговорены к высшей мере, но они честным трудом очищают себя от прежних преступлений перед советской властью. Помните, наша задача: не карать, а ставить на правильный путь!

– Не знаю никакого Обухова... – вскочил я.

– Сидеть! – меня буквально подкосил резкий крик, а ещё пуще – многообещающий лязг двери за спиной.

[19] В советском скаутском движении существовали две крупные фракции – анархистов и фашистов. Сама же фашистская идеология зародилась в Италии в конце 1910-х гг., итальянская фашистская партия пришла к власти и установила диктатуру Муссолини в 1922 году.

– Ну, мы вас заставим признаться, – следователь опять перешла на доверительный тон, совсем как плохой актёр в постановке провинциального театра. – Только себе же дорожке сделаете. Запомните, гражданин Обухов, искреннее раскаяние поможет искупить вашу вину.

«И увеличит срок...», – мрачно закончил я про себя её речь фразой из какого-то фильма.

Затем сквозь льющийся в глаза свет лампы явственно представил, как идиоты в кожанках находят тайник, забыв от радости смешные инструкции следователя, вытаскивают из ящика в первую очередь привычное и понятное – винтовку с патронами, с хохотом передают друг другу бутылку шпионской белофинской водки, в то время как незамеченный в потёмках смартфон хрустит под их каблуками, а микросхемы смешиваются с грязью и шлаком.

Да...

Уж не знаю, по какой статье нынче идёт борьба против социализма с оружием в руках, но на пулю в мой затылок этого расклада хватит с гарантией.

Тут я в полной мере осознал, какая это непозволительная роскошь – спокойно подумать о тщете всего сущего: вопросы полетели в лицо, как стежки швейной машинки на китайской фабрике.

– Кто вас подначил к идеологии «Чёрных волков»? Когда? ... Место вашего проживания? Адреса?! Явки?! ... Кто был на скаутинге в Казани? ... Через кого вы получали агитационную литературу? ... С кем из членов ВКП(б) вы хорошо знакомы, и где они работают? ... Адрес и номер дома, где вы встречались с Борисом Зеленовым[20]? ... Связи с куратором из Берлина, господином Свежевским[21]? ... В каких учреждениях белых правительств служили? Должности, звания? ... Кто такой

[20] Б. Зеленов, глава советских скаутов, 1904 года рождения. Арестован 14 ноября 1926 года. На допросах категорически отказался от всяких показаний, получил 3 года концлагеря (Соловки).

[21] Б. Н. Свежевский, белогвардеец, в прошлом капитан лейб-гвардии, начальник Петроградской дружины. Курировал из Берлина ориентированный на итальянский фашизм «Опытно-показательный скаут-отряд» (одну из двух крупных фракций в советском скаут-движении).

Шикльгрюбер, и какие картины он рисует? ... Как относитесь к советской власти? ... Как это понимать: никак?!

Мелькали абсолютно дикие вопросы из анкеты, термины типа «совет начальников отрядов», «съезд объединённых патрульных» и «совет инструкторов». Перечислялись фамилии как бы моих знакомых и друзей. Приводились слова уже арестованных скаутов[22], которые обвиняли меня в какой-то дикой чепухе, направленной на свержение социалистического строя.

Чёрт возьми!

Да что я, в принципе, могу ответить, если впервые в жизни слышу про скаутов в СССР? Для меня это не более чем природно-ориентированные детки в забавных панاماх защитного цвета из американских фильмов! Подростки, которые, в сущности, ничуть не опаснее ёжиков!

Поневоле пришлось симулировать потерю памяти. Помогло мало...

Ещё бы, после моего идиотского пассажа о берлинском художнике угрозы перемежались с уговорами, их сменял шантаж, за которым следовала смешная попытка подкупа папироской, и уже более серьёзная – шикарным обедом для растущего организма: «Прямо тут, сию минуту распорядюсь!».

Часа через три женщина выдохлась окончательно. Мило пощебетав по телефону с неизвестным мужчиной – вероятно, мужем – на тему: «как я устала от проклятой работы, просто кошмар, но, мой милый, всё равно тебя люблю, только сегодня обязательно купи хлеба к ужину», она, не прощаясь вышла.

Вместо неё за меня принялся сменщик, неторопливый долговязый прибалт.

Грешным делом я подумал о классике: «будут бить, возможно – ногами». Заранее прикидывал, как сохранить почки и зубы. Последнее почему-то волновало сильнее, ведь импланты тут ставить не умеют.

Но вместо мер физического воздействия следовательно начал методично и многозначительно перечислять мне собранные

[22] Всего по делу скаутов в течение 1926 года было осуждено 40 человек. В основном они получили или по 3 года концлагерей, или по 3 года ссылки. Всего же только в московское скаутское движение было вовлечено от 4 до 6 тысяч человек.

за десять лет советской власти прегрешения скаутов. Говорил медленно и подробно, заглядывая в какие-то листы, исписанные разными почерками от руки, видимо – доносы или показания разных лиц. Тон у него был такой, как будто он меня хотел сразить каждым из этих фактов. Лишь изредка просил дать оценку услышанному, искренне обижался и удивлялся моим ответам невпопад.

До сих пор интересно: какой реакции он ожидал от меня на документально заверенный свидетелями факт передачи аж целых восьмисот восьмидесяти пяти долларов на нужды коммуны в Салтыковке через сына литовского посла в Москве Георгия Балтрушайтиса? Ну кроме идиотского смеха, разумеется?

Наконец, уже когда за окном стемнело, меня оставили в покое. Прощальное напутствие, впрочем, не порадовало.

– Помните, гражданин Обухов, мы не будем торопиться, спешить нам некуда. Меньше шести месяцев дознание не идёт, так что на год вы здесь прописаны. Советую вам хорошенько подумать, всё обмозговать и чистосердечно рассказать. Теперешнее ваше поведение к хорошему не приведёт, – объяснил прибалт.

Лучше бы одолжил почитать научно-популярную книжку про скаутов!

Вернувшись в камеру, на адреналине расчертил кусок стены под свой, собственный календарь. Сразу с запасом на двенадцать месяцев вперёд. А потом...

Завод кончился, и я упал на койку, с головой под одеяло, самым что ни на есть пошлым образом плача от обиды и бессилия. Очевидно, что пока меня считают каким-то Обуховым из дворян – не поверят ни единому слову, что бы я ни говорил. Спрячь я «мобилку» куда-нибудь в иное место – добросердечное признание выглядело бы более-менее уместно. Но дурость, по которой я умудрился засунуть смартфон рядом с винтовкой, подняла ставку до поистине смертельной – платить столь много я пока не готов.

Долго предаваться самобичеванию не дали...

Дверь лязгнула: в камеру вбежали два надзирателя и стали стаскивать одеяло.

Чего они хотели – я не понял[23], но пришлось собрать в кулак все силы для спокойного ответа:

– Мне мешает свет!

– Не положено!

Ушли, хотя волчок поскрипывал всю ночь...

На следующую ночь – или, скорее, очень раннее утро – вызвали «с вещами».

Предположив, что расстреливать меня вроде как рано – да и не за что – обрадовался.

Думал: попугали, попробовали взять «на слабо», но без доказательств решили снять с казённых харчей.

Даже невольно заулыбался, когда вели мимо ярко освещённого буфета, за столиками которого, несмотря на ночь, обжирались несколько следователей – нарядных подтянутых мужчин и женщин в полувоенной форме. Сытых и довольных своим превосходством.

Однако реальность оказалась куда прозаичнее...

Как видно, полностью установив мою личность и степень прегрешений, администрация решила освободить ценную «семьдесят седьмую» под кого-то более важного.

Мою же никчёмную скаутскую тушку перебросили в общую камеру.

В отличие от глухой одиночки тут выходящая в коридор стена имела широкие, забранные прутьями решётки окна, такой же была и сама дверь. Ни дать, ни взять – зоопарк.

Едва переступив низкий металлический порог, я невольно замер. Радость – «наконец-то хоть людей увижу!» – сменилась ожиданием страшной, и, как я помнил по книжкам, неизбежной прописки.

Тем более удивили первые тихие слова:

– Пожалуйста, раздевайтесь, товарищ, – ко мне навстречу в одном белье поднялся с лавки мужчина лет пятидесяти. В тусклости, только нарождающемся свете зари, проникавшем из двух окон на противоположной стене, его голова блестела неестественной лысиной. – Вы недавно с воли? Хотя пустой вопрос, и так ведь видно. Я – камерный староста Фохт, Георгий

[23] Обычная практика – опасались попытки самоубийства.

Карлович[24], если вам угодно. Тут уже девятый месяц, веду бухгалтерию, коли так можно сказать, почти как до ареста, в Древлестре.

Не успел я толком удивиться, как он вытащил откуда-то из-за спины растрёпанную тетрадь и, быстро вписав в неё мою фамилию, имя и отчество, проставил номер.

– Будете семьдесят девятым[25], – сказал он и добавил, видя мою нерешительность. – Да вы не тушуйтесь, тут же «библиотечная»[26] камера! Ничего не своруют, боже вас упаси, даже шутить про это не надо! Вон, посмотрите... – он показал рукой куда-то вглубь. – У нас свой академик-библиотекарь есть, Дмитрий Иванович[27], я вас позже представлю – конечно, если желаете. А пока пойдёмте, постараюсь пристроить вас на место, только идите ради бога тихо и не наступите на кого – люди же спят.

Постепенно разглядел камеру, по форме большую, почти квадратную комнату, площадью квадратов в семьдесят. Потолок – сводчатый, поддерживаемый посередине двумя тонкими металлическими столбами, серый, так что глазу не за что зацепиться. Зато пол устроен куда интереснее, вернее, до него ещё надо было добраться. На высоте сантиметров сорока вся камера была покрыта настилом, на котором в определённом порядке лежали спящие: у боковых стен – в два ряда, головами к стенам, ногами внутрь камеры; посередине – головами к центру. Между границами каждых двух рядов оставалось по узкому проходу. В тех местах, где спали люди большого роста, зазора не оставалось.

[24] Реальный человек, попал в заключение в 1927 году за шпионаж (вёл переписку с родными в Германии, Латвии и Польше). Приговорён к 3 годам ссылки в Сибирь, отправлен в Туруханск.

[25] По царской норме в камеры такого типа размещали до 22 человек. Но 79 – это ещё «по-божески», позже, в 30-х годах в подобные помещения «напихивали» до 120-130 заключённых.

[26] Данная камера находилась в одном коридоре с тюремной библиотекой.

[27] Имеется в виду Д. И. Абрамович (1873-1955), филолог-славист, палеограф, источниковед. Чл.-корр. РАН с 1921. К моменту ареста в начале 1927 года – главный библиотекарь ГПБ (Ленинград).

Несколько человек приподнялись и с любопытством рассматривали меня.

– В этом проходе, налево, под щитами, третье место свободно. Ложитесь, – прервал мои мысли человек в белье. – Не будут пускать – пожалуйста, настаивайте, место там есть.

– Как под щитами? – в панике переспросил я.

– Ну да, на полу, – совершенно спокойно подтвердил бывший бухгалтер. – Да вы не удивляйтесь, все новички так начинают. Месяца через два – если бог даст, не переведут куда-нибудь – переберётесь на верхний ярус.

Только тут до меня дошло, что под сплошной людской массой на нарах есть второй, не менее плотный слой людей.

Делать нечего, аккуратно протиснулся между обращёнными друг к другу ногами двух рядов и нагнулся к полу в указанном месте. Желание лезть в кучу спящих, ползком под доски, в вонючую темноту, резко пропало. Тем более за окнами постепенно светало, и я решил вернуться и докемарить на свободном пяточке у двери.

– Что же вы, товарищ? – опять приподнялся староста. – Не положено так, охрана ругаться будет.

– Не хочу беспокоить спящих, – попробовал оправдаться я.

– Так бы и сказали, что страшно с непривычки, – хмыкнул мой первый камерный гид. – Приспособитесь, хотя... – он задумчиво поскрёб пальцами лысину. – Одежка у вас, товарищ, справная, организм молодой. Есть местечко получше, но рядом с уборной, так что там открыто окно всё время, неприятно пахнет и холодно. Зато не так тесно, пойдёмте!

Мы протиснулись вперёд до самой стены. И действительно, в углу располагались две койки, занятые спящими, между ними просвет сантиметров в тридцать. На полу – вообще никого.

– Берите тюфяк и ложитесь здесь, – староста с трудом подавил зевок. – Хорошее место, не кривитесь, ещё благодарить будете.

И ушёл досыпать.

С трудом и отвращением я пропихнул соломенный матрас и занял своё новое место жительства.

От унитаза, к которому стояла вечная очередь, по полу

тянул густой и отвратительный запах. Каждые несколько минут шумел слив воды.

Меня вновь охватило чувство унижительной безнадежности. На прежнем месте можно с ума сойти от одиночества, и тут не лучше, никуда не деться от людей, ползучей липкой вони, грязи, и...

Чёрт возьми! Да тут всё в клопах!

Только чудом, а скорее благодаря пройденной школе одиночки я сдержался от крика.

Заснуть всё же не смог.

Уже примерно через час в камере стало проявляться какое-то шевеление. Некоторые осторожно поднимались и приближались к умывальнику, становясь в очередь.

– Подъем! Подъем! – понеслись из коридора слова команд.

Поднялся и староста.

– Товарищи, пожалуйста, поднимайтесь, закуривайте! – теперь уже громко предложил он.

Всё зашумело и зашевелилось: слышались разговоры, смех, лёгкая перебранка. Мало с меня было миазмов туалета – теперь по воздуху поплыли сизые клубы удушливого махорочного дыма. Верхние щиты снимались, их вместе с тюфяками быстро и ловко вытаскивали куда-то в коридор, за решётку. Из-под них поднимались спящие на полу. В один момент в камере образовалась такая непроходимая толкучка, что непонятно было, как все эти люди умещались здесь ночью. Шутка ли, более чем по одному заключённому на квадратный метр!

– Проще сдохнуть! – я не удержался от громкого стога.

– Привыкнешь... Все привыкают... – равнодушно ответил мне кто-то из сокамерников. – Такая уж скотина – человек.

Слова оказались правдой...

Первое время я сходил с ума от грязи и тесноты, которая не давала ни есть, ни спать, и вообще, не оставляла мне ни минуты покоя. К концу дня – чувствовал себя смертельно усталым, разбитым и мечтал о той минуте, когда наконец всё утихнет, и можно будет отрубиться от реальности в коротком забытии. А ночью, не имея возможности заснуть от духоты, вони, шума уборной, храпа, стонов и сонных криков соседей, с тоской ждал утра, когда уже можно будет подняться.

Но уже через неделю – к собственному же немалому удивлению? – я вполне освоился с совершенно невероятными в сравнении с прежними временами условиями.

Тяжелее всего оказалось привыкнуть к вездесущим вшам и клопам. Хорошо хоть им почему-то не слишком нравилась моя полная синтетика одежда. Тем не менее, пришлось в полной мере освоить искусство выворачивания белья – так тут называют смену лицевой и изнаночной стороны трусов по мере появления гнид в складках, с последующим тщательным вылавливанием и раздавливанием между ногтей паразитов, перебегающих поближе к тёплому телу.

Спустя же месяц я научился находить некоторые плюсы в ситуации.

Во-первых, сумел сильно поднять свой авторитет, благодаря предложению «псевдоэлектронной» очереди в туалет[28]. Вместо того, чтобы каждый день выстраиваться в колонну по одному перед одним унитазом, на стену пристроили самодельную досочку с тридцатью деревянными номерками, вешающимися на маленькие колышки. Около уборной прикрепили циферблат со стрелкой и тридцатью нумерованными делениями. Соответственно, желающие разбирали номерки, а после использования – цепляли обратно, заодно передвигая стрелку на следующее деление. Простая мера основательно уменьшила пустую толкотню.

Во-вторых, мне удалось поправить вопрос с питанием – и своим, и сокамерников. Надо сказать, тюремное меню удивляло меня ещё со времён одиночки. Первое же дежурство по тюремной кухне – «обычных» заключённых тут широко привлекают к работам по уборке и благоустройству – открыло страшную поварскую тайну: что каша, что суп варятся паром, в специальных котлах под высоким давлением. То есть получается: при в общем-то достаточном количестве и калорийности они начисто лишены витаминов. Сначала я отнёс подобную глупость на слабость советской экономики и лень персонала, однако...

По странному совпадению оказалось, что из списков

[28] В воспоминаниях В. В. Чернавина упоминается, что подобное приспособление было «внедрено» заключёнными Шпалерки на его глазах, то есть в начале 30-х годов.

допустимых к передачам продуктов аккуратно вычеркнуты и свежие овощи, и яблоки, и лимоны, и ягоды, и молочные продукты – буквально всё, что может поставить заслон на пути цинги и фурункулёза.

Уж не знаю: умышленно администрация ослабляет заключённых в надежде, что болезненная слабость и апатия быстро сломают волю к сопротивлению, или налицо убийственная безграмотность, но...

В любом случае терять здоровье я не собирался. Поэтому в ход пошли старые добрые проростки пшеницы, ржи, гречи, овса и прочих злаков. Чего уж проще, ведь в зерне особого недостатка не было, воды и жестянок тоже хватало. А результат оказался на загляденье, не прошло и пары недель, а камеру стало не узнать!

С лиц ушёл нездоровый землистый цвет, заметно сократилось количество пустых и глупых ссор «ни из-за чего», всё чаще слышался смех...

А ещё неделю спустя мне наконец-то повезло переехать с пола «наверх» и полностью влиться в пёстрый, но потрясающе интересный коллектив «библиотечной» камеры.

Каких только людей тут не было: полдюжины профессоров, преподаватели вузов; инженеры – химики, электрики, геологи, механики, путейцы; учёные, многие с мировым именем, архитекторы, историки, археологи, музееведы, музыканты; офицеры, армейские и флотские; наконец, много людей духовного звания.

По вечерам устраивались лекции по темам типа: «Промысловые рыбы северных морей», «Производство стекла», «Что такое благодать Святого Духа», «Нержавеющие стали», «Современный взгляд на строение материи», «Анализ трагедии Гёте «Фауст», «Восстание 14 декабря со стратегической точки зрения», «На каком языке разговаривали Адам и Ева в Раю», «Родословная Козьмы Пруткова». Причём лекции читали лучшие в мире специалисты своего дела!

Излишне говорить, что мои знания на таком фоне выглядели, мягко говоря, неказисто. Пришлось заняться фантастикой в самом прямом виде. А именно, как дошла очередь – часа три подряд рассказывать о компьютерах 21-го века, полупроводниках, интернете и прочих чудесах...

По части следствия, казалось, про меня просто забыли. По крайней мере, мой первый допрос оказался и последним. Поначалу я переживал, казалось, чего уж проще: одна-единственная очная ставка с другими скаутами – и всё, вопрос моей невиновности полностью решён!

Исчезнет опасный для социализма Обухов, появится несчастный молодой человек, потерявший память от удара по голове при аресте, которого вроде как нет ни малейших оснований держать в тюрьме, а совсем наоборот – необходимо срочно отправить в больницу на лечение. А уж там-то у меня наверняка подвернётся возможность продемонстрировать свою безопасность для окружающих, выбраться на волю и получить наконец обратно в свои руки неосмотрительно схороненный смартфон.

После чего честно исполнить долг перед «народом и партией», то есть обратиться в соответствующие инстанции с нормальными доказательствами из будущего.

Однако полдюжины писем-просьб к следователю остались без всякого ответа!

Как и несколько жалоб в вышестоящие инстанции...

Несмотря на это, я не особенно волновался – происходящее по-прежнему напоминало навороченный квест, и в глубине души я пребывал в полной уверенности, что в липовом насквозь деле «скаута Обухова» рано или поздно следствие или суд разберутся, а меня – выпустят.

Всё же 27-ой год – совсем не 37-й, я твёрдо помнил из учебников, что в это время никаких особых репрессий не происходило. Наоборот, на воле – разгар НЭПа, в многочисленных кабаках и ресторанах вполне свободно жируют с ананасами и рябчиками самые настоящие буржуи, живут и работают многочисленные специалисты, открыты представительства иностранных компаний, зарубежные журналисты, как говорят, совершенно свободно ездят по стране.

Особенно меня успокаивал тот факт, что никто не выбивал из меня самого главного, королевского доказательства, которое постоянно фигурировало в книгах и учебниках про громкие процессы конца 30-х годов, а именно – «собственноручно написанного и подписанного признания вины».

Если уж знаменитых большевиков мордовали ради этой

малости смертным боем, до кровавых клякс на страницах протоколов, то меня-то точно не пощадят...

Если, разумеется, кому-то на самом деле нужно сделать из меня Обухова. А раз нет, то придётся просто ждать, пока чертовски неповоротливая чекистская бюрократия не обнаружит полного отсутствия улик и любых иных доказательств, да не выпихнет меня обратно на промёрзшие улицы Петербурга...

* * *

Но дни шли, и я всё больше втягивался в тюремную жизнь, тем более что у меня нашлось, чем занять свободное время. А именно – учёбой. И ведь было чему! Редкий из моих соседей-заключённых не говорил свободно на двух, трёх, а то и более языках. Мой же институтский английский – который я ранее полагал очень неплохим? – на проверку оказался до неприличия ужасен.

За повышение образовательного уровня «изобретательно-го вьюноши со странными фантазиями о будущем в голове» с великим рвением взялся чудесный человек, профессор филологии Кривач-Неманец. Седой как лунь, но сохранивший блестящий разум чех лет семидесяти пяти. До тюрьмы он служил переводчиком в комиссариате иностранных дел, поэтому обвинялся в шпионаже в пользу международной буржуазии – всей сразу, надо полагать. По части языков он был экстраординарный специалист: бегло говорил на нескольких десятках, включая китайский, японский, турецкий и, естественно – всех существующих европейских. Мне стоило большого труда убедить эдакого полиглота, что кроме шлифовки наречия Шекспира, мой бедный мозг сможет вместить в себя максимум немецкий и французский. Он-то по доброте душевной готовился преподавать вдобавок к ним греческий и латынь, чтоб вышло «не хуже чем в старой доброй гимназии»[29].

Всё равно мало не показалось: профессор подговорил сокамерников, и более со мной на родном языке никто не

[29] С начала 19-го века древние языки активно вытеснялись из гимназий, по состоянию на 1917 год греческий – преподавался только в одной на всю Российскую Империю. С латинским дело обстояло лучше, но ненамного.

разговаривал. Книг на русском читать не давали, разве что газеты, глаза бы мои их не видели. Какая там вялость? Какое безразличие? Мелкая тюремная суэта – очередь к шкафу с посудой, к котлу с кашей, всё ненужное, глупое и досадное – шло за отдых. Вечерние лекции и минимальная физкультура – воспринимались как настоящий праздник. Зато прогресс в обучении не сравнить со школьным: более-менее общаться с сокамерниками по-иностранному я начал уже к лету, а к зиме – мог похвастаться свободным английским, очень недурным французским и сносным немецким. Ближе к новому 1928 году я всерьёз начал подумывать прихватить чуток испанского, но...

Перемены в советских тюрьмах, как правило, внезапны и пессимистичны...

Хотя надо признать, в годовщину моего провала в прошлое вечер начинался вполне весело и беззаботно.

Для начала случилась неожиданно бурная перепалка на «языке любви» между паном Феликсом – обычно чрезвычайно учтивым и опрятным польским ксёндзом, умудрявшимся поддерживать в достойном состоянии свою обносившуюся сутану – и отцом Михаилом, примерно столь же скромным и аккуратным православным священником.

Кто бы мог подумать, что они разругаются чуть не до пошлой драки?

И всё из-за предков, как оказалось, бившихся смертным боем во времена польского восстания!

Весело разнимали, а потом увещевали всей камерой.

Затем мы провожали на волю Штерна, австрийского подданного. Ещё в 1923 году он и двое товарищей заключили с одним из петербургских заводов годовой договор в качестве специалистов по лакировке кожи. Хоть условия в СССР им не понравились сразу, всё ж обязательства они исполнили честно и сполна. Но продлить договорные отношения отказались, и...

Всех троих посадили на Шпалерку, сказав, что выпустят, когда они подпишут новый контракт. Сдаваться строптивые иностранно-подданные не хотели, извернулись и поставили в курс дела австрийского консула.

Он вступился, но только за двоих, а третьего – еврея по национальности – оставил выпутываться самого.

Так Штерн оказался забытым в камере на целых три года!

И вот теперь сокамерники из тех куркулей, кто получали из дома передачи, собирали «иностранцу» хоть какую-то одежду взамен его старой, давно истлевшей.

А потом неожиданно, по сути, уже в нерабочее время, надзиратель вызвал моего учителя.

– Эй, гражданин Кривач, поторопись на выход!

– Не дай бог, если меня к «Кукушке» сегодня, – побледнел профессор, поднимаясь с лавки.

Таким нелестным именем обитатели камер звали тюремную канцеляристку, по слухам – кривоногую, щербатую барышню, в обязанности которой вменялось объявлять тюремные приговоры.

Вернулся профессор быстро, не прошло и четверти часа. На мои расспросы просто протянул маленькую бумажку-квиток. В слабом, чуть колеблющемся свете электролампочки я сумел прочитать: «Петроградская коллегия ГПУ признала гражданина С. П. Кривач-Неманец виновным по ст. 58 п. 4, и ст. 58 п. 6 уголовного кодекса РСФСР и постановила приговорить С. П. Кривач-Неманец к высшей мере наказания – расстрелу, с заменой 3-мя годами заключения в Соловецком лагере особого назначения».

– Начинали по шестьдесят четвёртой и шестьдесят шестой, закончили по пятьдесят восьмой[30], – пошутил он подозрительно бесцветным тоном, пока я пытался осознать смысл приговора. – Да только итог один.

– Но три года – это же совсем немного, – попробовал возразить я. – Можно сказать, что амнистировали! Вы же в прекрасной форме, ещё успеете на свободе погулять!

– Нет, Лёшенька, – покачал головой старый чех. – Летом у меня был шанс пристроиться где-то на пересылке до холодов. А сейчас этапом, с моими больными лёгкими, да ещё на Соловки... Гарантированное убийство. Подлое, знаешь ли, не

[30] По УК 1922 года Статья 64 – «Организация террористических актов и сотрудничество с иностранцами», статья 66 – «Шпионаж в пользу международной буржуазии», вошли в 58-ю статью УК 1926 года (части 4 и 6).

хотят своими руками дуло нагана в седой затылок толкать. Для этого у них... – он особым тоном выделил это слово. – Припасены в достатке мороз, голод и шпана.

Трёхлетний срок был, в общем-то, не слишком редок для узников «библиотечной» камеры, среди которых хватало пожилых людей. Следователи с ними не торопились, так что некоторые умирали прямо в тюрьме буквально от старости.

К примеру, на второй день после моего перевода в общую камеру, немало меня напугав, скончался некий генерал Шильдер[31]. По словам друзей, его держали в заключении за переписку с вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной.

Ещё один старик уже несколько месяцев находился, что называется, на грани: худой как скелет, на неразгибающихся ногах, голова совершенно лысая, жёлтая, покрытая редкими волосиками, как у чудовищного птенца, ввалившийся беззубый рот, частичная потеря памяти. Иногда он впадал в длительное обморочное состояние, которое внешне ничем не отличалось от смерти.

Раз за разом соседи ошибались и вызывали к нему, как новопредставившемуся, местного лекнома, то есть – лекарского помощника.

Грешным делом, я считал такой порядок чем-то типа неизбежного уровня революционного зверства...

Просто так отпустить контру выходит не по-коммунистически, но и наказать реально не за что. Вот и дают три года «шпионской деятельности»...

Отчаянно жаль, что тут не принято брать в зачёт время предварительного заключения, однако, всё равно – три года отработки на лесоповале не казались мне чем-то невероятно ужасным.

Однако сам факт замены расстрела «всего-то» тремя годами здорово меня напряг.

[31] В. А. Шильдер, русский генерал, кавалер 14-ти орденов, директор Пажеского корпуса, Александровского лицея. Арестован по «делу лицестов» и умер в тюрьме в 1925 году. Всего по этому делу было арестовано около 150 человек, их них расстреляно 26, среди них сын Шильдера Михаил. Жена Шильдера А. М. Клиngenберг умерла в ссылке.

– Неужели всё настолько плохо? – спросил я.

– Не хотел тебя пугать раньше времени, – ответил учитель, не поднимая взгляда от пола. – Сильных, молодых – хорошо, если треть возвращается[32]. А для такого старика, как я, сей путь есть дорога в один конец. Уж лучше бы пуля! Но ты... – каким-то невысказанным напряжением сил Кривач одёрнул себя и даже улыбнулся. – Ты молодой, за себя не переживай, вижу – хваткий парень, всегда вывернешься.

– Но как же так?! – в растерянности промямлил я. – Неужели они не понимают?!

Ничего более умного в голову не приходило.

– Знаешь, Алексей... – неожиданно перешёл на тихий, едва уловимый шёпот Кривач-Неманец. – Как-то ещё в двадцать третьем пришлось мне переводчиком выступать на одном интересном допросе... Тогда я ещё им, то есть товарищам нашим... – он опять подчеркнул интонацией явно неприятное слово. – Верил. Мне уж точно не судьба, а вот ты твёрдо запоминай. Есть во Франкфурте-на-Майне – найдёшь, поди – «Metzler Bank». Там снят в сейфе ящик отдельный, предъявить права на который может тот, кто назовётся Oberst Ludwig Richter. Прямо так и никак иначе, буква в букву – дай сейчас запишу, после зазубришь.

Профессор дотянулся до старой газеты и быстро вывел слова огрызком карандаша...

После чего продолжил:

– Не беспокойся, документа никакого не спросят, просто порядок такой. Имени, конечно, мало будет для банкиров, так что запоминай пароль: «Tatsachen gibt es nicht, nur Interpretationen[33]», – всё понял?

Я только смог кивнуть в ответ, повторяя про себя кодовую

[32] *Объективные данные о смертности в Соловецких лагерях отсутствуют. Сами узники оценивали её в пределах 35-40 %. По свидетельству генерала Зайцева из 100 «казров-трёхлетников» первых «призывов» к моменту освобождения в 1927 году 37 умерли, 38 покалечены и лишь 25 покинули лагерь здоровыми (большинство из последних попали на «хлебные» лагерные места канцеляристов, кладовщиков, т. п.).*

[33] *Цитата из Ф. Ницше: «Факты не существуют, только интерпретации».*

фразу. Дождавшись, пока я окончательно всё уложу в голову, старый чех продолжил свой рассказ:

– Не знаю, что там точно, но ценность наверняка немалая. За эти слова пятерых убили, а потом ещё и мой начальник с замом друг друга перестреляли. Лишь про меня – хе-хе! – забыли, идиоты краснопузые. Думал, выберусь с очередной делегацией из Совдепии, пригодится, чтоб старость не в ночлежке встретить. Но не судьба, видать, так хоть тебе сгодится, – он легко отмёл мою слабую попытку возразить. – Не спорь со старшими, не надо. Обещай только, если сможешь, отомстить... За меня – тоже!

– Всё, что будет в моих силах, – просто, без всякого пафоса подтвердил я.

Слово «месть» пока не стучало в моё сердце, но в любом случае деньги казались сущей мелочью на фоне ещё не случившейся – невероятной, но всё равно неизбежной – гибели такого выдающегося человека как Кривач-Неманец.

Пока было просто грустно...

– Ничего, бог поможет, – он положил руку на моё колено. – Я своё отжил. А ты себя сбереги. И вообще... Совсем старый стал, дурака сваял. Забудь про месть, слышишь, забудь! Сможешь добраться до Германии – проживи всё что найдёшь в своё удовольствие, а о Совдепии думать забудь. Купи фольварк где-нибудь в Баварии, девку найди посимпатичнее, детей настрогай десяток. Вот... Вот это и будет самый лучший ответ большевикам!

– П-п-постараюсь, – пробормотал я, едва сдерживая слёзы.

– А теперь давай на боковую, – резко сменил тему старый чех. – И так засиделись.

Он откинулся на койке и как-то очень легко уснул. Наверно, именно так должны засыпать люди, до конца выполнившие свой долг.

Как его забрали, я не услышал, самым глупым образом продрых.

Хотя не думаю, что профессор на меня за это в обиде. Скорее, наоборот – он явно собирал вещи украдкой, чтоб не разбудить, знал: я бы ни за что не взял от него прощальный подарок – шикарные, совсем новые немецкие калоши. Мой будущий счастливый талисман...

Больше месяца я провёл как в тумане.

Вдребезги, в клочья и пыль развалилось тщательно выстраиваемое в глубине сознания убежище, в котором пряталась вера в справедливость и свободу. Стали нестерпимо смешными фантазии бессонных ночей, в которых я мечтал о самой малости – адвокате, свидетелях, да просто – хоть о каком-то суде! Хотя уже тогда разумом по рассказам соседей прекрасно понимал – ничего, абсолютно ничего подобного на процессах ГПУ нет и в помине!

Надежда умерла...

Я забросил обучение, хотя педагогов по-прежнему было в достатке, прекратил тщательный уход за волосами и одеждой, перестал заниматься физкультурой, в общем, отчётливо покатился вниз, в тупость, грязь, к блохам и клопам...

Вытащил меня из депрессии, а вернее сказать, спас от гибели староста. Уже не тот, что принимал меня в камеру, а новый – неисправимый оптимист Семён Павлович Данцигер.

Его отец когда-то имел в Минске кожевенный заводик с аж целыми пятнадцатью рабочими, и это стало натуральным проклятием для сына. Сначала – сразу после национализации – Данцигер удрал в Пермь, устроился в какой-то кооператив, но там быстро вынюхали его торговое происхождение и выперли. Голодал, пристроился к какому-то кустарю выделывать кожи. Через полгода кустаря посадили за спекуляцию – скупку кож дохлого скота – но Семён Павлович сумел сбежать в Новороссийск и пристроиться грузчиком. На профсоюзной чистке какой-то комсомольский компатриот выскочил: «Так я же его знаю, у его отца громадный завод был». Выгнали и посадили за «сокрытие классового происхождения». Отсидел полгода, уехал в Петроград и устроил кооперативную артель «Самый свободный труд»...

Вот тут-то его и арестовали за дачу взятки[34].

[34] По УК 1922 года взятка считалась контрреволюционной деятельностью, соответственно наказывалась «вплоть до расстрела».

Сперва этот «великий комбинатор» пытался для меня обойтись внушением, наверное, в его голове просто не укладывалось то, как молодой парень может сломаться из-за такой малости, как старик-учитель.

Тогда как он сам сумел пережить куда более страшные удары судьбы: смерть родителей от болезней – а скорее, от неустроенности и плохого питания; гибель воевавшего за белых брата; и ещё многое, накопившееся за десяток лет борьбы за существование.

Но осознав тщетность простого пути, Семён Павлович немедленно изобрёл иной сильный ход. А именно: поселил рядом со мной новенького, весёлого, жизнерадостного сверстника, студента-филолога, Диму Лихачёва[35], попавшего в Шпалерку за шуточную поздравительную телеграмму от имени Папы Римского.

Банальный стыд оказался куда сильнее логики и здравого смысла. Он живо вышиб из моих мозгов тоску, заставил очнуться и привести себя в порядок.

Жаль, что уже через несколько дней наша зарождающаяся дружба оборвалась навсегда – «Кукушка» наконец-то добралась до меня...

– Обухов, в канцелярию! – однажды долбанул сапогом по решётке надзиратель. – Подымайся, тута, знаешь ли, ждуть страсть не любят!

Без всяких дальнейших слов он сопроводил меня в незнакомую досель комнату, где я наконец-то смог собственными глазами убедиться, что реальный облик легендарной канцеляристки как нельзя лучше соответствует прозвищу.

Впрочем, голос у неё оказался наоборот сильным и приятным.

– Слушали дело гражданина Обухова Алексея Анатольевича, по обвинению его в преступлениях, предусмотренных статьями 58 пункт 11, – она скороговоркой

[35] Д. С. Лихачёв – Чл.-корр. АН СССР по Отделению литературы и языка, действительный член многих зарубежных академий. Во время учёбы в Ленинградском университете участвовал в шуточном кружке «Космическая Академия наук». Арестован 8 февраля 1928, в октябре 1928 получил по ст. 58, п. 11 пять лет лагерей.

«прокуковала» шаблонный текст.[36] – Постановили: признать виновным в преступлениях, предусмотренных указанными статьями и заключить его в концентрационный лагерь ОГПУ[37] сроком на три года. Дело сдать в архив. Распишитесь...

Кукушка положила лист отпечатанной бумаги на стол, основным текстом вниз.

Я потянулся перевернуть, прочесть приговор своими глазами.

Надзиратель резко одёрнул.

– А ну не задерживай, у меня нет времени с каждым валандаться! – зло прошипел он.

– Мне по этой бумаге три года жить, – возразил я, всё же переворачивая злосчастный документ.

– Напрасно сомневаешься, Обухов, – злобно скривилась канцеляристка, от чего из страшенькой превратилась в настоящую кикимору. – Можешь вообще ничего тут не подписывать, ничего от этого для тебя не изменится.

Не споря, быстро пробежал глазами текст, тщательно запомнил номер дела и дату. Кривач-Неманец специально предупреждал, что без указания этих цифр любое обжалование не имеет даже крохотного шанса на рассмотрение. Вписал в строчку для подписи своё настоящее имя – Алексей Коршунов, поставил закорючку...

Уже как осуждённый.

– Чего расселся-то?! – грубо поторопил надзиратель. – Пшёл быстро! Манатки в охапку, этап не за горами!

[36] Статья 58-11. «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, приравнивается к совершению таковых и преследуется уголовным кодексом по соответствующим статьям».

[37] Только 27 июня 1929 г. Политбюро переименовало концентрационные лагеря ОГПУ в исправительно-трудовые. То есть до этого момента слово «концлагерь» использовалось вполне официально.

3. ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Бирзула. Апрель 1930 года
3 месяца до рождения нового мира

За окном смеркалось...

Как будто подстраиваясь под угасание дня, всё реже звучал перестук колёс на стыках, ощутимо замедлился бег телеграфных столбов.

Вдоль дороги потянулись замызганные заборы и сараи. Рельсы начали ветвиться стрелками, уходящими в обветшалые, но многочисленные ремонтные или погрузочно-разгрузочные закутки.

Неожиданно, совсем рядом с составом проплыла монументальная «свечка» странного здания красного кирпича с несвежей, но всё же белой отделкой окон и вычурных фронтонов. Очень небольшое, немногим длиннее вагона, оно высилось вверх на целых пять этажей.

И почти сразу за ним показался верный признак крупной станции – невысокий асфальтированный перрон, за которым под грубой коричневой штукатуркой скучало двухэтажное здание вокзала.

Состав остановился, потом чуть сдал назад и опять дёрнулся вперёд, как будто поудобнее устраиваясь на месте[38].

Зашумели люди за дверью в купе.

– Станция Бирзула[39], – сквозь негромкий металлический

[38] Каждые 60-100 километров паровоз нуждается в заправке водой. Машинисту (особенно не слишком опытному) бывает порой сложно подогнать локомотив под заливочную систему водонапорной башни.

[39] Ныне станция Котовск Одесской области (переименована в 1935 году).

лязг буферов и сцепок донёлся из коридора голос проводника.
– Стоянка сорок пять минут.

Бросив завистливый взгляд на безмятежно спящего Якова, я всё же решил размять ноги.

– А чего ж так долго-то? – выйдя в коридор, окликнул я кстати вывернувшегося проводника. – Вроде невеликий городок.

– Время ужинать, – удивился он моей недогадливости. – Вы-то, товарищ, ежели кушать захотите, так в местный ресторан-вагон сходите извольте-с, он тут совсем недалеко, третий вагон, только через первый класс пройти-с. Коли заказать чего изволите-с – принесём в сей же час. А пассажирам из жёсткого в буфете на вокзале подают-с.

– Снова все звери равны, – тихо пробормотал я себе под нос. – Но некоторые равнее других.

Чуток поколебавшись между ленью и любопытством, я решил последовать второму...

В воздухе над перроном пахло дымом и говн...м. Из передних, ближних к паровозу зелёных вагонов к вывеске «буфет» бойко – почти бегом – тянулись желающие поесть.

Добравшись до засиженной мухами стойки, я чуть не поперхнулся от давно забытого лагерного запаха. Однако толпа, ничуть не смущаясь, шустро разбирала единственное доступное блюдо – варёную перловку без капли жира с тощей селёдкой по цене рубль с гривенником.

Насколько я успел понять нынешние советские реалии – весьма адекватное по деньгам предложение.

Хотя не уверен, что такое стали бы жрать собаки из моего родного 2014 года.

Собравшись, было, уходить, я заметил в стороне вывеску-указатель: «Буфет для пассажиров первого и второго классов». Я уже прикидывал, как доказывать свою принадлежность к привилегированному сословию, но вход оказался свободным для всех.

Чуть более приятные ароматы, на покрытых пёстрыми, удачно маскирующими пятна скатертями столах стоят цветочные горшки, украшенные розовыми и лиловыми лентами. И всего несколько посетителей!

Причину такого «счастья» я понял, как только взял в руки меню: капустный суп, жареная рыба с картофельным пюре, кофе и булочка с маслом стоили целых девять рублей.

То есть весьма недёшево даже для такого буржуя, как я, и чуть ли не в пять раз дороже среднепаршивых одесских забегаловок.

Экономия мигом отправила чувство голода в далёкое, слегка эротическое путешествие.

Положив роскошную обложку тиснёной кожи с одиноким жёлтым листочком отпечатанных на пишмашинке расценок обратно на стол, я тихо смылся в шумную суету перрона...

Чтобы немедленно попасть под прессинг небольшой стайки попрошаек-беспризорников лет 5-10. Отбиться стоило немало труда и полудюжины медных монеток. Впрочем, надо отдать должное, процесс облегчения карманов шёл весело, можно сказать, с улыбкой, да и окружающие относились к детям удивительно спокойно и по-доброму.

Тем временем очередь в буфет успела рассосаться, однако у пассажиров немедленно нашлась новая забава – вооружившись огромными, чуть не полуведёрными медными чайниками или котелками – а то и двумя-тремя, как видно, для соседей – они толпились вокруг сложенной из кирпича ещё в имперские времена будки с выведенной белой краской надписью «Кубовая». Хотя выдавали там отнюдь не «кубы», а кипяток. Система работала на самообслуживании: два высоких бака с кранами, соответственно для горячей и холодной воды, знай только подставляй посуду.

И только тут я наконец понял, чего не хватает в картине провинциального вокзала...

Где же неизбежные, встречающие каждый поезд торговли снедью и навязчивые спекулянты нативными сувенирами?!

Почему бабульки в расшитых платках не продают успешным оголодать за пару-тройку часов пути товарищам самостряпные пироги, варёные яйца, домашнюю сметану?

Куда подевалась воспетая в железнодорожных сагах синопная картошка?

Как страждущие обходятся без неизбежной закуски, в смысле – маринованных и солёных огурчиков?

Может быть, продавцов просто не пускают на перрон?

И стоит поискать вкусный, горячий калач с другой стороны вокзальных дверей?

Не откладывая мысль в долгий ящик – тем более что вокзальный колокол уже отзвонил первое предупреждение – я быстрым шагом пересёк полупустой зал ожидания и в ошеломлении замер на крыльце.

Привокзальную площадь – всю, с окрестными улицами! – плотно забивала чудовищная орда.

Опрятные с виду телеги перемежались в кучах наваленных прямо под открытым небом узлов, корзин, свёртков, а то и вообще – сомнительной рухляди.

В проходах, а то и прямо поверх скарба, мельтешили толпы

разновозрастных детей. Кто-то – просто играл, другие – возились вокруг маленьких костерков, третьи – занимались починкой своих вещей, или иным попутным ремеслом.

Хозяева – судя по всему, местные крестьяне – сидели в рядок около закрытого на амбарный замок окошечка кассы.

– Вот, значит, оно как... – пробормотал я.

Одно дело читать о коллективизации в учебниках или газетах, совсем другое – видеть результаты жестокого социального эксперимента буквально, лицом к лицу. Хорошо хоть в относительно сытом тридцатом!

Что же тут будет твориться через пару лет, в разгар «Голодомора»?

– Лес рубят – щепки летят, – продолжил я рассуждать вслух, но тут же поймал злой взгляд патрульного.

Его напарник пошёл дальше, выразительно поправив ремень винтовки и стряхнув шелуху семечек с губ, он развязано посоветовал:

– Шли бы вы отсюда, товарищ... К поезду.

До своего вагона я добрался со вторым колоколом.

– Напоили лошадку, повезла, – встретил меня проводник и улыбнулся с откровенной хитринкой. – Не изволите-с из ресторан-вагона чего?

– Изволю, – я непроизвольно подстроился под местный сленг. – Но – завтра с утра, пожалуй. Сегодня никак, надо до-есть то, что из Одессы прихватили.

– Как прикажите-с, – охотно согласился проводник. – В котором часу подать-с?

– Часиков в девять приносите, – по опыту крайне ненавязчивого советского сервиса я обозначил время.

Лишь бы скорее отвязаться от докучливого проводника, чем рассчитывая что-то получить на самом деле. И сразу отвлёкся на презанятнейшее зрелище: невысокая женщина лет тридцати пяти, кажущаяся миниатюрной даже несмотря на изрядную полноту, буквально тащила по проходу нажравшегося до «положения риз» краскома. Его неприятное, лошадиное лицо с усиками скобочкой а-ля Гитлер болталось из стороны в сторону на каждом шагу, мутный расфокусированный взгляд скользил по обстановке и людям безо всякого смысла.

«Где-то я его видел...», – мелькнула мысль.

Петлицы с ромбом, однако, большой начальник...

Канта нет, неужели ГПУ[40]?!

Курилко!

«Главпалач» Кемской пересылки!

Бывший гвардейский офицер белой армии[41], потом – коммунист и чекист!

Любитель маршировки, криков «Здра!», холодных карцеров, выстойки на комарах!

Изощёренный практик убийственно чёрного юмора!

Сколько прекрасных людей остались навсегда в мёрзлой земле по его вине![42]

Пока я изображал соляной столп, женщина умудрилась не только проволоочь «гражданина начальника» мимо, но даже затащить мерзкое тело в купе.

Через неплотно закрытую дверь я мог видеть, как она молча и сосредоточенно стягивает со своего сваленного на диван мужа – а может быть, и любовника? – сапоги, галифе, а следом – грязный заблёванный китель.

Затем, собрав вещи, она скрылась за дверью уборной, из которой сквозь выходящее в коридор матовое стекло послышался шум набираемой в раковину воды.

Сколько она там будет стираться?

Минимум пяток минут?

Хватит времени заскочить, придавить подушкой лицо и подождать, пока затихнут конвульсии!

Непроизвольно я сделал шаг к дверям, другой и...

И, резко взяв себя в руки, пошёл в своё купе.

[40] На практике отличить петлицы ГПУ (поле крапового цвета) от малинового (пехота РККА) практически невозможно, поэтому все ориентировалось на кант – в РККА он был чёрный, а в ГПУ малиновый.

[41] Согласно мемуарам Д. С. Лихачёва, Курилко служил в белой армии не более пары месяцев.

[42] Курилко был снят с должности уже в мае 1930, попал под следствие и ближе к осени расстрелян, более того, в конце июля этого года по всем лагерям зачитали приказ коллегии ОГПУ о «произвольщиках и белогвардейцах в лагерях», после чего режим был существенно смягчён (так называемая «Соловецкая оттепель»).

Уже там я, окончательно успокоившись, подумал: «Какой смысл брить волоски по одному, когда надо отсекай голову? Зачем делать из прохвоста героя, погибшего от руки недобитой контры? Зачем сейчас рисковать? Зачем ставить под удар задуманное?».

Ведь я-то точно знаю: недолго виться сволочной карьере – скоро шлёпнут свои же, и сильно надеюсь, справятся куда раньше кровавого тридцать седьмого.

Однако поворочаться перед сном в этот вечер мне пришлось изрядно...

4. НА ПУТИ В УНИВЕРСИТЕТ МИЛЛИОНОВ

Ленинград – Карелия. Январь 1928 года
30 месяцев до рождения нового мира

Этап – эдакое простое ёмкое слово, овеянное романтикой восстания декабристов, песнями Высоцкого и русским шансоном.

Для меня же в нём сошёлся как отчаянный страх соприкосновения с настоящим уголовным миром, так и нестерпимо манящая жажда хоть каких-то перемен – однообразный «санаторий» Шпалерки неторопливо, но абсолютно реально сводил с ума.

Хоть слухи о дороге на Соловки ходили самые что ни на есть жуткие, я смотрел на будущее с оптимизмом. А что: я более-менее сыт, здоров и очень неплохо одет – отданное сокамерниками за ненадобность старое пальто с торчащими во все стороны клочьями ваты и жалкий облезлый трех великолепно маскировали неприлично тонкий, но тёплый костюм 21-го века. Калоши «от товарища Кривача» прикрывали ботинки весьма экзотичные для данного отрезка времени и пространства. То есть на первый взгляд я напоминал здоровенного, отъезжегося на казённых харчах бомжару со свалки.

Чемоданов и баулов нет, рюкзачок под пальто не видно – грабить нечего. Зато отпор, просто в силу габаритов, обещает быть неслабым.

В любом случае от моих желаний и душевных метаний не зависело ровным счётом ничего...

Через пять дней после оглашения приговора вызвали из камеры «с вещами», сунули в руки три булки пайка и без

лишних сантиментов впихнули в автозак в компании с парой десятков коллег-заключённых. Не слишком приятное приключение, но после камерной стабильности новые люди, обрывки сдавленных фраз, а главное, доносящийся из-за хлипких стенок крики и звуки большого города ввергли меня в удивительное состояние испуганной экзальтации.

Так что, спрыгнув из знаменитого, но на поверку жалкого и скрипучего грузовичка-воронка на грязный, утоптаный арестантами снег, я едва не задохнулся от холодной волны, пробежавшей снизу вдоль позвоночника к сердцу: неужели «оно» наконец-то началось?

И с удивлением и даже некой парадоксальной обидой констатировал: обещанные ужасы откладываются. Нет и в помине оскала собачьих клыков в лицо, задорного мордобоя, пристрастных обысков и обещаний стрелять без предупреждений. Атмосфера, если соотнести её со средним уровнем бытового зверства эпохи, царит чуть ли не семейная.

Нестройная толпа с подъезжающих автозаксов медленно сочится между двойной цепью равнодушных солдат к дверям вагонов, начальники конвоев, устало переругиваясь, сверяют накладные на живой груз, а чуть поодаль пяток бойцов с обнажёнными шашками в руках отгоняют прочь жён, детей, родителей, друзей, сослуживцев – всех тех, кто пытается, возможно, в последний раз, увидеть дорогое лицо, а при удаче – услышать прощание, бодрое по форме, но безнадёжное в своей сути. Последнее, впрочем, сделать не просто – сотни криков превращаются в сплошной нечленораздельный вопль человеческого горя, отдельные слова и голоса в нём тонут без остатка.

Неожиданно – скорее всего, пытаясь отвлечь себя от дурных мыслей – меня толкнул под руку пожилой сосед.

– Третий класс подали[43], – он мотнул головой в сторону ближайшего вагона. – Жаль... Столыпинские лучше.

– Почему? – искренне удивился я.

Смутные фрагменты из курса дореволюционной истории России по словосочетанию «столыпинский вагон» рисовали

[43] В конце 20-х для перевозки заключённых часто использовались обычные пассажирские вагоны 3-го класса, разумеется, после соответствующей доработки.

картину чего-то мрачного, предназначенного скорее для скота и сельхозинвентаря, но никак не людей[44]. Стоящий же перед нами вагон выглядел куда обычнее и веселее: зелёный, с рядом больших квадратных окон, по понятной причине забранных решётками и лишённых стёкол. Всего и отличий от того, что можно встретить на любом вокзале 21-го века – примерно вдвое короче[45], открытые тамбуры, да вместо пары двухосных тележек по краям – три отдельных оси, причём одна – посередине.

– Всё просто, э-э-э... Молодой человек...

Я поспешил учтиво кивнуть:

– Алексей, студент и контрреволюционер. Прошу, так сказать, любить и жаловать.

– Михаил Фёдорович, очень приятно, – будучи официально представлен, мой собеседник принялся развивать мысль далее с углублённым академизмом. – При разработке переселенческих вагонов – иначе говоря, столыпинских – их внутренний объём конструктивно разделили на шесть отделений с раскладными трёхъярусными нарами, а по краям поставили печки и умывальники. К сожалению, мне достоверно неизвестно, кто первый придумал закрыть получившиеся купе решётками со стороны прохода и перевозить там заключённых, но получилось удачно потому, как выжить в такой камере вполне реально, даже если вместо положенных восьми человек набить полтора десятка. Причины следующие: во-первых, охрана едет в этом же вагоне, поэтому в нём относительно тепло; во-вторых, шпана не прирежет и вещи не сворует, там сложно сбиться в опасную шайку; в-третьих...

– А чем так плох третий класс? – поторопил я Михаила Фёдоровича.

Пусть не слишком вежливо, но в очереди к подножке перед

[44] Очень часто «Столыпинским вагоном» называют переоборудованную для перевозки людей теплушку (т. е. грузовой вагон с откатной дверью). На самом же деле это «переселенческий» вагон IV-го класса, отличающиеся от III-го только устройством скамеек-лежанок. Позже (и до настоящего времени) «столыпинскими» называли специализированные вагоны для перевозки заключённых.

[45] Длина трёхосного вагона III-го класса – 11 метров, что даже чуть меньше половины современного пассажирского вагона.

нами осталось всего несколько человек, и практические знания требовались куда раньше качественной теории.

– «Родные» скамейки выломаны, вместо них сооружены сплошные нары на весь вагон, – до моего учёного собеседника, по-видимому, дошла пикантность момента. – Печка одна, посередке, дров может не быть вообще, так как охрана едет отдельно.

– И что делать нам? – я особо надавил на последнее слово.

– На самый верх не пробиться, – зачастил Михаил Фёдорович. – Вернее, вы, конечно, пролезете, но без дружков-подручных выстоять – шансов нет, выбросят. Вниз – опасно, замёрзнем насмерть. Так что штурмуем среднюю полку, как Вильгельм Англию. И, разумеется, желательнее занять место поближе к центру вагона!

– Yes, sir! – отрапортовал я в ответ, берясь на поручень. – Просто держитесь за мной как можно ближе, и король Гарольд будет разбит.

– А вы знаете, Алексей... – неожиданно донеслось мне в спину. – Всего четыре года назад я ехал в СССР первым классом. Проклятые сменовеховцы[46]! Ну как же я мог им поверить?! Ведь последние деньги собрал... Помилуйте, каким же ещё классом нужно ехать в потерянный советский рай? А теперь я снова еду в рай. Только и не в первом классе, и не в социалистический. Но всё-таки интересно: есть ли рай на самом деле?

Услышать его маленькую речь я успел, а вот осознал её лишь много позже. Не удивительно: за узкой дверью начинался филиал ада...

Окна со стороны узкого прохода оказались наглухо забиты, и в вонючей полутьме на сбитых из горбыля глубоких метра по два нарах, от пола до потолка кипел натуральный Мальстрём из тел.

Обвешанные тряпьем, котомками и баулами люди с яростной руганью и криками атаковали давно занятые верхние

[46] «Сменовеховство» (от сборника статей «Смена вех») как идейное течение возникло в 1920-е годы в среде эмиграции первой волны. Выступали за примирение и сотрудничество с Советами, так как (по их мнению) большевистская власть «переродилась» и действует в национальных интересах России.

ярусы, где более удачливые – успевшие захватить место ранее – полусидя отбивались ногами.

Мелькали тела, падали вещи, звенели чайники и какие-то кастрюли...

Пользуясь ростом, молодостью и отсутствием багажа, я прикрыл лицо локтем и тараном врезался в людское месиво. Десяток шагов вперёд – и вот он, миг удачи: пара небольших шараг пытается при помощи костяшек кулаков обосновать право на соблазнительный кусочек пространства. Вмешиваться в их противостояние – сущее безумие, зато... Выбрав чуть в стороне узкий просвет между телами, я с разбега нырнул в него с криком, который едва ли кто-то услышал:

– А ну, подвинься, промеж вас на троих места хватит!

Недавний собеседник явно видал и не такое: он понял идею без подсказки и повторил мой приём, стараясь вслед за мной оттеснить, сдвинуть несколько человек вбок, как раз на спорный в данный момент, а потому свободный участок досок.

Манёвр удался!

Дородный господин – не иначе бывший поп – не выдержал напора и со злым утробным рыком перекатился на своего соседа, тот в свою очередь подался, и...

Вот мы на месте – и как удачно: прямо напротив окна.

Михаил Фёдорович ворчит: «Как бы не поморозиться, нужно непременно добыть тряпку...», – ведь стекла нет и в помине.

Но мне уже не до того: прильнув лицом к мощным, зато не слишком частым прутьям решётки, я уставился на жалкое подобие перрона...

Оказалось, мы прошли в числе первых, то есть погрузка и не думала прекращаться. Создавалось впечатление, что в полдюжины жалких деревянных коробочек конвоиры решили запихнуть половину города!

Граждане заключённые шли мимо моего окошечка в священнических рясах, скромных пальто, шикарных шубах, армяках и парадной военной форме...

Бритые, заросшие по самые брови щетиной, в очках и без оных, старики, молодые...

Скоро я перестал отличать их одного от другого – в

память отпечатывались только из ряда вон выходящие случаи. Например, один юноша шествовал сквозь мороз, завернутый в одно лишь рваное одеяло, его по-страусиному худые голые ноги гордо торчали из огромных валенок с обрезанными голенищами.

Каков у подобных неудачников шанс вырваться из концлагеря?

Хотя...

О чём это я?

Достаточно прикинуть их шанс туда добраться сквозь неделю вагонной стужи!

Немного погода пришло время для следующей забавы. Под свист, хохот и скабрёзные насмешки зеков конвой подал контингент для женского вагона – оказывается, тут есть и такой.

Хотя смотреть – даже несмотря на более чем годичное «отсутствие присутствия» – абсолютно не на что. Вневозрастные тётки, обмотанные платками почище, чем паранджой, или разбитные бабёнки второй, а то и третьей свежести, но вот...

Где отец вот этой совсем молоденькой девочки!?

Офицер ли царской армии, ликвидированный как класс в огне гражданской; священник ли, таскающий брёвна в ледяной воде Белого моря; меньшевик ли, замешанный в «шпионаже» и брошенный за свою революционную веру в камеру какого-нибудь страшного Томского, Екатеринославского или Суздальского изолятора?

Неподходящая по сезону, но добротная, явно когда-то дорогая и стильная одежда сразу выделяла её толпы. В руках пусто, нет сумки, а значит, нет ничего, даже выданного на дорогу пайка, ведь, в отличие от меня, она не могла разломать хлеб, чтобы засунуть куски в поддегый под пальто рюкзачок да многочисленные карманы куртки и штанов. На лице ни кровинки, только разводы грязи и бессильный близорукий прищур глаз.

– Маша! – непонятно как, но изо всей кучи звуков я не только выделил пронзительно-удивлённый голос, но и умудрился приметить в толпе провожающих парня-ровесника в высокой гимназической фуражке.

«Вот же debil!», – мелькнула мысль. – «Пока есть силы, пока на воле, вывернись наизнанку, заработай – да хоть

укради, наконец! – но найди денег на передачу, сам привези на Соловки еду и вещи, спаси её!».

Скрипнули зубы...

Многомудрый Михаил Фёдорович как будто прочитал мои мысли.

– Ему ей не помочь. Уже не помочь. Поздно. Господи, спаси и сохрани! Дай ей лёгкую смерть... Сегодня же ночью... – с печалью в голосе произнёс он.

Можно понять, когда в бой или на каторгу идут парни. Можно понять извечную женскую долю ждать, надеяться и верить...

Но почему тут наоборот?

Как он её не уберёт?

И – чёрт же возьми! – откуда в моих глазах появились льдинки?!

– И ведь сейчас лишь двадцать восьмой! – не смог сдержаться я, и продолжил, впрочем, уже про себя: «Что же тут будет твориться в тридцать седьмом?!».

Между тем «the show must go on» – очередной чекисткий воронок подкинул к составу новую, судя по всему, финишную порцию «зэка».

Но что это были за люди!

Уголовники, или как их тут принято называть «шпана», то есть те самые, кем охранники пугали интеллигентов «библиотечной» камеры. В центре немногочисленной, но плотно сбитой стайки двое парней подпирали, а скорее, тащили главаря. Явно серьёзно больной, он всё же пытался держать фасон, покровительственно посматривая на торчащие из-за решёток лица, пока...

Пока не натолкнулся взглядом на меня.

Несколько мгновений, и вдруг маска отрешённого спокойствия сползла с его лица без следа, а рот открылся в крике-стоне.

– Коршунов! Лексей!? – закричал он.

Ответить я попросту не успел. Но это и не потребовалось, видимо, выражение моей физиономии сказало всё быстрее и надёжнее.

Лидер «неформальной группировки» что-то прошептал

подручному и без сил обвис в его руках. Последовали какие-то команды-жесты, поднялась внезапная суতোлока, потом – драка...

Я и не думал, что с местными конвоирами можно поступать столь бесцеремонно, ждал в ответ на бузу стрельбу и штыковые удары, но дело обошлось оплеухами и смачными пинками прикладов по чему попало. Главное же, результат: не подающего признаков жизни пахана с ближниками от греха подальше впахнули в именно наш вагон...

Только тут до меня дошла причина устроенного перфоманса: украденные год назад документы! Точнее – мой паспорт гражданина РФ!

Неожиданная, прямо сказать, память на лица у товарища уголовника. Хотя, если подумать... Вот попал бандиту в руки странный документ, да ещё с деньгами, кредитками и мелочёвкой типа «студика»...

Что должен думать предводитель шпаны районного значения?

Списать всё на фальшивку?

Это ламинированную страницу с голографиями двуглавых орлов? Цветную, напечатанную на принтере фотографию? Лазерную, не деформирующую бумагу микроперфорацию номера? А ещё водяные знаки, цветопеременную краску, шикарную полиграфию с эффектом муара, металлизированную полоску пластика в купюрах?

Ну уж нет!

На подобную бы глупость не решились даже отморозенные чекисты со Шпалерки. Без проверки в ультрафиолете[47] понятно: нет таких технологий ни в СССР, ни у капиталистов.

Допускает ли сознание хроноаборигенов путешествие во времени?

Этим вопросом я озадачился ещё в Шпалерке.

После наводящих вопросов, сокамерники припомнили мне древнего, но совсем не забытого «Янки при дворе короля Артура», затем отметили «Марсианский цикл» Берроуза, а

[47] Строго говоря, могли проверить и в ультрафиолете – подходящая лампа «чёрного света» (лампа Вуда) изобретена в 1903 году физиком из Балтимора Робертом Вудом.

один горный инженер из Перми – как видно большой любитель фантастики – пересказал сюжет «Бесцеремонного романа» [48], написанного недавно и вполне автохтонными авторами. Оказалось, что сюжет там построен по всем канонам 21-го века. Главный герой, техник Верх-Исетского завода славного города Екатеринбурга бежит от разрухи гражданской войны к Наполеону. Да не просто так, а с навязчивой идеей мирового масштаба – переиграть битву при Ватерлоо.

После спасения великой империи – собирается строить заводы и мартены, а так же выпускать швейные машинки и браунинги...

Глупо отказывать главарю банды в способности сделать верный вывод из попавших в его руки бумаг. А стоит ему хоть на минуту поверить в иновременное происхождение, как немедленно последует приказ: «Всем, всем, всем! Всем жуликам и ворам! Из-под земли достать такого-сякого, приметы и фото прилагаются!», – чтобы потом не торопясь, в душевной и располагающей к откровенности обстановке вытрясти из тушки все знания о будущем.

Так что готов ставить термобельё против старых кальсон – искали меня блатные с огоньком, не иначе весь свой околоток с ног на уши поставили...

Размышления прервал закономерный вопрос Михаила Фёдоровича:

– Давно знакомы?

– Заочно, можно сказать, обстоятельства свели, – в попытках сползти с темы я не придумал ничего лучше, как ляпнуть правду. – Кто-то из его шайки у меня документ из кармана вытащила важный, с фотографией и приметами. Факт страшно досадный, можно сказать, из-за отсутствия этой бумаги я в тюрьму и влетел.

– Даже так?! – задумчиво покусал губу собеседник.

Недоумение понятно, сложно вообразить бумагу, из-за которой какой-никакой, но авторитет станет падать в обморок как институтка.

Мне поневоле пришлось продолжать рассказ – только

[48] Авторы опубликованного в 1927 романа – Вениамин Гиршгорн, Иосиф Келлер и Борис Липатов.

нормальный контакт с опытным человеком наладился, и терять его до смерти жалко – социопаты в концлагере долго не живут.

– Уж очень серьёзный документ, можно сказать, государственного значения. Но... Специфический и опасный. Э-э-э... Объяснить сложно, главное, использовать его для своей пользы без меня никак не выйдет. Продать – невозможно, а голову потерять – легче простого.

– Однако, история... – протянул собеседник.

Не думаю, что Михаил Фёдорович хоть что-то понял из моего путаного объяснения, но само по себе старание помогло – его голос ощутимо потеплел.

Нажимать он не стал, а вместо этого, кивнув в сторону сутящихся урок, сказал:

– Ведь главарь, похоже, действительно при смерти.

Грешным делом я был уверен, что лидер шайки всего лишь симулировал внезапную потерю жизненной энергии. Но тут всё серьёзно – чуть понервничал и выключился из реальности. Едва ли из-за тонкой душевной организации, скорее, в конце истончилась ниточка здоровья и воли, на которых висел подточенный криминалом организм...

Между тем толкотня и крики в вагоне практически прекратились, установилось какое-никакое, но равновесие.

Скудная шпанская ватажка не пыталась отвоевать себе жизненное пространство на нарах – они обосновались кружком отчуждения вокруг печки. Возможно, в уверенности достичь своего в любой момент при нужде, или же опасаясь отпора, всё ж пяток не самых крупных и здоровых парней – не та сила, чтоб переть буром против «общества». Так или иначе, но эти смахивающие на мутантов полуобнажённые ребята оказались единственными, кто занялся реально полезным на текущий момент делом – добычей огня из сваленных у стены заледенелых сучьев.

Бросилось в глаза и другое: неожиданное, но совершенно чёткое разделение каторжан по классам. Никогда бы не подумал, что большинство – крестьяне. Раньше незаметно, как под шапкой-невидимкой, они просачивались мимо моего взгляда в толпе заключённых. Одеты во что попало, явно, как захватил арест. Прямо с поля, из-за плуга – или что там ещё

у них есть в качестве основного средства производства? – их стаскивали в уездную избушку-тюрьму. Врагу не пожелаешь – спать по очереди, гадить в бадью, пытаться выжить на ополовиненную надзирателями краюху. Искать правду на местах себе дороже во все времена – гражданин начальник настоящий «царь и бог», без малейшего налёта цивилизационного гламура. Поддержки с воли нет – безграмотным, оставшимся без кормильца жёнам и детям как бы самим не сдохнуть, где уж тут выручать «тятюку» из судебной-правовой пучины.

Случайно переведённые в Шпалерку «везунчики» от сохи принимали окружавший меня кошмар за счастье: паёк полный до граммов, тепло, охрана руки-ноги не распускает, как чудо наяву – водоснабжение и канализация.

В избытке грамотные сокамерники, готовые просто так, со скуки написать любое заявление, жалобу, ходатайство, прошение, а то и просто письмо – куда угодно, хоть в самую Лигу Наций.

На этапе, в звериной борьбе за нары крестьянам просто не хватало наглости. Толстобрюхие попы или пожилые чиновники-интеллигенты – неуклюжие, лысые и полуслепые – в толкотне вагона оказались куда как проворнее и сильнее землепашцев, оттеснив последних на нижние нары, а то – и под них, на пол, на верную смерть. Теперь оттуда – или, правильнее сказать, с того света – можно поймать лишь робкие взгляды «загнанных лошадей». Так «сеятели и хранители земли русской» посматривают на более сильных и оборотистых граждан СССР. И, разумеется, на меня в их числе.

Верхние полки, к моему несказанному изумлению, захватил пролетариат.

Каторжане-рабочие разобрались по заводам и представляют собой хоть и совершенно пассивную, но сносно организованную и оттого опасную силу. Кроме того, большая их часть явно получала неплохие передачи с воли, так что они больше походили на отправившихся на заработки вольняшек, чем эжков.

Последнее не слишком противоречило фактической стороне дела – данный контингент партия и правительство держали подальше от гиблых Соловков.

Страдающих от отсутствия умелых рук заводиков в

Карелии хватает, поэтому у работяг имеются совсем неплохие шансы вновь увидеть свои семьи.

Среднеярусная интеллигенция удивляла разнообразием типажей.

Церковники, холя остатки былой дородности, тихо и кротко ненавидели всех в общем и каждого в отдельности.

Контрики из бывших офицеров надменно игнорировали запуганную мелкотравчатую шелупень бумагомарателей и счетоводов.

Нэпачи настороженно косились на окружающих из-под меха воротников и шапок, да покрепче прижимали к себе чемоданы с барахлом.

Около самых дверей браво жался пяток нахохлившаяся парней-одногодков, явно студентов и детей высокопоставленных родителей – судя по тому, что сам начальник конвоя с извинениями: «Уж вы, ребята, не серчайте на нас: служба такая!», – передал им большой кондитерский пирог и цветы[49].

Я долго пытался придумать что-то общее, то, что могло бы их всех объединить в силу, способную дать отпор накатывающей волне великого террора, но немало не преуспел.

Тем временем наши вагоны дёрнулись, поклацали буферами, затем тронулись, сперва – неспешно, с медленным, перетряхивающим весь вагон стуком колёс по бесконечным стрелкам, а потом, после сцепки с хвостом обычного пассажирского поезда и выходом на «главный ход» – всё быстрее и быстрее, на далёкий и страшный север.

Передвижная клетка дёргалась и валилась из стороны в сторону, хрустела брусьями рамы, скрипела жестью обшивки, замёрзшие осколки стёкол играли в лучах солнца серыми алмазами. Три пары колёс на подозрительно частых стыках грохотали как слабоумный барабанщик.

Однако пассажиры принимали этот «скулёж» жалкой и ветхой конструкции без страха, они вполне освоились на новом месте.

Как по команде все зашевелились, слышались мат и смех, кто-то принялся доставать жалкий паёк, кто-то – аппетитную

[49] Данный момент отмечен в воспоминаниях академика Д. С. Лихачёва, арестованного и осуждённого в 1928 году.

домашнюю снедь. Я, было, хотел последовать их примеру и даже вытащил заначенную краюху, но меня остановил Михаил Фёдорович вопросом:

– Ты пить что собираешься?

И, правда, запаса воды в вагоне никто не предусмотрел.

– Если по дороге не отцепят, послезавтра в Кеми будем, – наставительно добавил опытный спутник.

– Так что, всё это время...

– Именно! Охрана о нас позаботится только в случае серьёзной задержки, поэтому не хватай куски, а медленно рассывай маленькие частички.

На фоне бытовой суеты успех реанимационных мероприятий бригады бандитов прошёл почти незамеченным...

Пришедший в себя лидер шайки оказался человеком сравнительно молодым, лет сорока, с резкими, правильными чертами лица под запущенной чёрной с проседью щетиной. В иной ситуации он мог бы легко сойти за купца первой или второй гильдии, сейчас же, скрючившись на грязной, брошенной на пол ветоши, он давился спазмами судорожного кашля, прижимая при этом обе руки к груди. И вид его огромных мосластых кистей сразу рушил услужливо нарисованный воображением образ торгового человека.

– Не иначе чахотка заела, – с нескрываемым злорадством прокомментировал ситуацию Михаил Фёдорович. – Пожалуй, тебе и волноваться не стоит, не доживёт он до лагеря.

– Но с ним порвётся ниточка к моим бумагам! – возразил я в расстроенных чувствах.

Едва ли посвящённых в тайну документов из будущего много, скорее всего, он всего один такой. Будет ли его смерть благом?

Вот попробуй угадай!

Как только мне удастся вырваться из лагеря и таки вернуть себе спрятанный на чердаке телефон, то бумаги 21-го века, по идее – без надобности. Если желание спасти страну не пропадёт совсем – достаточно взять артефакт в руки и проломиться в кабинет начальника, который повыше.

А уж там, когда поверят, чекисты уголовный мир перевернут с энтузиазмом и прилежанием, уже не для доказательства моего происхождения из будущего, а чтобы не оставлять

врагам улик и свидетелей. Найдут – хорошо, не найдут – для осуществления моих целей сие значения не имеет.

Вроде бы логичный план, но...

Чёрт возьми, для его осуществления нужна самая малость – вернуться вовремя!

Сама по себе «трёшка» не кажется сложным испытанием для смартфона. Однако надо помнить коварство большевиков: каэры из советских концлагерей возвращаются в столицы до крайности редко. Без протекции друзей и родственников, их в лучшем случае ждёт подконвойная ссылка на перевоспитание в какой-нибудь Нижний Тагил. В худшем – можно без шанса на отказ получить предложение в стиле: «работай, где работал, только без конвоя и за зарплату». Или вообще бесхитростную довеску пары-тройки лет к сроку.

Что случится с моим «LG» в жаре и холоде за шесть, семь, а то и восемь лет?

Не превратится ли карета в тыкву, а электроника будущего в куски мёртвого пластика и стекла, ничего дуболомам в погонах не доказывающие, а потому имеющие шанс раствориться в бездонных сейфах Лубянки, так и не попав в руки настоящих экспертов?

Не лучше ли мне сразу рассчитывать на обычную жизнь советского инженера?

В борьбе обретаешь горб и грыжу, то есть лет эдак через десять полуголодного житья в коммуналке разработать ламповый контроллер для электропривода с широтно-импульсной модуляцией.

Попутно вылизывать анус партактива в безнадежной попытке пережить великую чистку тридцать седьмого года – с контрреволюционной судимостью в личном деле.

А после – проявить безмерный героизм в окопах Великой Отечественной или трусливо отсидеться за бронью оборонного производства.

Как альтернативный вариант: от беспросветных перспектив ломануться через границу куда-нибудь в сторону Китая, в гости к «добрым» партизанам Мао Цзэдуна...

Хотя тогда уж лучше сразу в ближайший сарай – вешаться.

Выходит, паспорт и деньги из будущего вполне могут оказаться тем самым единственным активом, что способен

придать моим словам достаточный вес. Иначе говоря, смерть главаря шпаны может оставить Россию на безнадёжном пути в мясорубку!

Рука непроизвольно потянулась в карман, туда, где в числе прочих лежала пара последних таблеток антибиотика[50]. Шевельнулись сомнения, стоит ли использовать хотя бы треть[51] на бандита и, скорее всего, убийцу? Не придётся ли мне через неделю, месяц или год умирать от гангрены или – уже не в силах помочь – рвать на голове волосы перед умирающим ребёнком?

Хотя последнее явно из разряда комплексов, вбитых в мою голову человеколюбивым 21-м веком. Полагаю, здесь и сейчас отношение к жизни принципиально иное. Даже за умышленное убийство дают обычно всего-то три года каторги, то есть столько же, сколько впаяли мне. А если кого прибил в состоянии аффекта – можно вообще годом отделаться[52].

Легче ли от того моей совести?

Нужно ли продолжать оправдывать себя возможностью спасти миллионы?

Или проще, наконец, признаться себе, что замаячившая впереди жизнь в реальном СССР пугает меня куда больше, чем взгляды умирающих детей?

– Всё к чёрту! – прошептал я. – Ну не зря же нас злодейка-судьба свела!

Прямо в кармане выколупал из блистера пилюлю, скусил небольшой кусочек – успел уже проверить эффект подобной микродозы на себе, когда пожалел тратить много лекарства

[50] Чахотка – устаревшее название туберкулёза, который сложно вылечить кратким курсом антибиотиков широкого спектра действия. Но очень часто чахоткой называли и пневмонию – с которой и пришлось столкнуться ГГ.

[51] Старые врачи с ностальгией вспоминают времена, когда 50-100.000 действующих единиц пенициллина гарантированно лечили любую пневмонию или жуткую газовую гангрену. Сейчас нормой считаются десятки миллионов единиц в сутки.

[52] Статья 137 УК 1926 (умышленное убийство) года предусматривала «лишение свободы на срок до восьми лет». Статья 138 (убийство в состоянии аффекта) – «лишение свободы на срок до пяти лет или принудительные работы на срок до одного года».

на элементарные, но почему-то очень тяжёлые для меня тюремные хвори. В ответ же на удивлённый взгляд Михаила Фёдоровича продолжил объяснение, чуть повысив голос:

– Не могу просто так оставить – от той бумаги тысячи жизней зависят... Вернее, больше – десятки... – я вовремя осёкся, оставив несказанным последнее слово – «миллионов». – И потом, какая-то благодарность за спасение жизни может от шпаны быть?

– Люди-то все разные, – состроил скептическую гримасу мой спутник.

Моё желание помочь он явно не одобрял, но отступить я всё же не стал.

Говор и возня в вагоне притихла, когда я, выпятившись с нар, подошёл к шпанскому кружку. Против ожиданий преградить дорогу мне никто не попытался, но смотрела братва на меня очень внимательно. Понятно без слов: одно неверное движение – и накинута вся стая.

Присев рядом с тяжело и как-то неправильно дышащим лидером, тихо обратился к нему:

– Я правильно понял, что к вам мой паспорт попал?

Прикрытые до того глаза главаря распахнулись, он поднялся, неуклюже привалился к невысокой горке поленьев, я же попал под тяжёлый изучающий взгляд. Зрачки, кажущиеся в полутьме вагона чёрными, неспешно ощупали меня с ног до головы, затем неподвижно замерли прямо напротив моих глаз, как будто их обладатель хотел разглядеть что-то в глубине головы.

Пауза грозила затянуться, но я быстро догадался кивнуть вниз, на зажатую между большим и указательным пальцем белую крупинку.

– Оттуда? – чуть слышно прохрипел лидер местных урок, разом снимая последние сомнения в разгадке моего происхождения.

– Лекарство, осталось на несколько приёмов, – немного лукавил я. – Должно вытянуть.

На секунду задумавшись, главарь выдал не слишком обрадовавшие меня слова:

– Потравишь – писанут, – и придвинул ближе раскрытую грязную ладонь, в которую я вложил кусочек таблетки.

Похоже, движения отняли у пахана остаток сил, так что он закинул антибиотик в рот, делая вид, что сдерживает кашель, и откинулся обратно к полу.

Мне ничего не оставалось делать, как под недобрыми взглядами кодлы вернуться обратно на своё место.

Результатов от приёма лекарства я ожидал уже к утру, но изрядно ошибся. Процедуру пришлось повторить с первыми лучами рассвета, а потом – ещё и ещё...

Решающий перелом наступил лишь к вечеру второго дня, как раз к отчаянной драке, которую обезумевшие от жажды крестьяне устроили около неожиданно выданных охраной бачков с тёплой водой.

Последнее – неудивительно: только у рабочих оказался некоторый запас во фляжках, делиться которым они, разумеется, и не подумали.

В отчаянии каторжане пытались соскребать иней и наледь с крыши и стенок вагона, но этого едва хватало смочить губы. Повезло на сортировке где-то под Петрозаводском – сердобольный железнодорожник внял мольбам зэка и через окна накидал лопатой немного снега, щедро пропитанного экологически чистой сажой и угольной пылью.

Вроде понятно, что пары здоровенных ёмкостей – ведра на три-четыре каждая – хватит для всех.

Однако стоило охране поднести к дверям медные, исходящие на морозе паром бачки, как к ним со стонами, криками и воплями полезли труженики сохи, мгновенно забив узкую щель живым клубком орущих и брыкающихся человеческих тел. Разгребать же завал пинками и кулаками пришлось контре – старой, ещё офицерской, и новой, вроде меня – вместе со шпаной, в союзе абсолютно аморальном и противоестественном, но позже не раз мной наблюдаемом в лагере.

Участие лидера урок в потасовке было неожиданным, но эффективным. Мало того, что он сам – даром что чуть стоит на ногах! – умудрился выдать несколько сочных плюхов, так и его свита, перестав грязно собачиться друг с другом, обрела досель утраченный разум в совместных действиях.

А чуть позже, после муторного и смешного дележа воды вставший со смертной ветоши лидер как-то незаметно оказался рядом. Протянул руку и представился с ощутимой

гордостью:

– Гвидон. Князь Гвидон, – и сразу как-то на секунду ступевался, не иначе, вспомнив своё недавнее беспомощное и больное состояние, тихо добавил. – Степан Никодимыч, так мамка с батькой нарекли, но это – только между нами.

– Алексей Обухов, – ответил я на пожатие. – Для вас Коршунов, разумеется.

– Пойдём кипятку погоняем, с фартом я от калева[53] ушёл через снадобье твоей бабки, – это он повысил голос для окружающих ушей. – Поучу, чтоб ты на сталинской даче жил как в Эрмитаже!

[53] Калево, околеть – смерть от болезни.

Устроились мы удобно: и у печки, и на виду, но при этом как бы за стайей молодых урок, которые, сидя на корточках, почёсывались, искали вшей, жевали что-то сомнительное и передавали друг другу кружку с почти кипящей водой, отхлёбывая по глоточку. При этом они не переставали громко смеяться и травить какие-то мерзкие истории на смеси фени и мата. Смысл я не мог понять при всём желании, но дело полезное: так наш разговор гарантированно никто не разберёт.

– Уши пухнут, – доверительно пожаловался Князь Гвидон.
– Без махры – вшивота, и награнтать неподъёмно[54].

Смысл второй половины фразы я в точности не понял, но на всякий случай обескуражено развёл руками.

– Совсем не курю, – вроде и не соврал, и заначка целее будет, ведь таким только покажи, мигом всё до крошки вытащат.
– Обычное дело для моего времени, кстати. Все о здоровье заботятся, физкультурой занимаются, хотя, надо признать, и живут лет до восьмидесяти в среднем. Это если в Японии или Франции, а в России – на десяток поменьше выходит...

– Ты лучше скажи, когда эсэсэр до доски дойдёт? – нетерпеливо перебил моё многословие Гвидон. – Рвёт меня это дело, вот как орлов на твоей бирке[55] увидел, так, считай, сна лишился, а потом и грязи наелся[56], тебя разыскивая.

– Так и меня без документов в ЧК загребли, чужое имя и дело навесили, и вот – на Соловки отправили, – поспешил «отдариться» я. – А что до СССР... Так он до 1992 года доживёт.

– Них...я себе! – ошеломлённо замотал головой пахан.

Затем – явно в расстроенных чувствах – толкнул краткую энергичную речь из непостижимой смеси матерных и бластных слов.

Я же прикидывал: о каких фактах из истории страны стоит рассказывать, а какие – лучше бы придержать.

Ну вот, к примеру, зачем Степану Никодимычу знать о ядерном оружии?

Или знать о космических кораблях?

[54] *Награнтать неподъёмно* – не получается достать или ограбить.

[55] *Бирка, картины* – паспорт и документы.

[56] *Грязи наелся* – был арестован.

– И какого х...я тебя в наш «барак» понесло? – отругавшись всласть, Князь Гвидон продолжил расспрос.

– Сам бы хотел знать! Шёл себе по улице к товарищу, никого не трогал, зашёл в парадное, смотрю, что-то не то: покрашено не так, двери иные... Вышел обратно на улицу – и хоп! Вместо 2014-го года в 1926-ом. Причём никакая наука нашего времени даже и помыслить не может о подобном эффекте! Только чудом или инопланетянами такое объяснить можно, и никак иначе.

– А назад откинуться? – с плохо скрываемой надеждой спросил Гвидон.

– Как только ни пытался, – неподдельно расстроился я. – И так заходил, и иначе, и ждал, и прыгал... В общем, всё, что мог, сделал. Ничего не помогло.

– Галоши не заливаешь[57]?

Пахан поймал взглядом мои глаза, но я понял смысл вопроса по интонации и не подумал лукавить.

– Хоть чем поклянусь! – и добавил, попробовав призвать в союзники логику. – Если бы мог – зачем год на Шпалерке болтаться? Объяснился бы с чекистами: так и так, вышло чудо чудное, пользуйтесь, пока можно. А без дороги назад... Ещё и документов нет.

– Ху...м маку не утрёшь, – явно расстроился Князь. – Но погодь... Вот не ковырнула бы моя братва твои картинки, так бы и сдался в ЧК?

– Ну да, – не стал запыряться я. – Сами же видели, как документы оформлены, так что надеялся – поверят... Почему нет? Со знанием будущего многих ошибок можно избежать, миллионы людей спасти, ресурсы сохранить, если повезёт – построить социализм не как получилось, а правильно, например, по-шведски или по-китайски.

– Ладно, брякай, что же нас ждёт, – поморщился от моего пафоса пахан. – И без туфты!

Подробный рассказ о будущем я построил в минорном ключе, что-то типа «дела в колхозах шли плохо, не сказать, что совсем плохо, можно даже сказать – хорошо, но с каждым годом всё хуже и хуже».

То есть практически ничего не утаивал, но аккуратно

[57] Заливать галоши – обманывать.

преувеличил – да и преувеличил ли на самом деле? – быстро нарастающую жёсткость расправ советского правительства с уголовным и политическим элементом в ходе реализации ошибок коллективизации, перегибов индустриализации, Голодомора, великой чистки 37-го года, строительства заполярных железнодорожных магистралей и добычи золота Колымы.

Не забыл в деталях описать Отечественную войну, вытянутую чудом и героизмом миллионов простых людей.

Под конец – устал шевелить языком, да и пахан явно вяло реагировал на события за горизонтом собственной жизни. Поэтому по основным вехам истории развитого послевоенного коммунизма прошёлся без особых деталей.

Закончил – перестройкой и расколом былой Великой Империи на жалкую кучку с трудом уживающихся между собой республик.

На грузинской войне 2008 года князь Гвидон совсем грустнел. Не иначе как осознал, что время крутых перемен – не для пенсионеров, а шансы пожить в своё удовольствие в замешивающейся круговерти до безобразия невелики. Но вместо уточнений событий ближайших лет удивил меня приземлённым и в то же время актуальным вопросом:

– А нонче куда податься надумал?

– Не знаю, – честно признался я, про себя лихорадочно продумывая действия, которые не должны были идти вразрез с планами урки и оставили бы мне хоть относительную, но свободу. – Очень уж не понравилось мне в гостях у ЧК. Боюсь также, что с документами, что без – сперва допросят качественно, с пристрастием, а потом расстреляют на всякий случай. То есть помочь стране хочется, но не ценой же здоровья или жизни!

– Барно! – довольно кивнул головой Князь Гвидон. – Дядин дом[58] живо учит, что пи...ду и титьку в одну руку не возьмёшь.

Я же попробовал на вкус состроенную на ходу версию и...

И с ужасом осознал её полную реальность.

Все те страхи о звериной хитрости чекистов, своекорыстии и презрении к чужой жизни – что я досель уверенно и

[58] Дядин дом – тюрьма.

успешно гнал из своих фантазий! – после увиденного с изнанки внезапно обрели объём, цвет и даже запах, тяжёлый запах крови и го...на.

Идея перекраивания истории, ведущая меня вперёд всё время после провала в прошлое, внезапно превратилась в глупую и очевидную ловушку, выход из которой надлежало найти как можно скорее. Аж слабость накатила, и как не вовремя-то!

К счастью, мои душевные метания прошли мимо внимания уголовного лидера. Он удивительно легко оставил в покое щекотливую тему моего целеполагания и деловито уточнил:

– Много нагрузили?

– Трёшку. Перед тем ещё год на Шпалерке промариновали.

– На траву тебе рвать не резон – проще отпыхтеть, – почему-то повеселел Князь, и, неожиданно перейдя на нормальный язык, спросил прямо и в лоб. – Может быть, ты помнишь какие-нибудь клады, что в будущем отыщутся?

– Увы, – пришла моя очередь расстраиваться. – Что-то в новостях мелькало, но никаких подробностей...

– Дела знаменитые? Шармак? Мокруха? Скок?

– Только политиков, разве что... – чуть покопавшись в памяти, выложил я по одному знакомому слову. – Вот Кирова в 34-ом грохнуть должны, как-то глупо причём, из ревности. Народу под это дело репрессиируют эшелоны. А ещё Маяковский в 30-ом застрелится.

– Без мазы... – поморщился Гвидон. – И нужный номерок в скачках или в лотерее ты, конечно, не знаешь.

– Слишком давно, пожалуй, даже в интернете не найти.

– Что же ещё? – пахан простецки почесал затылок, не обратив особого внимания на новое слово. – С авиаторами что-то намутить?

«Это он уже – от отчаяния...», – понял я.

Нет, самолётная тема в СССР популярна[59] сверх всякой меры и смысла. Чуть не в каждой второй газете пишут то про иностранцев, добирающихся на крыльях аж до самой

[59] С середины 20-х годов и до середины 30-х репортажи о рекордных полётах не сходили с первых полос газет всего мира. Например, М. Громов осенью 1926 преодолел маршрут Москва – Кёнигсберг – Берлин – Париж – Рим – Берлине – Вена – Прага – Варшава – Москва.

Австралии, то про нашего Громова, облетевшего всю Европу. Вот только как на этом заработать хоть копейку?

Тем не менее, я без особой надежды выложил единственный застрывший в памяти факт.

– Чкалов через Северный полюс до Штатов доберётся, но это уже позже, году в тридцать пятом[60].

– И как же ты жить-то мортуешь с эдаким капиталом в башке? – подозрительно вкрадчиво поинтересовался пахан.

Похожие вопросы я задавал себе миллион раз. К сожалению, ничего дельного в рамках прокрустова ложа социализма не выходило, собственно, именно поэтому мне и приходилось держать политический вариант продажи информации о будущем как основной и даже единственный.

Но некоторые слабые идеи всё же имелись.

– Можно вложиться в картины, я помню несколько авторов, ставших знаменитыми. Но результат проявится только лет через двадцать-тридцать. Или подождать оттепели с десятком-другим старых икон. Ещё на денежных реформах немного заработать, но это уже только после войны. Хотя... Всё же надёжнее производством заняться, есть варианты с лапшой быстрого приготовления, туристическим снаряжением, ксерографией[61], полупроводниками или аквалангом...

Князь принял этот детский лепет молча, пауза затянулась, так что я поспешил её разбить последним отчаянным рывком.

– Вот в Соединённых Штатах реализовать мои знания намного проще. Я неплохо представляю себе технологии будущего, так что можно запатентовать какие-нибудь изобретения, а то и ещё проще – заняться игрой на бирже.

– Биржа, значит? – наконец-то встрепенулся Гвидон и сразу уточнил, выказав неожиданные познания: – Но ты же курсов не можешь помнить!

– Разумеется, – я постарался скрыть радость от поклёвки. – Но зато хорошо представляю основные тренды развития науки и техники. Если видеть названия компаний, типы

[60] Этот перелёт состоялся только в 1937 году. Рекордным по «беспосадочной» дальности он не был.

[61] Данное изобретение имеет давнюю историю – патент получен в 1939 году, а офисный «ксерокс» «model A» серийно производился с 1948 года.

продукции, фамилии, что-то непременно всплывёт в памяти. Да и политику всякую со счетов нельзя сбросить. Сразу миллионов не выиграть, но потихоньку денежка потянется.

– Складно, – неожиданно задумался авторитет, выскреб из-за уха вошь и щелчком раздавил её между ногтями. Затем продолжил как бы сам с собой. – Рвануть нитку непросто, легавые её хорошо забили. Готовиться надо основательно, такое сразу трелить[62] надо, – и замолчал минут на пять.

Я уже думал, что он специфически, по уголовному задремал, сидя с открытыми глазами – всё ж болел недавно, и прикидывал, как половчее попрощаться, да пролезть на своё место на нарах, но тут лидер шайки наконец громко хмыкнул, и... Как ни в чём не бывало занялся моей подготовкой к существованию на Соловках. Не иначе, решил в последнюю ночь перед Кемью поднять мои шансы на выживание.

Скоро передо мною развернулась широкая панорама лагерного быта со всей его беспощадностью, знаменитым зоновским блатом, административной структурой, расстрелами, зачётами, довесками, пайками, жульничеством, грабежами, охраной и прочими «мелочами».

– Дербанки не бойсь, зевать сторожись, – терпеливо поучал меня Князь. – Серьёзным людям шепну, а шелупень сам гони по пи...де мешалкой. Но буреть не смей, не по масти тебе, тем паче супротив легавых. Да, серяк[63] приличный справь, в рванье враз за фраера пойдёшь. Катать не садись, паёк под пашню не сдавай[64], хотя... – он посмотрел на мою не особенно худую физиономию. – Тебе – не в падлу. Главное, не вздумай втыкать[65] на общих работах. Оно завсегда в стаде проще кантоваться, и пайку вкуснее бросают. Но захлестнёт работа, жилы вытянет, а случись какой шухер с хавкой или перекинут куда на усиление – ярмо не скинешь и загнёшься как доходяга под комлем на делянке. Так что сразу болячку замастырь, нарядчику лукни[66] или вообще затихарись на

[62] *Трелить* – обсуждать, требовать долю.

[63] *Серяк* – шинель или полувоенное пальто.

[64] *Сдать под пашню* – продать вперёд паёк.

[65] *Втыкать* – работать.

[66] *Лукнуть* – дать взятку.

дальняке под переключку. Короче, не бойсь халявы, вашего «брата-телигента» в начальстве много, потри по душам с одним да с другим, вытащат на подработки по счётам щёлкать. Особенно к КВЧ[67] приглядиись, там контриками под крышу забито...

Более-менее довольный сотрудничеством с преступным элементом, я вернулся «к себе» уже далеко за полночь. Но едва растолкал соседей и добрался до законных двух вершков, неугомонный Михаил Фёдорович чуть слышно, но отчётливо проворчал:

– Обманет он тебя. Вот не знаю, о чём вы договаривались, и знать не хочу, но я таких сволочей в достатке видел, в любом случае обкрутит вокруг пальца, а потом ещё и поглумится.

– Ложечки вроде бы нашлись, – неожиданно для самого себя выдал в ответ я. – Но...

Правда, где осадочек?

Так его и искать не надо, плавает по поверхности. Как-то незаметно и подозрительно легко с решения глобальной проблемы выживания страны я перестроился на путь корысти, да ещё не сам для себя, а в сомнительной компании уголовника.

И это не вся проблема: ведь если сбросить шелуху наставлений молодому зэку – кто я для Князя? Инструмент! Не получу ли я вместо богатства и славы тёмный подвал, побои, а потом, когда выжмусь досуха и принесу достаточный капитал, результирующий нож в печень? Прямо холст, масло – спаситель отечества достойно применил на практике знания будущего!

Но есть и позитив...

Во-первых, не зря потратил полтаблетки антибиотика. Теперь понятно, у кого искать документы – если, конечно, они понадобятся. Кличка – она в мире малин и лагерей понадёжнее паспорта будет.

Во-вторых, неверие лидера шайки в конструктивное сотрудничество с чекистами настолько абсолютно, что он даже посчитал лишним как-то разубеждать меня в подобной глупости. Такой подход убеждает сильнее телерекламы будущего.

Ну и в-третьих, он же натолкнул меня на выход из тупика: деньги, большие деньги. Ведь и правда: вполне реально,

[67] КВЧ – *Культурно-воспитательная часть.*

к примеру, нанять пару-тройку писателей и с их помощью выпустить и распространить серию книг-предсказаний. Или написать стопку хитрых писем тому, другому... Предупредить третьего, подкупить четвёртого...

Почему не проплатить или сагитировать десяток контриков, да заказать убийства будущих злодеев?

Не окажется ли, что изменить историю подобным образом проще и безопаснее, чем привлекать всю мощь «коммунистической партии и советского правительства»?

Только бы вырваться с Соловков, но не просто в СССР, а за границу, и... Обязательно с работающим смартфоном. Без него, родимого – а, вернее, без сохранённых в памяти институтских учебников и прочих книг! – получить большие и быстрые деньги будет неимоверно сложно.

Нужен ли для этого Князь Гвидон?

В лагере он, безусловно, полезен, сгинуть не даст, разумеется, в меру своих, не особенно великих связей. Хотя пылинки сдувать не станет, скорее, наоборот, постарается дать прочувствовать тяжёлую длань государства на плечах, спине и том, что пониже оной. Но и на том спасибо...

А вот куда податься дальше...

Ведь есть, есть один красивый вариант!

Финляндия рядом!

Что если рвануть туда, одним махом избавиться от чека, шпаны и всего СССР вместе взятого?

Смартфон...

Тоже мне, великая проблема! Были бы деньги, к ним наверняка найдётся и человек, что вывезет его из Питера без лишних вопросов!

И я тихо окончил зависшую фразу:

– Трудно спорить с вашим опытом, поэтому искать ложечки придётся исключительно по моим правилам.

Но Михаил Фёдорович уже спал.

5. НЕ ВСЕ ПИСАТЕЛИ ОДИНАКОВО ПОЛЕЗНЫ

Киев. Апрель 1930

3 месяца до рождения нового мира

Ровно в девять ноль-ноль под мерное подрагивание купе на быстром ходу раздался не слишком громкий, но настойчивый стук в дверь.

Пришлось встать, кое-как натянуть брюки и отпереть закрытый на ночь замок.

Ожидал кондуктора, но в коридоре меня встретили нарочитые улыбки двух парней в строгих, жёстких до хруста белых сорочках и синих бабочках.

– Добр-рое ут-тро, – в унисон сказали они энергичными голосами, и...

Принялись аккуратно пропихивать в купе тележку с едой.

«Официанты!», – наконец-то я заметил главное – небольшие белые колпаки на головах парней.

Работники местного общепита свою работу знали на отлично. Не задавая лишних вопросов, они ловко выставили на столик у окна пару сочных лангетов с жареным картофелем, свежим – откуда только взяли[68]?! – огурцом на продолговатых никелированных тарелках, лососёвые салаты, взбитые сливки, несколько тёплых булочек, горячий дымящийся кофе и нежные пирожные из слоёного теста с чудесными глазочками из засахаренных фруктов. Уместив каким-то чудом всю кулинарную роскошь на крошечном пространстве, они

[68] Можно привести цитату из письма Л. Ю. Брик от 23.05.31: «Ехали мы (поездом из Москвы в Свердловск) хорошо, но очень пыльно. В ресторане ели рябчиков, жареные грибы и свежие огурцы...».

с вежливым полупоклоном выдали листочек счёта. За двоих вышло четыре рубля сорок семь копеек, впрочем, от сдачи с «синенькой» успевший проснуться Яков отмахнулся не глядя...

Позавтракали с шиком, вдобавок мой спутник – позёр патентованный и неисправимый! – добавил к кофе гадкую толстую сигару из того немалого запаса, что он умудрился натуральной контрабандой протащить из Турции.

Я же, закинув ногу за ногу и откинувшись на подушку кресла с чашкой в руках, скромно налёг на оставшиеся без его внимания, но очень недурные пирожные.

– Почитать ничего не желаете-с? – ворвался в мою блаженную полудрёму голос проводника. – Газеты? Журналы-с?

– Пожалуй, – я вернул чашку на блюдце, запуская руку в предложенную переносную корзинку. И почти сразу со словами. – Ого, «За рулём» уже печатают! – вытащил несколько потрёпанных, но неплохо сохранившихся номеров от 1928 года.

– Благодарствую, – чуток поклонился вагоноблеститель, принимая мой двугривенный. – Если чего ещё надо – спрашивайте-с.

Содержание журналов, сверх всякого чаяния, оказалось достойным внимания...

С не успевших пожелтеть страниц журналисты-автомобилисты рассказывали про жуликов-таксистов в Париже; обсасывали детали новейшей многоуровневой развязки на шоссе Франкфурт-Базель; грозили властям города Москвы фотографиями страшных ям и ухабов в бульжной мостовой с попутным экскурсом в классификацию каменюк по форме, материалу и региону добычи; обсуждали новую модель «Ford»; нюансы подвески грузовиков «Citroen»; устойчивость спортивного трёхлитрового «Bentley» на итальянских серпантинах; доказывали достоинства триплекса и многоугольного рулевого колеса. А под копией рекламной листовки «General Motors» с мудрёным лозунгом «A used car is unused transportation» – организовывали полноценную правительственную дискуссию по целесообразности закупки в Америке использованных

автомобилей. Да ещё эдак разборчиво: «Chevrolet» брать или «Ford», ибо последний дешевле, но имеет недопустимо большую разницу в передаточных числах между первой и второй передачей.

Если не обращать внимания на едва заметную ретроспецифику, то создавалось полное ощущение 21-го века: доступность иномарки любому и каждому, сопричастность с мировой культурой панъевропейского автотуризма, изрядная толика рекламы бензина, масла и «совершенно обязательных» автоаксессуаров, ну и, конечно, уверенность в скором и окончательном решении вопроса рытвин и кочек на отечественных дорогах.

Особо стильно в канву сюжетов «а-ля будущее» укладывался пространный репортаж про вновь начинающийся мировой кризис и падение спроса на автомобили в Америке. Не претерпел заметных изменений и логический вывод из сего досадного факта: корпорация «GM» уже не сможет – как в былые тучные времена – продавать по два миллиона автомобилей в год [69], поэтому вот-вот попадёт под пресс категорически неразрешимых экономических проблем, соответственно, непременно начнёт выкидывать рабочий класс целыми цехами на грязные улицы Чикаго. А там подтянутся забастовки, манифестации, обрушение многотриллионной пирамиды долгов, и в завершение – полный и окончательный крах «цитадели демократии».

Ощущение портила лишь одна ложка дёгтя. По странному стечению антисоветских обстоятельств на следующей же странице чья-то добрая душа с задором и надеждами на скорые перемены подробно описала турне самого предсовнаркома товарища Рыкова по Сталинградской губернии на лучшем из имеющихся «Mercedes-Benz»...

1912-го года выпуска!

Ни грамма не постеснявшись – а скорее, просто не осознавая комизма ситуации – бойкий щелкопёр в красках отобразил починку колеса восемнадцатилетнего рыдвана в деревенской кузнице путём насадки пары деревянных ободов, да ещё с подкладкой из плотно свитой соломой отечественного

[69] *Всего в США на 1928 год ездит 22 миллиона автомобилей, из них в штате Нью-Йорк – 1,7 миллиона.*

производства. В качестве же оправдания сего прискорбного факта шла сдача главной военной тайны страны: чего ждать от Поволжья, если в самом Ленинграде зарегистрировано всего лишь 726 легковушек[70]:

Общей картины, впрочем, сей забавный сюжет не ломал...

Мне пришлось в который уже раз признаться самому себе: победители в революции и гражданской войне – они же обладатели членских книжечек ВКП(б)! – за дюжину лет умудрились вполне комфортно устроиться на обломках Российской Империи. Ещё и местечко оставили для свиты из примазавшихся попутчиков и лизоблюдов.

И пусть прямо сейчас им не по карману даже мечта клерка – аскетичный «Ford Model A», в душе коммунисты-начальники вполне дозрели до идеи буржуазных покатушек: с жёнами по магазинам, с любовницами на доставшиеся в наследство от «проклятого царизма» роскошные имения-дачи.

Порукой тому очень недурные зарплаты и возможности практически неограниченного карьерного роста.

При отсутствии старых кадров даже полные бараны с правильной пролетарской родословной умудряются удерживать статусные руководящие посты, а чуть более грамотные и шустрые – мгновенно дорастают до несусветных заоблачных должностей.

Они получают премии, пайки и комнаты с мебелью в отобранных у «контры» квартирах. К ним на шею с самыми что ни на есть серьёзными намерениями вешаются юные красавицы. Доступны весёлые загородные кутежи с девочками и бильярдом, попойки в ресторанах и прочие скучные патриархальные забавы: охота, пьянка и рыбалка.

Наконец те, что в чинах чуть повыше среднего, не имеют проблем с выездом за границу.

В дополнение к перечисленному не стоит забывать: над «авангардом пролетариата» ГПУ не властно, в случае любого, в том числе махрово-уголовного преступления коммуниста сперва должна судить местная Партколлегия или – при наличии высокого поста – центральная Контрольная Комиссия.

[70] В 1926 г. общее количество автомобилей «на ходу» в СССР составляло 15 123 (7701 легковой, 6129 грузовых, 735 автобусов и 558 спецмашин).

Соответственно, машина убийства и унижения может добраться до них лишь после «исключения из рядов»[71], что есть дело крайне непростое – друзья и соратники не сдадут без боя.

Поэтому чувствуют себя «партейцы» в полной безопасности, совсем как дворяне эпохи золотой Екатерины, эдакий достаточный для управления страной неподсудный и неподатный процент[72].

Для поддержки своего «высокородного» статуса многие из партийцев тренируются с оружием, как настоящие господа: всего разницы – наган вместо благородной шпаги.

Никак не пойму только одного: почему они так стеснялись пускать его в ход в тридцать седьмом?!

Восхищаться ли мне коммунистами?

Ненавидеть?

Завидовать?

Какие глупости!

Наивные, трудолюбивые коняги местного «Скотного двора»[73] достойны лишь жалости. Они вступали в ряды ВКП(б) за повешенным перед мордой лица благородным лозунгом «все животные равны», надеялись дать власть – Советам, недра – народу, землю – крестьянам. Многие до сих пор совершенно искренне гробят за фальшивую мечту здоровье, а то и саму жизнь.

Простить ли их?

После близкого знакомства со свежееоткормленными псами или стражами революции не могу и не буду. Кто-то обязан нести ответственность за молчаливое сглатывание подлой

[71] Данный порядок был введён в 1923 году и формально действовал как минимум до 40-х годов. Однако уже в середине 30-х исключение из партии проводилось по требованию ГПУ – НКВД формально, часто – задним числом.

[72] Численность партии на момент XVI съезда в июне 1930 года – 1 260 874 членов и 711 609 кандидатов. С другой стороны, по данным переписи населения 1897 года, в Российской Империи насчитывалось 1 221 939 дворян, что составляло 0,97 % всего населения.

[73] Книга «Скотный двор» (Animal Farm) Д. Оруэлла была опубликована в 1945 году. Но ГГ её разумеется читал и основные моменты помнит.

добавки «... но некоторые животные равнее других» и закономерное перерождение правящей партии в монстра.

За назидательный пример, в котором честное исполнение своего долга множеством умных и добрых людей приводит к втапыванию в лагерную пыль миллионов ни в чём не повинных крестьян, рабочих, управленцев, инженеров... А также – их жён, детей, всех близких и дальних родственников.

Мой долг, моя миссия – остановить метаморфозу. Любой ценой, хуже всё равно быть не может...

– Лёш, а не пойти ли нам до ресторана? – прервал мою задумчивость жизнерадостный голос Якова. – Гляди, время за полдень ушло, скоро Киев, он хоть и не столица [74], да оголодавшим гражданам до того дела нет. А ну как понабьются по вагонам?

Толком и не поесть будет...

Риторический вопрос!

Какие могут быть возражения?

Опыт завтрака и его побочное следствие – досадная капелька соуса на брюках – показали: вкушать местные деликатесы за маленьким подрагивающим столиком не слишком удобно.

Да и хоть чуть-чуть размяться явно не мешает.

Путешествие по коридорам не заняло и пары минут...

И вот он – элитный советский вагон-ресторан!

Варварское пренебрежение железнодорожным аскетизмом, никакого сравнения со скромными европейскими собратями: тяжёлые, с изыском столы красного дерева; конусы салфеток стоят на выставленных тарелках как отлитые из гипса; стулья с мягкими убедительными округлостями сидений и спинок; плюшевая обшивка в тон к тканевым вставкам панелей стен...

Едва прозрачная кисея и плотные бордовые шторы с неуклюжими ламбрекенами погружают изрядно сдобренное табачным дымом пространство в приятный рассеянный свет.

Сказка наяву, а вот посетителей немного.

[74] С 1917 по 1934 год столицей советской Украины (УНРС – УССР – УСССР) являлся Харьков.

– Вот чёрт! – тихо ругнулся мне в спину партнёр. – Папиросы в купе забыл!

Он развернулся и быстро зашагал назад, так что я догнал его уже в тамбуре.

– Старый знакомый засел, с...ка, – прояснил Яков ситуацию в ответ на мой удивлённый взгляд. – Слева, колобок в очках и чёрной рубашке. Издали не срисует, ведь столько лет прошло, но вблизи – непременно смекнёт. Придётся обедать в купе.

– Может быть... – сконфуженно замялся я.

Яков осуждающе хмыкнул, однако увидев в моих глазах нехоти разбуженный грех чревоугодия, расслаблено махнул рукой:

– Ты-то оставайся. Но не вздумай знакомиться и беседы разводить, чекист[75] он, хоть и бывший... Сам понимаешь...

– А зовут как?

– Изя, кажется. Фамилия – Бабель.

– Бабель? Писатель?

– Больно много у нас таких писателей развелось, – пыхнул ненавистью Яков.

– Выходит, тот самый Бабель!

– Тебе виднее, – буркнул Яков, развернулся, пряча глаза, да потопал назад в купе.

В начале кратких одесских каникул я частенько не понимал смысла в повсеместно употреблявшихся фразах типа «смотреть официальным глазом», «снять со стенки верного винта» или «отдавать кровь в первом ряду».

Но позже осознал: Бабель в советской стране бешено популярен, куда больше чем Пелёвин в моём времени. Так что всякий оболтус, мнящий себя хоть каплю образованным, обязан знать десятка полтора красивых цитат из «Конармии» или «Бени Крика», чтобы с поводом и без оного вкручивать их в любой разговор. Перечитать смутно припоминаемые по школьной программе романы[76] желания не возникло, но сам факт в памяти отложился прочно.

[75] *Оперативной работой И. Э. Бабель не занимался, в 1918 работал переводчиком в иностранном отделе ЧК.*

[76] *ПГ ошибается, И. Э. Бабель ни одного романа не написал, перечисленное выше – сборники рассказов.*

Вернулся в ресторан я в гордом одиночестве, однако последовать совету партнёра и спокойно пообедать не смог.

Не иначе, уловил знаменитый писатель эфирные эманации моего интереса. А может – проще и материалистичнее – не понравилось ему, что кто-то за спиной пристраивается поест. Так или иначе, но только выдвинув стул, я неожиданно услышал мягкий, чуть ироничный голос:

– Товарищ, присаживайтесь лучше сюда, коли вы не против составить компанию пьяному еврею.

Отказаться не сложно, да только как это сделать, если гложет любопытство?

Ладно, что выдающийся писатель – таких у меня полный

учебник литературы – но ведь он числился чуть не официальным любовником жены будущего наркома Ежова[77]!

По крайней мере, эту деталь биографии я твёрдо запомнил из рассказа молоденькой училки, когда-то тщетно пытавшейся найти подход к нашему буйному одиннадцатому классу.

Поэтому колебался недолго – после секундной заминки сделал пару шагов к соседнему столику и с улыбкой протянул руку.

– Алексей, – представился коротко.

– Ах, да, так неудобно, – Бабель с лёгким, чуть шутейным поклоном привстал и неожиданно энергично пожал мою ладонь. – Меня зовут Айзек, можно на ты и без отчества. Хотя зрение моё слабо, но я таки вижу, что по возрасту ты не сильно от меня отстал[78].

Я же в этот момент замер в ступоре. Наверно, во всём мире не найти человека, менее подходящего на роль дамского угодника. Низкий, толстый, начавший лысеть очкарик, с короткой шеей и смешным носом уточкой над широкими, чуть припухлыми губами, вдобавок одет вызывающе серо и не модно.

С такой внешностью, да в постели к дамам высшего советского света?!

Он ещё пьёт сам с собой – на столе среди остатков еды я приметил сильно початую бутылку госспиртовской «Английской горькой».

Не знаю, как писатель истолковал моё замешательство, вероятно, списал на смущение молодого парня из провинции, но разговор он поддержал в лучших британских традициях.

– Скучно сегодня, очень скучно и очень жарко, – тут Бабель перехватил мой взгляд, остановившийся на водке. – Это пустяк, знаешь ли, реальный пустяк для меня. То ли дело было... Да ты наливай, дружок, не смущайся!

И он щёлкнул пальцами в воздухе, подзывая официанта.

– Ещё «англичанку» и сервируйте молодому человеку!

[77] Данная версия спорна, то есть имеет как сторонников, так и противников. Однако факт близкой дружбы Бабеля и его постоянного общения с супругой Н. И. Ежова Е. С. Хаяужиной (урождённой Фейгенберг) не вызывает сомнений.

[78] И. Э. Бабелю в 1930 году было 36 лет, ГГ – 25 лет.

– Что там у вас нынче на обед, несите всё, – заторопился я вслед чересчур энергичному собеседнику, испугавшись остаться наедине с хрусталём рюмки.

– Сей момент-с, – донеслось из-за стойки.

– На чём мы с вами остановились? – Айзек стянул очки и начал их аккуратно протирать вытащенным из кармана платком. – Понимаешь... – он доверительно понизил тон, – Самое сложное – это начинать беседу с незнакомым человеком. Ни малейшего понимания, что ему интересно, а что вызовет раздражение и гнев. Заведёшь разговор про девок, а он оказывается женат и души не чаёт в супруге. Распишешь вегетарианцу вкус жареного в яблоках гуся или предложишь отведать старого Фин-Шампань тому, кто в строгой завязке. А то ещё хуже, про храм обмолвишься, когда собеседник магометанин.

– Типа: не говори о верёвке в доме повешенного? – попробовал состричь я.

– Именно! – с наигранным энтузиазмом Бабель подхватил заезженную шутку. – Так вот, у меня таки всё просто – писатель я буду. Ну... В журналы там статейки кропаю или ещё где платят. Моё дело простое – знай себе скреби карандашиком по белому листу, черкай да переписывай.

Мимикой я старательно изобразил недоверие к приbedняющейся знаменитости, но ломать игру не стал. Всё равно вопросы будут, так лучше заранее, на трезвую голову выдать частичку вызубренной в деталях легенды. Заодно и проверить слабые места можно без особого риска, с таким-то гандикапом по части употребления «очищенного вина».

– Со мной вообще неинтересно, – я деланно развёл руками. – В детстве бегал в школу да на запруду с друзьями в маленькой деревушке с аппетитным названием Пирогги. Батя там фельдшером работал, а мать... И не помню толком, померла она, когда братика рожала. Потом, уж когда война началась, отцу службу предложили в Кременчугском лазарете, мы туда и переехали, пошёл в Александровское реальное на основное отделение[79]. Дальше замятня пошла в полный рост, сперва

[79] Реальное училище – среднее или неполное среднее учебное заведение, во многом похожее на современный колледж (только 2-7 летний). На основном отделении готовили к техническим специальностям, на коммерческом – к торговым.

трамвай ходить перестал, а там – то немцы, то петлюровцы, то деникинцы. Ещё товарищ Сталин приезжал как-то с делегатами конгресса Интернационала, но трамвай всё равно не починили. В двадцатом – как раз за пару лет до выпуска – нас переименовали в ФЗУ, так я стал слесарем-электриком. Поработал учеником в вагоноремонтных мастерских два года, интересно было, и место пророчили, да ушёл на «трикотажку», уж на полную ставку, деньги шибко нужны были. В те года батя здоровьем резко сдал, уволили его с водолечебницы имени Дзержинского. А как он помер... – я со всем возможным правдоподобием шмыгнул носом. – Подался к тётке в Одессу, там её муж – непач из видных – меня живо к приятелю на жестяно-баночный завод определил.

За время рассказа Бабель успел изрядно поскучнеть, верно, из-за полного отсутствия всяких следов героики в моей рабочей биографии – специфика электромонтажного ремесла его явно не прельщала. Однако *poblesse oblige* – радушную улыбку он сохранил, рюмки наполнил и в первую же паузу поднял тост:

– Ну, со знакомством!

– С удовольствием! – торопливо поддержал я.

Но сразу после прокатившегося в сторону желудка пошла решил всё же добить собеседника жизненной рутинной.

– Вот под Рождество взбрела дядьке блажь, говорит: «Дам я денег на учёбу в самой Москве тебе и свояку...», – у того как раз жена от чахотки померла в прошлом году, хорошо хоть детей прижить не успели. Но с условием, чтоб годков через пять непременно вернулись помогать в артели. Проводил нас по высшему разряду, соседи, поди-ка, год судачить будут. Да и с собой кое-что подкинул от щедрот...

– Прямо-таки вернулись? – мигом ухватился за нестыковку Айзек.

– Да откупился он от нас просто, – не стал запыраться я. – Хотел просто так спровадить куда подальше, но тётка не дала, добрейшей она души человек.

Между тем официант, строгий как британский гвардеец на параде, подал обед.

Начинался он превосходной серо-зернистой икрой, затем следовал изысканный рыбный салат и отличное мясное рагу с

острым соусом. На первое – борщ со свининой и белой кляк-сой сметаны, к нему шли пирожки с мясом, капустой, яйцами и зелёным луком. Второе блюдо оказалось двойным – нежная бескостная стерлядь и птица с овощами, с гарниром из картофеля. На десерт – фруктовый пудинг и блины с компотом, да ещё, вероятно в качестве прелюдии к ужину, хлеб, масло и сыр.

Насыщаться мне Бабель не мешал, а вот наливал исправно, и я скоро понял, в чём его сила – он не только «умел как никто слушать», но и здорово насобачился, глядя прямо в глаза, задавать вопросы с подковыркой – простые на первый взгляд, а пять раз подумаешь, что ответить. То про лошадиные стати поинтересуется, явно из разряда понятных каждому деревенскому мальчишке, затем походя пистолеты разных марок сравнит, или слово-другое по-немецки или по-французски вернёт[80]. Заодно незнание мной окрестностей Одессы прокачал на все сто, с юмором и издёвкой описав чуть не два десятка местечек, в которых он присматривал участок под дачу.

Каждое моё «не помню» и «не знаю» в отдельности можно легко списать на случайность. В самом деле: не обязательно фельдшеру иметь в хозяйстве конюшню, а ребёнку времён гражданской разбираться в наганах. Однако в сумме моё незнание вполне могло набрать критическую массу для подозрений. Будь выпитая Айзеком порция водки грамм на двести меньшей – быть мне «расколотым» как латышскому шпиону, не помогли бы профильные знания электротехники.

Сейчас же...

Собеседник просто жонглировал словами в привычной манере, не пытаясь углубить несуразности. Однако ближе к десерту по «жемчужине у моря» и изученному мной лишь издали консервному заводу стало очевидно – тему беседы надо кардинально менять, а то и прекращать вовсе, тем более что после съеденного голод мне не грозил как минимум сутки.

Поэтому я выпалил самое идиотское, что пришло в голову:
– Сложно было Конармию написать?

[80] Знание языков в данном случае, не опровергает, но и не подтверждает легенду ГГ – немецкий и французский в некоторых реальных училищах Российской Империи изучался на вполне достойном уровне.

– Всё ж узнал, значит... – очки Бабеля укоризненно блеснули. – Тебе в самом деле так понравился мой слог и сюжет, или просто по моде?

Надо признать, в школе вычурные красоты текстов я воспринимал скорее как информационный шум. Точнее, потешался со всей циничностью воспитанного интернетом акселерата над учительницей, разбирающей на детали фразы типа: «Когда суббота, юная суббота кралась вдоль заката, придавливая звёзды красным каблучком...».

Но вслух, разумеется, с жаром воскликнул совсем иное:

– Ваши зарисовки великолепны! Они – как поблёкшие от времени фотографии, поверх которых положены короткие точные мазки флуоресце... светящейся краски, – и добавил тише, но с искренностью, вполне достойной детектора лжи. – Товарищ Бабель, «Конармия» – великое произведение, его в школах изучать будут! В большой и сложной теме... М-м-м... Революция и Гражданская война в литературе двадцатых годов.

– Ну, будет тебе... Есть много произведений получше, – похоже, писатель аж протрезвел от неожиданной лести, но опрокинутая для сокрытия смущения рюмка мигом исправила положение.

– Нет! – продолжил я накат. – С таким ёмким слогом...

Дальше я разразился парой особо претенциозных абзацев из школьной хрестоматии. Не говорить же, что «Конармия» была мной особо любима за краткость. Пока педагог спрашивал одноклассника, я успевал пробежать пару-тройку главок глазами, выкидывая словесные кружева, кроме одного-двух, которые всегда можно привести как ответ на тупой вопрос педагога: «Коршунов, а что тебе особо запомнилось?».

Впрочем, при всём красноречии закончил я свой маленький спич на реально интересующем меня аспекте.

– Ну и правду, конечно, интересно прознать. Вот представьте: в будущем, лет через сто, все забудут про войны, какими они были в реальности. Примерно как мы про Отечественную с Наполеоном, которую знаем, скорее, как приключения Наташи Ростовской и Пьера Безухова. Право же, так куда интереснее, чем учить факты истории. А может быть, даже правдивее, ведь война – она у всех и каждого своя.

– У каждого своя война? – наконец-то очнувшийся от потока комплиментов Бабель задумчиво пожевал слова. – Да тебе, Лёш, надо писателем быть. Говоришь складно, мыслишь образно!

– А я и пробовал! Фантастические романы, – с пафосом свежей, не тронутой пером критика юности провозгласил я.

Про себя, впрочем, удерживая циничную мысль: чего же я ещё могу-то, более-менее представляя реалии будущего?

– Неужели?! – в глазах писателя плескалось море иронии и пара капель интереса. – Навроде «Человека-амфибии» Беляева?

– Скорее, похоже на Жюль Верна, ну, того, что «20 тысяч лье под водой» написал, – возразил я и на всякий случай напомнил. – Я же – электрик, и я хорошо представляю, куда приведут мир новые технологии.

– А и то верно, – поубавил скепсиса Айзек. – Знающему специалисту такое проще, чем нам, старым рубакам. О чём будет роман?

– Вот, например... – под чарами проклятой «англичанки» я начал терять осторожность. – В Германии годика через три капиталисты приведут Гитлера к власти, он заключит союз с Муссолини, наберёт не сильно большую, но хорошо вооружённую и подготовленную армию, с которой потихоньку приберёт к рукам пол-Европы. Ну там аннексирует Австрию, Чехословакию, захватит Норвегию, кусок Польши, потом с помощью нового, недавно изобретённого оружия за два месяца вдребезги расколотит Францию, прижмёт подлодками хвост Англии и окрепший – году эдак в сорок первом – нападает на СССР армадами сверхсовременных самолётов и танков. Тут, конечно, РККА даст агрессору отпор по всей форме: чужой кровью на малой территории, знамя революции будет реять над Рейхстагом. Но сколько прекрасных бойцов погибнет! Да и вообще – людей, невинных рабочих и крестьян, многие миллионы, быть может – десятки!

Нарисованная перспектива – если смотреть из реалий 1930 года – должна казаться несусветной глупостью.

Я с уверенностью полагал, что крепко битый жизнью собеседник лишь усмехнётся – ну хотя бы в глубине души – над глупыми штампами юности.

Однако писатель сумел меня удивить:

– Бывает... – глаза Бабеля вдруг озарились неприятным маслянистым светом, рюмка в руке дрогнула, расплёскивая водку. – Не понимаю я: почему всегда невинные гибнут!

«Неужели нервный срыв?», – мелькнула у меня мысль.

Писателя же будто прорвало.

– Ты себе даже представить не можешь! Это непередаваемо – то, что я недавно наблюдал на селе! И не в одном селе! Не-по-ни-маю! Повидал я в Гражданскую потасовку много унижений, топтаний и изничтожений человеческого существа как такового, но всё это было физическое унижение, топтание и изничтожение. Здесь же, под Киевом добротного, мудрого и крепкого человека превращают в бездомную, шелудивую и паскудную собаку, которую все чураются, как чумную. Даже не собаку, а нечто не млекопитающееся[81].

Я аж оторопел от напора, только нечеловеческим усилием воли удалось сдержать рвущиеся с языка обидные слова: «Неужели старый чекист прозрел? Но съезди-ка, дружок, лучше в Кемперпункт, да не с парадного хода, как твой друган Горький[82]! Посмотри, что там реально творится, тебе вмиг украинское село раем покажется!».

Между тем писатель продолжил свой спич без всякого мого вмешательства:

– Эх, Лёшка, ты только представь себе, как может крестьянин[83] свою лошадку прибить? Кормилицу жеребую, даже из саней не выпрягши! Он ещё её дочкой назвал, обнял, поцеловал в лоб и топором, вот так, прямо с размаху, промеж глаз насмерть, понимаешь ты? Упала она, и в брюхе жеребёнок, ра-

[81] Подлинная цитата И. Э. Бабеля из письма жене.

[82] Горький посетил Соловки весной 1929 года в попытке переломить общественное мнение Запада о жестокости на лесозаготовках (вылившееся в отказ от закупки леса). Ничего хорошего для заключённых из этой истории, разумеется, не вышло.

[83] Описан реальный персонаж, житель села Великая Старица И. Д. Кольвушко, 1878 года рождения. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах, получил «Георгия», с женой Соломией Яковлевной (умерла через год после раскулачивания) имел четырнадцать детей (семеро умерли). Скрывался, жил случайными работками.

а-з и перевернулся – и насмерть... Обоих. Постоял чуток и как пошёл вокруг всё махать, без крика, только хеканье тяжёлое эхом металось по двору, с хрипом из самого нутра, и треск, а после... путаница колёс и барабанов там, где веялка стояла, и звон, и нет жатки-лобогрейки... Ничего нет. А вся семья стоит и смотрит: детей десяток и растрёпанная жена, и бабка в рваном саване на снегу босиком, и соседи издали. И это только начало было! Только начало, ты понимаешь?

Тут Бабель походя смахнул рукой очки, его раздетое лицо на мгновение показалось мне беспомощным и очень добрым. Совершенно не сходным с последующим рассказом, воплощённые в котором отточено меткие, часто парадоксально смешные образы вносили дикую картину разрушения в прокуренный воздух ресторана...

Как живые, из села в село, нескончаемой чередой бежали уполномоченные РИКа, между делом пряча в вихляющиеся портфели детскую одежду и дырявые калоши. Играли на разбитой гармошке активисты из голытьбы. Их подельники умудрялись прямо в плясовом круге раздевать донага кулацких жён и дочерей для смачного «обыска». Пьяные в дрова свежеиспечённые председатели колхозов[84] своекорыстно вписывали в тетради кривыми печатными буквами скупое перечисление реквизированного добра, одежды, обуви, домашней утвари, вплоть до грязных пелёнок и маленьких медных икон, потому как всё нажитое скупой бедняцкой слезой добро непременно пригодится «для тракторов» как утильсырьё.

За пёстрым фасадом раскулачиваемые не то чтобы терялись вовсе, но почти не выделялись – выпуклые характеры и обстоятельства бессовестно затеняли общую чудовищную картину...

Хуже того, Айзек, возможно, не отдавая себе отчёта, упорно пытался отвести вину с тех сволочей, кто запустил адский механизм самоуничтожения деревни: столичных партактивистов и председателей райисполкомов, секретарей партячек. Всех тех, кто прекрасно понимал к чему идёт дело, но всё равно под прикрытием наганов ГПУ зачитывал простуженным голосом с высокого крыльца бывшего кулацкого дома

[84] *Колхоз* – коллективное господарство, говоря по-русски – колхоз.

трескуче-непонятные, но такие сладкие для ленивой гопоты лозунги о «двадцати пяти процентах»[85]. С благословения кого возникли из ничего «бригады» и «комиссии» бедноты, с немислимой лёгкостью решающие: кому из односельчан жить, а кому – пускаться с детьми и стариками в смертный путь без одежды и еды, по морозу. Сперва – на санях сквозь пургу к «железке», а затем – на край северной ойкумены в телячьих вагонах... Рыть землянки в Томских болотах, в лесах у Котласа, Печоры, Сыктывкара...

Тут на моё спасение иссяк десерт, опустел стакан с чаем, и я получил повод более не выдерживать нагромождения жуткостей в изысканной словесной обёртке. Тем более что вопрос вертелся на языке давно.

– Неужели не бунтовал никто? – спросил я.

– Постреляли, но самый чуток, бестолково совсем, больше в бега крестьяне рвут[86], – Айзек одним глотком осушил практически пустую, давно расплёсканную на скатерть рюмку, и добавил совсем спокойно. – И хорошо, не так обидно курощать тех, кто коней, коровок да свинок торопливо и бестолково, таясь от соседей, под нож пускает, да на дом и хозяйство – керосину ведро, спичку, а сам с семьёй по белу свету скитаться, куда глаза глядят.

– Так вот кого я видел вчера на станции! – догадался я.

– Армейцы бегунков у вокзалов сдержать пытаются, да только без толку, – согласно кивнул головой писатель. – Они же все – на одно лицо, и много, страсть. Хотя, что я говорю, таковых умников меньше одного из сотни, остальные же... Понимаешь, Лёшка, мы-то ведь самую малость устроили, только запал у бомбы подожгли, а там крестьяне сами друг дружку заели, аки звери дикие... Или нет же, нет! Стая! Селяне – как стая собак, от себя гнали высылных прочь, только чтоб с глаз долой, а те... Как чужими сразу всем стали, даже себе

[85] По закону двадцать пять процентов от реквизируемого имущества передавалось беднякам. Реально же к тем, кто «раскулачивал», ушло практически всё, колхозам достались жалкие остатки.

[86] В реальности по данным ОГПУ в марте 1930 года число участников антиколхозных выступлений составило 1.434.588 человек (6512 «эпизодов»).

чужими, вот в чём суть! Понимаешь, Лёшка, поэтому они и не сопротивляются, терпят, будто в смертном окочении. Живые мертвецы – вот кто они получают в отказе от мира в котором родились!

Я проваливался в смысл сказанного медленно, как в липкую тину, только на самом краю, перед взрывом бешенства, сумел ухватиться за спасительный якорь цинизма и рациональности.

– Многие так погибли?

– Так они же, получается, сами себя и порешили – никто и не считал вовсе[87]! – растерянно удивился своему же пьяному выводу Бабель. – Если бы не мы – кто-нибудь другой всё равно толкнул, и пошла бы лавина зависти и ненависти. Вот безвинных детишек жалко, помёрзли многие ни за что ни про что. А уж скотины да лошадок столько напрасно погубили, страсть!

И тут меня как холодной водой окатило: несмотря на громкие слова, серые деревенские мужики так и остались для Айзека «ими» – чужими и непонятными. Он совершенно не против самого по себе раскулачивания, процесс для него вполне справедлив, более того, он не особенно жалеет попавших под грабёж крестьян. Скорее, как рачительный хозяин, он искренне недоумевает: почему прогрессивные идеи с газетных передовиц привели в реальной деревне к небывалому разгулу дикости и зверства? За что селяне убивают своих любимых «лошадок»?

Через пять-восемь лет в семье Ежовых он будет точно так же, аккуратно и добросовестно, разбираться: «Почему? За что?». Хотя обязан был, как храбрый боец Конармии, свернуть карлику-наркому шею в тихом семейном кругу. Не смог...

Так лучше бы остался – на радость родственникам и детям – в Париже, да написал обличительно-загадочный роман, как Булгаков или Замятин.

Или – на худой конец – пустил честную пулю в висок в разладе с самим собой, как Есенин или Маяковский.

Заслужил ли Бабель свой расстрельный подвал?

[87] Историки приводят такие цифры: в 1933 году в сёлах Бориспольского района проживало 63 206 человек. Родилось 709 человек, а умерло 26 428 человек.

Но вместо злых слов обличения я лишь бессильно констатировал исторический факт:

– Голод ведь настанет через год-два, лютейший, великий голод. Траву и трупы колхознички жрать будут.

– Ой, ну не пугай только, – грустно, но с глубоким пониманием изнанки жизни улыбнулся Айзек. – В гражданскую и похуже случилось, а тут мужики вытянут, земля-то от нас покуда никуда не сбежала! А если что не так – поможем, вон, ты же наверняка статью товарища Сталина читал.

– «Головокружение от успехов»? – на всякий случай уточнил я. И, спохватившись, добавил энтузиазма. – Очень, очень дельно написано!

– Вот и не надо паниковать! Великие дела, знаешь ли, всегда через грязь и кровь идут, однако партия во всём разберётся, да что там – уже разобралась. Нет ничего страшного, наоборот, даже в плохом можно хорошее сыскать, вот, к примеру, третьего дня нарком земледелия товарищ Чернов писал в газете, что «впервые за всю свою тяжкую историю русский крестьянин поел мяса досыта».

– Ну, если сам нарком... – я постарался, чтобы сарказм не просочился в мои слова, но получилось плохо.

К счастью, Бабель был совсем не в том состоянии, чтобы обращать внимание на интонации. По крайней мере, простился со мной он очень тепло, с объятиями и многословными приглашениями на ипподром, где он обещал рассказать о лошадях всё-всё и даже познакомить с жокеями, если, разумеется, я надумаю поставить на кон червонец-другой...

Возвращался в купе я не торопясь, чуть пошатываясь от выпитого. И в железнодорожной полифонии многочисленных стрелочных переходов удаляющегося Киева – вместо успокаивающего «чучу-чу-чух, чучу-чу-чух» тяжёлых двухосных тележек СВПС – мне вновь слышалось звонкое барабанное «та-та-та, та-та-та» старого трёхосного вагона.

Совсем как два года назад...

6. СИЛЬНЫЕ УМИРАЮТ ПЕРВЫМИ

Кемперпункт. Зима 1928 года
28 месяц до рождения нового мира

Выгружали наш этап весело и без затей.

Просто выгоняли вагон за вагоном на заснеженную вырубку железнодорожного тупика где-то за Кемью и выстраивали в колонну по пять человек в ряд.

Мешкающих подгоняли разухабистым матом, прикладами и пинками, с особым шиком напирая на очень уместную присказку: «Здесь вам власть не советская, – здесь власть Соловецкая».

Первый раз проявление местного юмора меня рассмешило, я даже пробормотал вполголоса:

– Хрен редьки не слаще, – однако после многократного повторения охраной фраза заиграла всей полусотней оттенков чёрного.

Именно с ней на губах конвоир мог легко вклепить тяжёлым, обутым в калошу валенком в лицо упавшему, отобрать чемодан, раскидать его содержимое по снегу или содрать приглянувшуюся шапку. Скорее всего, мог и убить любого, но до этого не дошло: всё ж красноармейцы – не чекисты.

Напротив, они позволили тем каторжанам, кто послабее, сложить тяжёлые баулы в приданные сани – к заболевшим и умершим в дороге, не мешкая всех пересчитали «пятёрками» и повели, то и дело беззлобно покрикивая извечное: «Подтянись, шире шаг!».

Много времени дорога не заняла.

Уже километров через пять я увидел высокий забор и вышки часовых, а ещё чуть погода нахоженная колея упёрлась в громадные ворота, над которыми чернели казённые буквы:

«УСЛОН». Чуть ниже аббревиатура раскрывалась точнее – «Кемский распределительный пункт»[88].

Тут притихла даже вечно задиристая и бодрящаяся шпана.

«Неужели они боятся?», – мелькнула у меня мысль.

– Abandon all hope, ye who enter here, – продекламировал идущий рядом Михаил Фёдорович и добавил с напускной бравадой. – Не дрейфь, парень! Мы ещё проверим: жаркие ли угольки в этом аду!

Внутри лагеря нас выстроили на «Невском проспекте» – начинавшемся прямо от ворот широком, зачищенном от снега до досок проходе между бараками.

На смотрины к уставшему, голодному и растрёпанному этапу со всех щелей потянулись надсмотрщики-капо, скоро их набралось десятка три. С палками-дрынами в руках, в самой разнообразной одежде, они имели только один отличительный признак правящего класса – клочок ленты малинового цвета на шапке или в петлицах. Буквально каждый из них изощрялся перед коллегами в лужёности глотки и грязи мата.

Кульминация не заставила себя долго ждать. Вдруг сразу несколько бешенных церберов, явно пародируя белогвардейские порядки, приложили руки к шапкам, вытянулись и заорали исступлёнными голосами:

– Смирно! Товарищ командир!

Во всей красе чекисткой чёрной кожи, но со стеклом в руке к нам шефствовал вожак, не к ночи помянутый товарищ Курилко, один из всего лишь трёх – как я потом узнал – «вольных» управляющих Соловков.

– Нах...я вы этот сброд сюда притащили? – заорал он на конвоиров, гримасничая, будто от острой боли в зубах. – Промуштровать нах...й, да чтоб дым валил из их ебн...х ушей!

Ответа от подчинённых, впрочем, он дожидаться не стал, а тут же перешёл к прямому руководству процессом.

– Воры – шаг вперёд! Проститутки – два шага вперёд!

[88] В 1927 году рядом с основным «лагерем» Кемперпункта были отстроены специальные карантинные бараки. По идее, через них должны были проходить все новоприбывшие, но в реальности данное правило соблюдалось далеко не всегда.

Спекулянты – три, попы – четыре! Контрики – пять! Кто второй раз на Соловках – шаг в сторону[89]!

Свитские немедленно развили инициативу начальства: резким голосом, кипящая непонятной злобой, они принялись обучать нашу пёструю толпу военному строю, пересыпая команды потоками ругани шпанского образца.

Дико было видеть, как священники в рясах, престарелые монахи или почтенные люди науки наравне с крестьянами вертятся в строю сотни раз направо-налево и кричат идиотское «здра!» под команды и зуботычины горланов-изуверов.

Об ослабевших или осмеливавшихся роптать товарищ Курилко, так и не доверивший сложнейший процесс воспитания подчинённым, заботился лично и с удовольствием.

– Этого – в карцер на...уй. Чтоб с поддувалом[90]!.. А ну встать, с...ка! Живо на Луну без шмоток полетишь[91]!.. Тащите на валун сволочь! Будет стоять до отбоя!..

Только часа через четыре куда-то увели урок и бл...дей, остатки же этапа запихнули в ближайший барак.

Но вместо дезинфекции, карантина и хоть какого-то отдыха мы попали... Под натуральный обстрел вшами.

Полуголая шпана куражилась с огоньком, со всех сторон летели злые шутки, подначки, толчки и удары. Растерявшихся мгновенно лишали вещей, а то – и частей одежды. Конвой, уже не солдаты, а местные надсмотрщики, ржал снаружи.

Выждав четверть часа, нас вывели обратно на мороз и погнали заполнять глупые анкеты.

Канцелярист-делопут, хоть сам из каторжников, со старательной издёвкой тянул время с помощью кустарных чернил – он понемногу выковыривал из химического карандаша кусочки грифеля, растирал их между голышами и засыпал в чернильницу с оббитыми гранями, попутно добавляя по нескольку капель кипятка.

[89] Из мемуаров Петра Якира.

[90] На Поповом острове были устроены особые карцеры, построенные из досок и никогда не отапливаемые. Для большего холода там открывали окно. Иногда заключённого раздевали догола, зимой это означало верную смерть.

[91] В данном контексте означает расстрел.

Сразу после забавы с бумажками выяснилось, что торопиться с оформлением на самом-то деле категорически не стоило, а нелестные эпитеты в адрес садиста-делопюта – глупое лагерное невежество. Весь этап погнали бегом к заводу-лесопилке перетаскивать брёвна из штабеля на производство поближе к пилораме под ругань десятника: «Кубики! Кубики давай, контра!». Здоровые и больные, старые и молодые – тут различий нет, работай до изнеможения.

Самое трудное – носить...

Кряжи под два метра длиной, толщиной в 20-30 сантиметров, принято таскать в одиночку. Свежая древесина точно налита свинцом, с земли на плечо его просто не поднять, помогают другие каторжане, кто послабее.

С непривычки кажется: ещё одна пробежка – и всё, упасть-умереть-заснуть. Но постепенно возвращённые на спортивных тренажёрах 21-го века мышцы очнулись от тюремной спячки, и стало заметно легче. Сменить антураж, одежду, добавить хорошей белковой еды – и всё будет как на лыжне, когда бегущий рядом тренер бодрит перед уходом на следующий круг: «А ну, лодырь, работай давай, всего пять секунд везёшь! Терпи Лёшка, держи темп!»...

Тем не менее, спустившуюся на лагерь темноту даже я принял как избавление, последние часы молодым и сильным пришлось вытягивать работу «за себя и за того парня», то есть – за старого попа, не отпускающего руку от сердца полковника или жирдяя-бухгалтера. Попробуй откажись – спрос идёт со всего десятка, и надсмотрщик прекрасно понимает: с кого ещё можно чего-то требовать, а кого – дешевле оставить в покое. Откровенно живодёрская логика в перспективе нескольких месяцев, потому как обед из варёва на заплесневелых тресковых головах и горсти просяной каши со следами подсолнечного масла наглядно показал: никто не даст мне ни одной лишней ложки за большую работу.

Увы – крепким и сильным! Лагерь живёт одним днём, результат нужен исключительно «здесь и сейчас». «Завтра» может не случиться вообще.

Собственно, пайка хоть и отвратительна, но не так и скудна, протянуть на ней до весны и открытия навигации на Соловки

можно без катастрофического ущерба здоровью. Однако карьера работяги-коня из оруэлловского «Скотного двора» почему-то меня не вдохновила. И главное, на проклятых островах – тоже не санаторий с усиленным питанием. Скорее уж – наоборот. Прав – ей-ей, как же был прав Князь Гвидон! – когда настойчиво предостерегал меня от общих работ.

Жилой барак, в который распределили меня для поселения, не поражал воображения. Можно сказать – то же самое, что и вагон, только вход не с торца, а через коридорчик-тамбур посередине, да ещё раз в пять длиннее, вдвое шире, а сплошные, полные людей нары тянутся не в три, а в два ряда[92]. Несмотря на мороз, дверь распахнута настежь, однако дышать совершенно нечем. Тошнотворное амбре застарелого пота, гниющих ран и мозолей, кислых, волглых тряпок, вонь от полупереваренной трески, мерзкий махорочный дым... Всё смешалось в липкий туман, сквозь который с трудом пробивался свет пары слабеньких электрических лампочек. Последнее достижение цивилизации пользуется немалой популярностью, вокруг толпятся голые ээка с бельём в руках – не иначе, выискивают вшей, чтобы кинуть их в горящий зев железной бочки-печки.

Удивительное дело, но местные начальники вплоть до командира барака, или как тут принято говорить – роты, далеко от коллектива не отрываются. Спят себе в торце, щелеватая перегородка из горбыля да без двери – вот вся их защита от мести арестантов, которых они всего лишь час назад подгоняли более чем реальными угрозами.

– Издевались ещё, сволочи проклятые, к вшивкам засунули! – чуть слышно пробормотал я сквозь стиснутые зубы.

На секунду представил себе возмездие в виде банки отборных паразитов, незаметно закинутой в «командирское отделение», и с недоумением понял, что данный «жестокий» теракт ничуть не умнее или серьёзнее подкладывания кнопки на стул к учительнице.

Иначе говоря: то, что недавно казалось мне смертельной

[92] Интересно, что сплошные нары были запрещены ещё в 1919 г. из-за быстрого распространения инфекций. Что не мешало им массово существовать до середины 50-х годов.

обидой, невыносимым надругательством над скудными арестантскими правами – по местным понятиям тянет лишь на безобидную шутку с новичками.

А свирепые надсмотрщики – суть заложники заведённой сверху системы. Сумевшие встроиться в чекистскую вертикаль изворотливые добряки-циники или до бесчеловечности злые твари, реально готовые убивать за любую мелочь...

Но при этом всё равно свои, родные!

Почему?

Как произошла метаморфоза?

Досель, на Шпалерке ситуация выглядела предельно просто.

Есть мы – есть они. С одной стороны решётки – надзиратели и чекисты, с противоположной – их жертвы, попавшие в жернова следствия за какую-нибудь чепуху, а то и совсем случайно...

Сбивая мысли, над лагерем забился нервный дребезг рынды – подвешенного на цепи куска рельса.

Тут же усталое бормотание барака нарушилось диким рёвом:

– На поверку становись! – иступлённо вопил выскочивший в середину командир роты.

Бедные мои барабанные перепонки!

С нар нехотя полезли арестанты. Никто не торопился, не иначе старожилы привыкли к накачке децибелами до полной нечувствительности.

– Кого, бл...ть, специально просить надо? Выгоню к х...ям снег жрать, вши тифозные! – начальник не скупился на посулы для поднадзорного стада. – Пасть, бл...ть, захлопнули! Улыбочку на морды, бл...ди, и стоять смирно, раз попали в лагерь особого, бл...ть, назначения! – и особо выделил высоким, едва не сорвавшимся на сип голосом. – Невиновных тут, бл...ть, нет!

Где-то я это уже слышал...

Ведь это Высоцкий те же слова рывкнул в «Месте встречи» от имени Глеба Жеглова!

Великий артист сделал всё так мощно и убедительно, что я не раз вспоминал фильм в тюрьме, надеялся, дурак, что

«там» во всём разберутся и обязательно выпустят меня на волю, как выпустили ложно обвинённого в убийстве старого микробиолога[93].

Весь сюжет фильма вдруг перетряхнулся в моей голове. Блестящий ум, бескорыстие и отчаянная смелость – всё это безусловно важно, но... Но совершенно недостаточно для настоящего человека.

– Глебушка, а ведь ты бы тут к месту пришёлся! – пробормотал я про себя.

Ведь не кто иной, а именно Жеглов по существу является тем самым сталинским палачом. Для него не существует ценности человеческой жизни, свободы, переживаний.

Да что там...

Совсем скоро на СССР накатит волна чудовищных репрессий, где именно Жегловы отличатся неслыханными злоупотреблениями!

Всякое отсутствие моральных сомнений делает таких страшным орудием в руках обезумевших вождей[94].

Нет невинных...

Какая сволочь вознесла эту глупость в ранг безусловной аксиомы?!

Да тут едва ли не все – от последних беспризорников, до высших иерархов церкви! – сосланы внесудебным порядком! То есть постановлением коллегии или совещания при ОГПУ, местной тройки по борьбе с контрреволюцией, или прочим особым порядком.

Хорошо смотреть в кино, как благородный мент хватается в трамвае или на малине щипачей, катал, дешёвых хипесниц, затем на основании подозрений как «социально опасным» выписывает им 49-ю статью старого УК.

Попробуй, поспорь с «правильным» правилом – «вор должен сидеть в тюрьме!» – ведь добропорядочным гражданам нужно лишь радоваться быстрому и достаточно не дорогому способу избавить общество от грязи...

[93] Имеется в виду роль Ильи Сергеевича Груздева, которого обвиняли в убийстве жены.

[94] Практически дословная цитата Георгия Вайнера, со-автора романа «Эра милосердия», по которому и был снят фильм «Место встречи изменить нельзя».

Вот только откуда в Шпалерке и на Соловках столько священников, учёных, студентов, офицеров?

Почему это стало нормой в Советской республике?

Хотя зачем задавать самому себе глупые вопросы: там, где нет справедливых судов – нет и государства. Вместо них – мафия, или – что ещё хуже! – правоохранители в законе, для которых на самом деле нет невиновных!

Ругал под водочку секретаря партячейки?

Занимаешь шикарную квартиру?

Десять лет назад воевал в белой армии, получив амнистию?

Не справился с повышенными обязательствами к Первомаю?

Жена красавица?

Загубил по безграмотности импортный станок в попытке вытянуть безумный план?

Обещал по пьяни вырыть тоннель из Ленинграда в Москву и заложить бомбу под Мавзолей?

Да какая разница!

Для таких, как Жеглов, всё годится – даже оруэлловское мыслепреступление, лишь бы шло в строку с личным чувством справедливости.

Меня, как новенького, старожилы-каторжане уже десяток раз успели спросить: «Что слышно в Петрограде об изменении уголовного кодекса?».

С ума можно сойти...

Это не основная, а реально единственная тема, которая интересует людей, осуждённых без суда, одним желанием гэпэушного клерка в чине младшего офицера!

Смешно, аж плакать хочется...

Как, ну как может изменить положение зэка новая комбинация букв на бумаге?

Однако прямо тут, сейчас, грязная, обросшая бородами и паразитами без вины виноватая толпа искренне принимает шулерскую игру!

Почему люди не осознают, что тем самым они соглашаются считать себя реальными преступниками, но уже перед законами государства, а не прихотью мелких винтиков в машине ГПУ?

Что это?

Некая психическая болезнь – лагерная форма «Стокгольмского синдрома»?

Дьявольская самозащита сознания, отказывающегося терпеть дикие лишения «совсем ни за что»?

Или всё же вбитая глубоко в подкорку идея самопожертвования ради великой цели?

Как там в непонятно рифмованном, но запавшем в память стихотворении ещё живого и успешного Багрицкого?

«Мы – ржавые листья на ржавых дубах...

Чуть ветер, чуть север – и мы облетаем.

Чей путь мы собою теперь устилаем?

Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?».[95]

По странной прихоти воображения в моей голове закружились совершенно неподходящие к ситуации образы полуголых папуасов, выплетающие из веток модели самолётов и гарнитуры раций – в попытках привлечь с неба крылатые машины «белых людей» с вкусной едой и бусами.

Казалось, я вплотную подошёл к решению главной головоломки советской истории, но...

Проверка ворвалась неожиданно и удивительно нелепо в виде нескольких человек в заношенных кожанках, разнокалиберных фуражках, с дубинками вместо шашек и шпорами, звенящими на каждом шаге.

Дежурный по роте подскочил с рапортом, вместе они пересчитали ряды.

После очередной порции мата – долгожданный отбой на узенькой полоске дощатых нар[96].

Через несколько минут барак спал. Переплетясь сто лет немытыми телами, на боку – иначе, нет места – задыхаясь от духоты и вони, со стенами и вскриками, каторжане получали свой «законный» отдых...

[95] Стихотворение «От чёрного хлеба и верной жены» Эдуарда Багрицкого было опубликовано в 1926 году.

[96] Как правило, площадь использовалась из расчёта 0,4-0,6 квадратных метров на человека. Только в 60-х годах норма поднялась до 1,5 квадратных метров. Современная норма (по ИТК-70) не менее 2-х квадратных метров на человека.

Проснулся я от хлёткого удара по рёбрам. Не разобравшись толком, вылез в проход в готовности защищать авто-ритет и шмотки, но наткнулся только на безобидного с виду парня в клоунских ботинках – футбольных бутсах? – из отсутствующих носков которых торчали подобия гигантских груш, набитых бумагой. Пока я продирал глаза, он неторопливо прохромал мимо с безразличным видом.

«Если не он, то кто?» – спросил я себя, потирая бок. Заглянул под нары и тут же ответил. – «Чёртовы доски!».

Наброшенный кое-как на каркас горбыль «играл» под шевелящейся людской массой самым непредсказуемым образом. Но это – полбеда, куда страшнее оказались вереницы клопов, ползающие тут и там, как муравьи по стволу полюбившегося дерева.

Сон сняло как рукой...

От вчерашней «ударной» работы мышцы ломило, как на первое утро спортивных сборов, однако именно от усталости организм успел восстановиться. Сейчас бы хороший завтрак, эдак тысячи на полторы калорий, и можно опять на лыжню, пробежать километров тридцать до обеда.

От накативших воспоминаний я вскинул руки вверх и с наслаждением потянулся.

Сколько сейчас времени, чёрт возьми?

Вопрос далеко не праздный – часы в лагере относятся к строго запрещённым предметам. Говорят, по ним можно определить стороны света при побеге. Идея бредовая, с такой же точностью можно ориентироваться по солнцу или даже мху на пнях. Скорее, администрация таким образом борется с малейшей возможностью проявить собственную организованность в противовес заданному рындой и охраной ритму жизни.

Впрочем, сколько бы ни было, но топтаться без дела в проходе глупо – соседи не замедлят подумать «нехорошее».

Поэтому я не стал мешкать, а поплёлся вслед за разбудившим меня парнем.

Против ожиданий, входная дверь в барак оказалась заперта снаружи, зато в тамбуре стояла бадья для нечистот, в которую

одновременно справляли малую нужду двое каторжан. Один из них, судя по всему из соседней секции, ухмыльнулся в пародии на приветствие и, не отрываясь от процесса, подвинулся чуть в сторону – освобождая место ещё и для меня.

Ох, где же ты – комфортабельная, щадящая интеллигентское самолюбие Шпалерка!

– Долго ещё дрыхнуть можно? – спросил я, пытаюсь отвлечься от миазмов булькающей жижи.

– Мало, – лениво отозвался обладатель клоунских ботинок.

Оправившись, он перешёл к короткому ряду умывальников с жестяными сосками – плескать в лицо водой, я же заторопился следом в попытке вызнать побольше особенностей местной жизни.

– Посвятишь в местные расклады? – и посулил, не заметив особой заинтересованности. – Махры отсыплю.

– Годится, – заметно повеселел немногословный собеседник.

Ну ещё бы!..

Махорка – чуть ли не главная тюремная валюта. Невыносима жизнь курильщика, ведь за маленький пакетик, эквивалент трёх-четырёх пачек сигарет, можно легко отдать крепкие ботинки.

Мне же, как жертве пропаганды здорового образа жизни 21-го века, не приходилось заботиться о сей пагубной привычке. Более того, в Шпалерке удалось немного отложить на будущее с обмена на пророщенные пшеничные зёрна. Теперь пришла пора тратить стратегический запас.

Добрая щепотка табака прекрасно развязала язык соседа по нарам. По результатам подробного ликбеза – «кто есть кто из командиров» и «где легко работать, а где совсем пропадать» – новости получилось ровно две.

Хорошая – в лагере действительно можно жить припеваючи и бояться только эпидемии[97].

Плохая – можно-то можно, но только не мне.

Причина фундаментальна и зрима: на глубоко

[97] К примеру, во время сыпнотифозной эпидемии 1926-27 гг. вымерло больше половины заключённых Соловков и близлежащих лагерей, т. е. около 10 000 человек.

капиталистический базис лагерного быта большевики напялили – примерно, как сову на глобус – социалистическую, а проще говоря, бандитскую идею.

То есть покупается тут буквально всё. За наличные рубли можно хоть каждый день отовариваться в коммерческой лавке, в том числе и деликатесами: там не переводится вино, конфеты, сыр, сало и ветчина, а в сезон – свежие овощи, фрукты, даже арбузы. Специальная кустарно-художественная мастерская снабжает каторжан скобяной и бытовой мелочёвкой. На самих же проклятых островах прекрасно работает ресторан, в котором играет оркестр, а девушки-официантки из женбарака принимают заказы на шампанское с икрой. Спать на общих нарах и вкалывать до усрачки на лесоповале тоже не обязательно – для солидных господ достаточно тёплых местечек в администрации.

А если денег реально много – причём не в Советской республике, где их можно легко конфисковать, а где-нибудь у любящих родственников в Париже – гуляй себе в шубе на лисьем меху с бобровыми воротником, катайся на лодке с оркестром по знаменитым Соловецким озёрам и каналам. Или работай в своё удовольствие в биосаде, как это делает, к примеру, какой-то бразильский плантатор с любимой княжной-женой.

Последний случай, кстати сказать, проходит как главная Соловецкая достопримечательность. Эдакий побег из Шоушенка наоборот – дипломатический паспорт не спас пылкого кабальеро в Петрограде, когда он решил найти мать супруги, не успевшую вовремя сбежать от диктатуры пролетариата.

Зато на Соловках песо-реалы помогают жить в отдельной тёплой келье, да наблюдать за экзотическими зверушками, спокойно попивая кофе в романтических белых штанах и широкополой шляпе[98].

Собственно, в подобной гяпэушно-рыночной идее исправительного труда есть только одна отличная от нормальной жизни черта – работа каторжников полностью бесплатна.

Ходят слухи, что на карманные расходы занятых на

[98] История бразильского консула в Каире сеньора Виоляро и его жены, урождённой княжны Чавчавадзе, изложена в художественной переработке со слов Б. Ширяева.

тяжёлых работах зэка Москва отпускает аж тридцать пять копеек в день[99], однако эти гроши до Кемперпункта не доходят, расходятся в Москве.

Таким образом, единственным источником ассигнаций являются посылки с воли, которые, по старой имперской традиции, доходят сюда даже из-за границы и выдаются хоть с жёстким досмотром, но честно и без изъятий.

Удастся ли существовать в лагере по-социалистически? То есть ломать хребет и прочие части организма совсем без денег, но за жратву и койку?

Прикинуть не сложно...

Местную еду условно можно разделить на гарантированные «наркомовские»[100] и «котёл».

Первое – в основном хлеб лагерной пекарни, его выдают в рабочих ротах по полтора фунта в день, иначе говоря – по шестьсот грамм. Изящные формовые булки остались в столичном прошлом, тут в ходу бесформенные отрезки гигантских, плохо пропечённых караваев, хотя суть от этого меняется слабо. В довесок идёт несколько чайных ложек жидкого сахара, тюлений жир, чай. На лесоповале норма вырастает до трёх фунтов, у штрафников, соответственно, снижается до фунта. Горячее котловое питание положено два раза в день, на него выделяются крупы, овощи, рыба и мясо.

Гм...

Тресковые головы в баланде я уже встречал, так вот, оказываются – ещё бывают селёдочные. Мясо же, как мне рассказал сосед, увидеть можно только на тяжёлых работах, и то – далеко не везде.

Если смотреть на цифры из тёплого начальственного кресла – вроде как выжить можно, благо на центростремительных работают исключительно священники, а они тут – в отличие от 21-го века – в воровстве и аферах не замечены. Однако на практике – любая неприятность ставит зэка, не обеспеченного посылками с воли, буквально на край вечно развернутой братской могилы.

[99] Денежные премии специальными «бонами» начались после 1929 года.

[100] Термин «наркомовские», «наркомовская пайка», «гарантийка» в 20-х означал ежедневную гарантированную порцию хлеба.

Малейшая травма, болезнь, любая неспособность работать в лошадином темпе десять-двенадцать часов в сутки – получи на день лишь фунт хлеба, да обходишься без вечерней баланды и каши. Или тривиальная кража выданного на пять дней пайка – обычное дело даже при хорошем дневальном. Износ, потеря, воровство одежды – результат ничуть не лучше, потому как обмундирование выдают исключительно на тяжёлых работах.

Блатной закон не знает сострадания: проиграл – плати.

Не имеет пощады и ГПУ: остался голый – мёрзни; лишился хлеба – голодай; ослабел – умри.

Можно ли как-то обмануть фундаментально недостаточную систему?

Безусловно – есть же священный блат!

Оказывается, общие бараки и физическая работа – в основном удел бытовиков, мещан, рабочих, крестьян и даже мелкой шпаны.

Тогда как контрреволюционеры из бывших чиновников, директоров или учёных, сумевших выжить в неразберихе этапа и первых недель пересылки, реально руководят всеми службами, конторами и производствами.

Надсмотрщики попросту опасаются [101] каэров!

К примеру, если у последнего из сучкорубов на носу очки, а словарный запас говорит как минимум о гимназии – его никто не тронет и пальцем, лучше пристрелят или дадут спокойно замёрзнуть.

Логiku понять не сложно – сегодня это бесполезный и бесильный старик, а завтра – он встретит приятеля из университета, начальника из наркомата, и...

Внезапно окажется чуть ли не в самом верху лагерной иерархии.

Таким образом, достаточно найти успешного хорошо устроиться коллегу, одноклассника, соседа, друга семьи, и мне обеспечено тёплое местечко табельщика или счетовода. Кормёжка будет хоть из стандартного пайка, но – что принципиально важно! – из отдельного котла, работа лёгкая, в тепле и без надрывной траты калорий.

[101] Первые массовые расстрелы каэров в Кемперпункте и на Соловках произошли зимой 1929-1930 годов, после смены администрации.

Заболеешь – свои прикроют, достанут, украдут необходимое – ссудят или подарят.

Очень жаль что все, кого я знал, остались чуть не в сотне лет «впереди».

Наряды среди новеньких распределяли с фантазией...

Для начала рукраб устроил открытый аукцион, и первым предметом торга стала «вечная» халтура по доставке воды из Кеми на Попов остров посредством пары телег с цистернами. Работа вёдрами, пусть даже на морозе – это тебе не баланы из болота тягать, да ещё постоянно «за колючкой», в дороге, значит, можно брать мелкие поручения. Такую возможность надо ценить! И лот ушёл на троих, в складчину, всего за сто пятьдесят рублей.

Второй бид[102] судьба не иначе как создавала для меня – помощник электромонтёра! Я, было, попробовал биться, уговорившись занять у Михаила Фёдоровича его последние два червонца, да куда там – какой-то бывший офицеришко сумел выложить за уникальное местечко восемьдесят пять целковых.

Последними, уже без торга, в продажу пошли выходные дни – всего-то по три рубля, семидневка с хорошей скидкой за опт, то есть – по червонцу.

Впахивать на лесоповале предлагалось уже совершенно бесплатно. Хотя, после короткого рекламного рассказа о повышенном пайке, новых тёплых бараках на лесных командировках и шансе после начала навигации остаться на материке, желающих попасть «на тяжёлые» оказалось заметно больше, чем требовалось. Отбирали только сильных, молодых да с короткими сроками. Надеюсь, кому-то из них повезёт, и обещания окажутся правдой, тогда как от обладателя клоунских ботинок я уже знал, что такое, конечно, бывает... Но очень редко. В первые же три месяца[103] большинство просто перегорит на невыносимо тяжёлой работе, помёрзнет в щелеватых,

[102] Цена спроса, наивысшая цена покупателя, по которой он согласен купить валюту, ценные бумаги и т. п. активы.

[103] Основателю ГУЛАГ Френкелю лагерная молва приписывает фразу: «От зеков нужно забрать всё в первые три месяца, а потом они уже не нужны».

сляпанных на скорую руку сараях, и будет выкинуто начальниками как бесполезный мусор на Соловки, доживать в слабосилке до следующей смертельной зимы.

Следующая вакансия в исполнении кривляющегося распорядителя бала звучала диковато:

– Мусор таскать! Лошадь и помощника предоставляет администрация!

Не знаю точно, почему я сделал шаг вперёд, не убоявшись откровенно подлой работы. Возможно, выстрелила давно лелеемая ассоциативная цепочка: лошадь – конский волос – лиска – рыбалка – побег. Но скорее, я подсознательно понял – список реальных задач на сегодня и ближайшее будущее фактически завершён.

В такой ситуации не распределённый по нормальным местам интеллигентский балласт – пусть пока ещё достаточно импозантный и сытый на вид – однозначно и бесповоротно превращается в группу риска.

Не зря сосед особо предупреждал о «приучении к свободному труду»...

Зимой, когда делать нечего, на выручку организаторам каторги идут специально изобретённые издевательства, такие как: перемещение штабелей брёвен и досок с места на место или вычерпывание моря вёдрами.

Лишние люди, по сути, соответствующее – питание и отношение.

Между тем рукраб посмотрел на меня странно-оценивающе, но возражать не стал, только пробормотал:

– Хиловат, но, поди, не сдохнет до весны... – и уже в полный голос гаркнул. – Чё вылупился, как срака? Назвался, быстро!

«Во что я только ввязался!», – мелькнула в моей голове паническая мысль, но отступать поздно. – Обухов! – отрапортовал я и поспешно попятился назад, в злорадно улыбающийся чужой беде строй.

– Кто ещё безработный? Радуйтесь, сволочи, за...бетесь на благоустройстве! – подтвердил мои мысли нарядчик. – А ну, шаг вперёд! Слева направо, фамилия!

После краткой финишной переклички я ожидал окончания затянувшегося чуть не до обеда спектакля. Но нет, самую интересную часть организаторы приберегли напоследок:

распределение вакансий в женской части «дружного» каторжного коллектива, как минимум половину которого составляют подруги и подельщицы уголовников.

Хит сезона – домработница-кухарка для доблестных бойцов-красноармейцев[104]!

Потребность – двадцать человек!

Подвох – по многочисленным грязным намёкам – очевиден даже мне: главной обязанностью женщин станет отнюдь не приготовление еды, но самый тривиальный интим.

«Неужто силком в бл...ди загонять прямо тут будут?», – мелькнула обескураживающая мысль.

Подтверждая опасения, истошный крик бабского скандала взорвал угрюмую воркотню строя, но скоро я едва мог сдерживать удивление: получить ценную работу в должности проститутки не кинулись только старухи – всё равно не возьмут. В стороне осталась лишь жалкая кучка охреневших от прямоты посыла каэрок.

– Жизнь их уже снасильничала, солдатики не добьют, – тихо заметил мне в ухо Михаил Фёдорович. – Поверь, не страшно бытовать подобным образом после воровской малины или рабочего барака... Тепло и сытно. Ещё, глядишь, детишек приживут, да замуж выскочат.

Отбор затянулся без малого на час...

Охрана без всякого стеснения лапала кандидаток, впрочем, в стремлении попасть «в личные кухарки» они были и сами не прочь потрясти вислыми сиськами или толстой задницей в куче грязных тряпок. Надсмотрщики наперебой хвастались, демонстрируя изголодавшимся мужикам особо симпатичные и наименее потасканные жизнью экземпляры особей женского пола.

И надо сказать, что многим из каторжан процесс явно нравился: видать не прививают семейные бараки – где в порядке вещей трах...ться за ситцевой занавесочкой – особой стыдливости.

Меня же подобный первобытнообщинный эротизм скорее

[104] По воспоминаниям С. Мальсагова: «Солдаты настолько ленивы, что арестанткам приходится даже застилать их постели... Каждый чекист на Соловках одновременно имеет от трёх до пяти наложниц».

смешил – как чуть ли не первое развлечение за год заключения.

Наконец, всё закончилось, скороспелых подруг красноармейцев построили в короткую колонну и увели от – а вернее, для – греха прочь из лагеря. Остались лишь будущие прачки – иных вариантов местное штатное расписание на зиму не предусматривало...

Под самое закрытие утренней линейки пожаловал самолично товарищ Курилко со свитой.

С довольной мордой выслушал десяток «здра», прошёлся туда-обратно мимо строя, вглядываясь в лица и задумчиво похлопывая тонким стеклом по белому голенищу отороченных мехом шикарных бурок.

– Ты! – вдруг стек упёрся в грудь одной из «каэрок», досель старательно кутающей лицо в платок. – Выйти из строя! Как зовут? Громче!

– Татьяна, – в замершей толпе я с трудом смог расслышать тихий голос, принадлежащий совсем молодой девушке.

– Ба! Какая встреча! – обрадовался Курилко. – Мадемуазель Кавелина! Как же, помню, помню... И папашу твоего полковника тоже не забыл.

Кажущийся непропорционально огромным на фоне женщин, затянутый в кожу и ремни чекист шагнул вплотную к арестантке, поднял лицо пальцами за подбородок, взгляделся, хищным движением стянул назад платок.

По холодному ветру рассыпались рыжие волосы...

Девушка попробовала вырваться, и я на мгновение увидел её юное лицо с веснушками и глаза – огромные глаза, прямо как в аниме.

– А ты – ничего... Похорошела с тех пор, – сделал вывод начальник лагеря. – Эй, кто тут командует? Она со мной пойдёт, запиши!

– Нет! – девушка отчаянно забилась в руках Курилко. – Нет! Нет! Никогда в жизни!

– Да куда ты денешься, дурёха?! – он удивился, похоже, совершенно искренне.

Не веря в категоричность отказа, пригнулся ближе, не иначе – для поцелуя...

Ответом стала звонкая пощёчина.

– Ха-ха-ха! – залиvisto, но искусственно рассмеялся главвертухай, отшатываясь от арестантки. – Норовистая кобылка попалась!

Он полез в карман и вытащил сверкнувшую камнями и жёлтым металлом цепочку, растянул её в руках, примеряя.

– А как насчёт такой уздечки? – спросил вроде как ласково.

– Лучше смерть, чем лапы палача! – отрезала девушка и с мрачной решительностью потянула платок обратно на голову.

– Сдохнуть тут запросто... – зло процедил Курилко, пряча украшение. – В карцер? Нет, там ты и действительно сдохнешь к утру без толку. О! – он черкнул стеклом вниз по животу жертвы. – Да ты, милая, никак к побегу готовишься? Точно! Произвести личный досмотр!

– Ох, бабоньки, какая дура... – раздался откуда-то из женского строя одинокий вскрик, в котором зависти слышалось куда больше, чем сочувствия.

Продолжить никто не успел, из-за спины чекиста подскочили сразу несколько помощников, и буквально через несколько секунд девушка стояла на снегу совершенно голая. До этого момента мало кто сочувствовал дерзкой мамзельке, но теперь...

Завистливый свист, тупой гогот, скабрёзные комментарии вдруг застыли в воздухе и упали на землю злым матом – колдовство красоты сберегло чистоту даже в такой куче грязи, как Кемперпункт.

– Прелесть-то, бл...ть, какая, – без изысков перекрестился один из соседей. – Жалко!

– Як на картинці, тільки краще, – вторил ему другой.

– Настоящая Дафна! – шумно выдохнул Михаил Фёдорович, видно, припомнив один из библейских сюжетов[105]. – Где же тот бог, что обратит её в ледяной лавр?!

– Ага, – подтвердил я невпопад, куда мне с российской средней школой супротив его гимназии. Добавил машинально. – «Pornotube»[106] отдыхает.

Девушка просто стояла, широко раскинув в стороны руки. Не кричала, не пыталась прикрыться или поднять скинутую одежду. Только лишь стояла и с лёгкой улыбкой смотрела своими огромными глазами чуть поверх наших голов куда-то в сторону Белого моря, и студёный ветер играл с её волосами.

Тут я впервые осознал даже не разумом, а всеми чувствами – от обоняния до вожделения – силу и смертельную опасность «Соловецкой власти». Накатил ужас от сопричастного бессилия: ведь даже если Курилко начнёт отстреливать по одной оставшихся каэрок – сотня озверевших каторжан не бросится разрывать на куски сявок, охрану и самого начальника. Они и я – все как один – до последнего будем держаться

[105] ГГ ошибается. Имеется в виду скульптура Бернини «Аполлон и Дафна», на которой запечатлён античный сюжет погони Аполлона за стремящейся соблюсти целомудрие нимфой по имени Дафна. В момент, когда бог света настиг свою жертву, боги превратили Дафну в лавровое дерево.

[106] Сайт интернета порнографического направления.

трусливого ожидания, надежды, что именно вот этот удар смоленской палки[107] или пули будет последним. Будем покорно думать, что бунт зимой может кончиться лишь гибелью всех участников, да и вообще, Татьяна сама виновата – могла бы обойтись без глупой провокации. В конце концов, её ждала не самая страшная участь, наоборот, сохранила бы и жизнь, и здоровье... От бабы не убудет!

Минута текла за минутой, всё ярче белела на морозе кожа девушки, и с губ Курилко так же неторопливо и плавно сползала глумливая улыбка. Её место сменяла растерянность.

До распорядителя жизни и смерти Кемперпункта начало доходить: это не он унижает девушку – это Татьяна показывает ему настоящее место. Она оказалась сильнее, она доказала это ему и нам да так, что её убийство стало бы пусть крохотной, но всё же легендой.

Надо признать, начальник лагеря показал себя не конечным идиотом – он всё понял и... Сдался. Махнул рукой, что-то пробормотал про безмозглых баб и побрёл прочь от позора крупными шагами.

Но я как будто живую читал его мысли!

Ох, как он проклинал себя за устроенный театр. Не учёл, что на миру и смерть красна. Нет бы всё сделать ночью, подло, под покровом темноты. Скрутить, оттр...хать, избить, изломать, стереть эту улыбку непереносимой болью – ведь в мире нет людей, которые способны терпеть боль бесконечно. Теперь уже не выйдет, только сделать вид, что забыл, и реально забыть своё унижение, да не вспоминать, чтоб не вспомнили другие.

А эту сучку...

Растереть в пыль!

Обязательно, но потом, чужими руками.

Случая не придётся ждать долго...

Но здесь и сейчас – девушка победила. Её, закутанную в обрывки вещей, товарки уже тащили в барак мимо ошеломлённых надсмотрщиков.

Мир перевернулся в моей голове!

[107] Палки-дубинки надсмотрщиков получили название «смоленских» по фамилии польского коммуниста Смоленского, который ввёл их в обиход сперва в Архангельске, а потом и на Соловках.

Как я был слеп в попытках осторожно использовать знание!
Боялся сделать хуже, идиот!

Весь мой поиск оптимального пути – не более чем интеллигентский идиотизм или, говоря проще – несусветная глупость.

– Не навредить... – всхлипнул я, возможно даже вслух.

Гнойную гангрену гяпэушного беззакония уже поздно лечить холодным компрессом. «Господь, жги!», – вот что должно отныне стать моим девизом. Хватит рефлексировать на размер эксклюзивной пайки, недостойно изобретать гнилое оправдание «...не убудет». Нужно бить, как только что показала девушка. То есть – по морде и чем придётся, не думая о последствиях. Хуже не будет, потому что хуже уже невозможно!

И пусть это будет смыслом мести. Моей мести...

– За Таню! – крикнул я.

Но на самом деле что-то невнятно просипел, сползая на утоптаный снег плаца...

Привели в чувство меня быстро, пара плюх, твёрдая рука соседа – и я опять в строю. Но окончательно в себя я пришёл только перед миской с обеденной баландой.

Тут меня догнал второй удар – купили Михаила Фёдоровича, моего единственного надёжного товарища. За деньги, совсем как крепостного или каторжанина на Ямайке во времена капитана Блада. По запросу рыбного треста из Мурманска, которому вдруг понадобились ценные специалисты.

Оказывается, работорговля по меркам СССР – вполне респектабельный бизнес. Работника из столицы заманить на вакансию в «тмутаракань» сложно и дорого, куда проще обратиться в ГПУ. Там хоть в розницу – а то и оптом – подберут нужных советских рабов, обязанных трудиться где скажут, сколько скажут, да ещё отдавать три четверти своего невеликого заработка за собственную охрану. Более того, если кому требуется редкая специальность – не проблема! – спеца найдут на воле, арестуют, состряпают дело и в лучшем виде отправят заказчику. Сервис!

Одно лишь радует: для Михаила Фёдоровича «отдача в хорошие руки» – настоящее спасение. Работать на воле – значит

жить в комнате более-менее нормальной общаги, а то – и в снятом углу избы, по-человечески ходить на работу в контору и даже получать хвостик зарплаты, которого с лихвой хватит на питание получше лагерного.

Никогда бы не подумал, что буду искренне поздравлять товарища с его собственной продажей, но... Вот пришлось.

* * *

– Туум! Туум! Туум! – глухо бил мой лом в мёрзлый монолит.

– Господь с тобой, охолони, покуда мелочь отгребу, – наконец остановил меня Авдеич.

Он засовывал в разломанное крошево едва прикрытые самодельными рукавицами руки, потому что полноценно орудовать лопатой у него давно не было сил.

– Валяй, – охотно согласился я, плюхнувшись чуть поодаль на заботливо подвязанный к седалищу кусок фанеры с войлочной подкладкой.

Местные уголовники обходятся отдыхом на корточках, но мои суставы явно устроены по-другому[108]: минут пять в позе гопника – и наваливается дикая боль, хоть криком кричи. Так что инновация – не от хорошей жизни: в царстве мороза, камней и снега проще таскать с собой лишнюю тяжесть, чем мучиться в поисках места, куда можно примоститься без риска для здоровья или добавки срока.

А тут, надо сказать, не мелочатся – за простое сидение на санях накидывают целый год! Лишний груз в виде зэка лошадке тянуть никак нельзя, а надзиратель – далеко, недосуг ему разбираться: работает коняга или просто стоит в оглоблях. Животину положено беречь, а до людей никому нет дела...

Между тем сороковой день от моего прибытия в Кемперпункт тянулся к обеду. По местным поверьям – немалый этап в жизни новичка, благополучно перевалив который можно строить хоть какие-то планы на будущее.

Впору подводить итоги и мне...

[108] Интересно, что приверженность к такой позе действительно влияет на строение костей голеностопного сустава.

Работа, на которую я умудрился подписаться, на первый взгляд выглядела просто: мусор в лагере принято выкидывать в сколоченные из досок, а затем густо белёные известью пирамидки без верхушки и дна примерно два на два метра в основании. Такие несложно поднять вверх, отставить в сторону, содержимое же собрать в сани или телегу да вывезти прочь, в лесной овраг. В меру тяжёлая задача для двоих зимой – смёрзшуюся массу ТБО нужно разбивать на подъёмные куски. Лёгкая, но крайне пахучая халтурка – летом. Впрочем, меня, как сосланного на Соловки транзитника, последнее ни грамма не волновало.

Однако жестокая подстава всё же имела место: Авдеич медленно умирал, в попытках же его спасти внешне жестокий – а на поверку неожиданно жалостливый? – рукраб не придумал ничего лучшего, как раз в месяц или два подбирать ему в помощники свежего дурака типа меня, достаточно сильного и непременно сентиментального каэра.

Надо признать – его расчёт оправдался: узнав историю напарника, я не смог отказаться, поэтому потянул лямку за нас обоих. Так что все тяжёлые задачи, а именно: ломовая долбёжка и затаскивание крупных кусков в установленный на полость короб легли на мой хребет.

Но по-другому поступить с тридцативосьмилетним преподавателем математики из Минска я не мог...

Жизнь Авдеича сломалась внезапно и жестоко даже по местным далёким от гуманизма временам. Его брату-микробиологу, месяцами не вылезавшему из лаборатории, родственники из Польши по доброте душевной прислали в подарок на день рождения микроскоп. Увы, страшно опасный для существования СССР прибор не прошёл мимо бдительных чекистов. Брата споро расстреляли за шпионаж, Авдеича с восемнадцатилетней дочкой отправили на три года перевоспитываться в Кемь, жену – в Вишеру.

Поначалу бывший математик устроился сносно – счетоводом на лесной командировке, километрах в двадцати от Попова острова. Хоть приходилось не вылезать сутками из-за стола, зато – в тепле.

Дочка же попала в прачки, но долго просуществовать в аду Кемперпункта не смогла – слегла от дизентерии.

Её коллеги – скорее всего, воровки или проститутки – совершили маленький подвиг: рискнули передать весточку Авдеичу.

Он, разумеется, кинулся к начальнику, молил отпустить хоть на день помочь или хоть попрощаться, но получил чудовищный ответ: «Не позволю из-за всякой бл...ди социалистическую отчётность срывать!».

Что оставалось делать?

Несчастный отец ушёл, просто так, во мглу и холодный весенний дождь. Провидение хранило, не дало заплутать, отвели патрули, но оказалось бессильно перед потерявшими человеческий облик скотами...

Арестовали Авдеича прямо у дверей покойницы, даже не позволили в последний раз посмотреть на дочь. Лупасили свирепо: оборвали ухо, выбили глаз, сломали несколько рёбер и разможили ступню. Потом, как в насмешку, подлечили, добавили к оставшемуся году ещё пять, заодно «порадовали» гибелью жены.

Так он потерял всё дорогое, что у него только было на свете...

От пережитого мой напарник малость повредился рассудком, что совсем не удивительно, и теперь находился в странном состоянии полужизни. Общаясь про себя то с богом, то с дьяволом, он медленно угасал – от самого нежелания существовать в данном пространственно-временном континууме. При этом старательно насыщал свой организм в иррациональном желании любой ценой не быть обузой в работе, хотя частенько срывался, пытался подсунуть мне свой хлеб или сахар.

И то, и другое у него выходило одинаково плохо, но что-то изменить я был не в силах. Да и надеялся я – чего уж греха таить! – на свою хорошую физическую форму и лёгкую, но тёплую одежду.

Повод пожалеть о содеянном представился быстро...

Полупудовый лом вытягивал калории из организма, как авианосец – деньги из госбюджета, уже через неделю моей единственной всепоглощающей проблемой стало вечносущее чувство голода. Подмосковный батон являлся в воображение и захватывал все мысли днём; кошмары супермаркетных

фудкортов преследовали ночью; котлового довольствия категорически не хватало для восполнения энергозатрат организма.

Авдееч пытался выправить продуктовый кризис за счёт вытащенной из мусора дребедени. Окурки, огарки свечей, обноски, мятые кружки и впрямь имели ненулевую ценность, которой хватало на подачки раздатчикам. Дело хоть малое, но не лишнее – нам доставались куски хлеба посуше, черпак баланды с гущей, три положенные ложки каши выглядели как иные пять, а масло можно было различить без микроскопа.

Помогало ухищрения чудесно – примерно, как мёртвому припарки...

Ровно на десятый день я сорвался – сломленный недоеданием организм впал в сумрачное состояние и не вышел из оногo, пока не сожрал тройную норму из полученного на очередную пятидневку пайка.

Зато потом...

Трудно забыть охватившее меня липкое и тоскливое чувство сползания в бездну.

Вроде бы не сильно страшно, всего маленький шажочек, который можно отыграть назад толикой из заначенной махорки. Ещё есть сила и резвость в не сточенных дистрофией мышцах, лихорадочный блеск не затапливает глаза всякий раз при виде пищи. Кроме того, сейчас – после лихих расправ с контрой середины 20-х – в Кемперпункте именно от голода не умирают...

Каторжане, не сумевшие найти своё место в жизни, скользят в смертельную воронку медленно.

Сначала они выменивают на еду всю одежду и остаются в жалком рубище.

Затем переходят в разряд пеллагриков[109].

Далее – возможны варианты...

Во-первых, относительно безболезненно околеть, присев ненадолго передохнуть за штабелем брёвен.

[109] Пеллагра – один из авитаминозов, который является следствием длительного неполноценного питания, или «болезнь трёх Д» – диарея, дерматит, деменция. В англоязычной литературе иногда добавляют четвёртую «Д» – смерть, англ. Death.

Во-вторых заболеть чем-нибудь простым, но вполне надёжно сводящим в могилу, например – бронхитом[110].

И в-третьих, растянуть мучение на месяцы, а то и годы, довольствуясь фунтовым пайком и поиском объедков в мусоре.

Последнее – самое страшное...

Хорошо хоть мне с Авдеичем почти не приходится сталкиваться с «помоечниками» – они караулят «свеженькое», мы же разбираем полностью заполненные ящики. Но от неприятного соседства опасность самого крошечного шага по анизотропному шоссе истощения казалась ещё более нестерпимой.

Возможно, поэтому ночью мне вместо шкворчащего, сочащегося маслом круга украинских колбасок с большой кружки полевского «Жигулёвского» приснился тёмно-зелёный, почти бурый обрывок водоросли, проступивший на сколе куска льда. Привычное зрелище – занятые на общих работах арестанты таскают лёд к баракам – как будущую воду для умывания. Вот только в отличие от реальности, листок играл красками полиграфии на пирамиде консервных банок салата из морской капусты!

В сытом будущем я как-то польстился рекламой, превозносящей до небес богатство белков и микроэлементов в этом продукте. Купил, попробовал и тут же выкинул, с трудом сдержав тошноту.

Но здесь вам не там!

С самого раннего утра я занялся поиском «даров моря». Поначалу хотел заинтересовать кого-нибудь из начальников, но после пары бесед с соседями дело вышло до смешного простым. Оказалось, ламинария[111] добывается в Кеми, Соловках и вообще по всему побережью Белого моря вполне в

[110] На 57 000 человек населения лагерей (СЛОН) имелось всего лишь 28 врачей. За два квартала 1929/30 года переболело в стационарах 25 552 человека или 44,6 %. Умерло за те же полгода 3583 человека, 6,8 % от населения или 14 % стационарных больных... За 10 месяцев 1929/30 года отсеяно как непригодных к работе 25 % полноценной рабочей силы (ЦА ФСБ России. Исторический архив. 2005. № 5. С. 70–76).

[111] Архангельский комбинат по переработке ламинарии начал работать в 1918 году, как предприятие для производства йода на нужды медицинской промышленности.

промышленных объёмах, только не на еду, а для переработки в йод на заводике, специально устроенном в Архангельске в незапамятные времена.

Так как техпроцесс там построен на сжигании водорослей, то закупают их исключительно в сухом виде, вынуждая добытчиков строить простейшие навесы и развешивать под ними урожай, скошенный специальным тралом на глубине в пару-тройку метров.

Разумеется, администрация Кемперпункта не брезгует подобным заработком, и...

Заготовленные осенью, но не просохшие, а посему не сданные в заготконтору зелёные полотнища болтаются мёрзлыми космами за конюшней, что на задах лагеря! Приходи да отламывай сколько нравится, благо подобная убыль не заметна на фоне многих тонн малоценного полуфабриката.

Как лёгкая доступность мощнейшего антицинготного средства сочетается с огромным количеством больных этой самой цингой[112]?

Удивительная загадка...

Более того, мои кулинарные изыски никого из арестантов особо не заинтересовали. Лишь некоторые пробовали, кто-то плевался, иные – равнодушно пожимали плечами. Даже Авдеич не поддался на мои уговоры и не начал употреблять в еду «зелёную гадость».

Однако водоросли, добавленные в кашу в сыром, а лучше – варёном виде, оказались более-менее съедобными.[113]

По вкусу они отдалённо напоминали тушёную капусту или

[112] Антицинготные свойства ламинарии не были секретом, к примеру, директор «Института краеведения Мурмана» А. Барченко в 1920 году написал Троцкому письмо с просьбой выслать «тридцать тресковых бочек для закваски водорослей и решения проблемы цинги». Однако выдавать ламинарию в еду заключённым (причём едва ли не насильно) начали только в середине 30-х годов, возможно, «с подачи» выдающегося альголога Ксении Петровны Гемп.

[113] Особое свойство водорослей – давать чувство насыщенности, по-видимому, это не только субъективно, но и соответствует содержанию в водорослях белковых веществ». (Павел Флоренский, Соловки, 1936 год).

даже спаржу. Не уверен в их высокой калорийности, скорее, наоборот, однако про постоянное чувство голода я с тех пор практически забыл.

Между тем Авдеич наконец-то закончил перекидывать в сани мелкие куски мусора. По старчески кособочась и покряхтывая, он отряхнул, а потом снял рукавицы, и уже относительно чистыми руками аккуратно подтянул бахилы. Разумеется, не те полиэтиленовые подследники, что выдают в больницах 21-го века, а что-то типа суконных чулков с подошвой в виде верёвочного лаптя, предмет хоть и низкостатусный, но тёплый и лёгкий в починке.

– Сходим, поедим, или сперва загрузу до конца? – спросил я его, пытаясь по солнцу определить время.

Огромный, но не сразу очевидный плюс мусоровозной работы – относительная свобода.

Можно хоть как-то распланировать день, подстраиваясь только под обед и ужин.

В лагере, где всё и всегда происходит в строе и на общих нарах, в дикой скученности – когда и про себя обмолвиться страшно, донесут враз – возможность побыть в одиночестве по-настоящему неоченима.

А тут ещё бонус – поездки в лес, да без конвоя!

Хоть и «не положено», но зимой администрации тупо лень выделять красноармейца для пары арестантов. Каждому известно – бегут по снегу только доведённые до отчаяния самоубийцы.

– Дьяволова рында! – невпопад пожаловался на судьбу Авдеич. – Простым смертным нельзя видеть, как над бараками пляшет красный дьявол, как корчатся люди под его адской пляской...

– Да скоро уж вдарят на обед, – обнадёжил я напарника, стараясь плавно отвести разговор подальше от философских материй. – Пойдём потихоньку, поди, сам знаешь: жир-то весь в верхках.

Но Авдеича было уже не остановить.

– Дивлюсь я тебе, парень! Ведь точно знаешь, что дьявол не насытится частью твоей крови, пусть даже ведром. Он не уйдёт, он тут, в самом воздухе, он потребует всю кровь и душу

без остатка, до капли. Мне всё равно пропадать. Бог забрал мою дочку и ушёл прочь отсюда, ради чего мне жить...

– Прекрати! – я сорвался на крик, благо вблизи никого не было. – Сам третьего дня рассказывал, как грешно желать себе смерти!

– О да, я знаю! Ты сбежишь, конечно! Удастся, бог хранит тебя. Но куда ты спасёшься от диавола? Пока у Кремля стоит зиккурат – он будет везде. Не будет на Руси жизни, как есть не будет! Камо бегу от лица твоего и от духа твоего камо уйду...

Ох, как мне захотелось заткнуть словесный фонтан кулаком!

Причём – не в первый раз!

Но вместо этого только приобнял безумного старика за плечи со словами:

– Пойдём! Сегодня пшёнка, как ты любишь.

– Бог проклял нас, грешных... Но ты сильный, я всё вижу, ты играешь с ломом! Беги, уходи прочь, подальше, хоть к антиподам! Иначе диавол придёт за твоей кровью!

– Заграница нам поможет, – покачал я головой, подталкивая Авдеича в сторону центростремительной. – Где-то я уже это слышал.

– Да-да, поможет! – горячо поддержал меня Авдеич. – Победить диавола можно только в его же логове, там должны знать! Скажи, непременно скажи им, зачем мешкают... Не верят в Бога. Напрасно, без него диавол затянет всех в свой ад, сперва – меня, потом – тебя, Россию, а там – и весь мир!

– Знают они всё! – грубо обрубил я опасный разговор.

И демонстративно поднял до ушей воротник «маскировочного» пальто.

Но сам задумался: «А что на самом деле известно господам капиталистам о реалиях советской жизни? Кроме фамилий верхушки власти?».

Из будущего я смутно помнил только Солженицына, но вроде бы он писал сильно позже, уже в пятидесятых.

Смог ли кто-нибудь из нынешних каторжан бежать из СССР?

Наверняка!

Печатались ли их рассказы в Париже или Берлине?

Увы, и школьный, и институтский курс литературы с

историей тщательно обошли данный вопрос стороной. По крайней мере – мне такое не попадалось...

Обратили ли на них внимание современники?

Сделали ли хоть какие-нибудь выводы?

Смогу ли я что-то изменить в случае успешного побега?

Куча вопросов, и ни единого внятного ответа!

– Здум! Зду-у-у-м! – поставил точку в моих размышлениях визгливый звон.

– К обеду звонят, – совсем по-детски обрадовался Авдеич. – Шевелись скорее!

Вот ведь забавная штука – организм, как только дело к еде, так не только усталость, но всякую ересь из мозгов будто метлой вычищает!

Питание хоть и скудное, но дело поставлено чётко, явно по-армейски.

Выдача многопоточная, как в Макдоналдс – своё окно для каждой роты.

Назвал фамилию, и упитанный боров в белом колпаке и фартуке черкнул пометочку в журнале, тут же булькнул пол-литра баланды в подставленную миску, шмякнул каши в тарелку – следующий!

Кипяток из ведёрных чайников – без ограничений.

Места где присесть хватает: огромный зал – а центрорухня на самом деле больше похожа на зал по площади – хоть невысокий и тёмный, но при этом чистый и тёплый...

По крайней мере, еда не замерзает. Длинные узкие столы и скамьи из оструганных досок как зубья расчёски тянутся к центральному проходу от стен, увешанных лозунгами вперемешку с наивными портретами Ленина, Маркса, Розы Люксембург и прочих персонажей коммунистического bestiaria.

Постоянных мест ни у кого нет, но тем лучше: в условиях сенсорного голода наблюдать за процессом поглощения пищи в исполнении разных людей – примерно то же самое, что смотреть телевизор. «Программы» – в ассортименте. Понятно, не все одинаково интересны, но сориентироваться не так и сложно.

Для начала каторжане делятся на две большие и

враждебные друг к другу партии: «живоглоты» и «фаршмачники». Первых заметно больше, их философия примитивна и скучна: нечего себя травить видом чужой еды, поел – побежал. Для ускорения процесса они не чураются кощунства – с крестьянской точки зрения – крошат хлеб кусочками в баланду, превращая её тем самым в сравнительно пристойный суп.

Зато их антагонисты организуют масштабные реалити-шоу. Они ни в коем случае не торопятся: один – жидовку[114] сперва выпьет через край, потом кусочком хлеба гущину выберет досуха; другой – миску разбавит кипятком, чтоб побольше было; а третий – и вовсе, смотрит на баланду, но ложкой хлебает кипятком из котелка, а уж после принимается за «суп» – такой перформанс называется «вприглядку».

С хлебом ещё веселее...

Любят арестанты разложить всё по кусочкам или скатать из мякиша шарики, оставив корочку вытереть тарелку из-под каши.

Некоторые идут ещё дальше: они умудряются разломить невеликую пайку на две части, одну половину – тщательно завернуть в тряпочку и убрать подальше, а оставшуюся – смаковать с кипятком. Добьют до крошечки, посидят, подумают, потом лезут, выворачивают из лоскутков остаток, опять делят его на две равные части и...

И так – раза три-четыре подряд.

Кто-то, впрочем, наверняка наблюдает и за мной. Но это не повод голодать!

Для начала я разломал на небольшие кусочки и запарил мёрзлую ламинарию. Не сказать, что настой имел приятный вкус, но...

Тут главное во что-нибудь верить, тем более что витамины и микроэлементы всяко полезнее молитвы о ниспослании благодати.

А ещё – дополнительный бонус! – больше пары глотков не выпьешь.

Я твёрдо помнил советы диетологов будущего для похудения в стиле «пейте больше воды», поэтому действовал строго наоборот.

Не торопясь, выбивая зубами из пищи всю прану, я съел

[114] Жидовка – баланда.

баланду с покрошенным в неё хлебом. Так заметно вкуснее, чем царапать зубами чёрствыые, а часто – и подмороженные куски. Затем выловил деревянной, собственноручно выстроганной ложкой водоросли и аккуратно перемешал их с пшённой.

И лишь после этого обратил внимание на примолкший гул разговоров.

И было с чего – в кои-то века центрокухню посетило большое начальство, и не простое – а настоящий краском с воли!

Серая, ощутимо потасканная шинель с грязно-красными «разговорами» [115], обмятая до белизны кожа ремней портупей и кобуры, в петлицах короткая строчка из двух кубиков...

Из «тюремных университетов» я уже знал, что это примерно соответствует лейтенанту. Но при этом гость не молод, лет примерно сорока, худощавая высокая фигура, заветренные скулы за белыми с мороза кругами очков...

Что же он забыл в гнилой дыре Кемперпункта?

Тут из-за спины новоприбывшего показался родной ружьё, и ситуация мне резко разонравилась: он явно кого-то выискивал. Всего через несколько тяжёлых ударов сердца его взгляд остановился на мне и обрёл детерминизм.

Су-у-у-ки!

Кто сдал, за что?

Громкие разговоры с Авдеичем?

Мыслепреступление по Джорджу нашему Оруэллу?

Буду держаться до последнего и всё отрицать!

Но – стоп! Не надо лишней паники. Любому местному начальнику достаточно пошевелить пальцем, чтоб вытащить меня к себе на правёж, он вправе арестовать, а то и вовсе, даже не расстрелять, а пристрелить как собаку. Для этого нет смысла переться в столовую.

Так что же ему от меня надо?!

Новоявленный командир добрался до меня в несколько широких шагов.

– Обухов? – уточнил он, одновременно пытаюсь дыханием отогреть линзы.

Поспешно вскочив, я с бравою тупостью брякнул в ответ:

[115] Данный вариант формы успел устареть, цветные клапана отменены с 1924 года, сперва в РККА, затем в ОГПУ. Но замена заняла немало времени на местах.

– Так точно!

– Сиди уж, – небрежно отмахнулся пришедший.

Он, не чинясь, опустился на лавку напротив [116], и я разглядел на петлицах шифровки – «КГПУ». «Опять проклятая гебня!» – промелькнула короткая мысль.

Пауза затянулась...

Нацепив на нос многострадальные очки, гражданин начальник близоруко и с какой-то странной радостью разглядывал приготовленное мной блюдо. Пальцы его широких рабочих рук отбивали на доске стола рваный ритм, медленно, но верно приближаясь к моей пище.

Казалось, ещё мгновение – и он схватит тарелку, да убежит с ней прочь.

Когда пальцы с траурной каймой под ногтями приблизились на несколько сантиметров, я не выдержал:

– Простые водоросли, вот, смотрите, – я достал из кармана несколько оставшихся мороженных листиков. – Обычная ламинария, её тут в море – мегатонны.

– Однако как вовремя я зашёл, – наконец-то выбрался из глубины своих мыслей странный чекист.

Его рука метнулась в карман, и на стол легла синяя с красной каймой коробка папирос «Наша марка» [117].

Я, было, приготовился выклянчить одну, но вместо этого услышал:

– Махнёмся?

– Ого-го! – не смог удержаться сидящий рядом Авдеич.

– Конечно, – согласился я быстрее, чем понял идею собеседника. – Но на что?

– Да вот же, – гражданин начальник ткнул рукой в мою густо удобренную зеленью пшёнку.

– С удовольствием! – я едва не откинул от себя тарелку.

Ещё бы!

[116] Ничего особо удивительного: в эти годы в самодеятельном соловецком театре начальник лагеря и помощники имели всего две привилегии: не платили за билеты и рассаживались на первом ряду ступлев.

[117] Папиросы «Донской государственной табачной фабрики», Ростов-на-Дону (ранее «В. Асмолова», сейчас «Донской табак»).

Пачка – это двадцать пять штук папирос. Каждая – минимум осьмушка фунта хлеба, а то – и четверть. Полновесный паёк за два-три дня.

Ох, неужели хоть кому-то во всём СССР не лень читать сигналы с мест, в число которых наверняка попала стопочка доносов о блаженном зэке, на манер коровы жрущем траву «от цинги»?!

Неужели правда, что в мире нет такого преступления, на которое не пойдёт чекист ради карьеры? В смысле, не в этой ли, обутой в шлем тёмно-синего сукна голове, крутнулась мысль, как половчее, да втайне от дружков, зацепиться за промфинплан борьбы с болезнями?

Между тем «покупатель» не просто потыкал в щедро сдобренную водорослями кашу пальцем, а вооружился собственной ложкой и принялся осторожно и старательно «принимать пищу».

С первым – понятно: привычка носить сей полезный инструмент всегда и везде с собой повальна, и не только у надзирателей – после трёх дней в лагере так делают даже каторжане «из графьев». Но жрать арестантскую кашу рядом с зэками?!

Он что, совсем тронулся? Вообразил себя мальчиком в крестьянской избе, где все по очереди черпают варево из одного котелка[118]?

Я украдкой огляделся, и... Не увидел особого удивления на лицах соседей: кажется, пачка папирос ранила их души куда серьёзнее.

Не прошло и пяти минут, как чекист поднял глаза от почти полностью съеденной порции.

– С непривычки тяжелоидёт, – пожаловался он. – Хоть помогает?

– Конечно, – я с трудом сдержал усмешку. – После ломовой работы ещё и не то съешь. Но от ламинарии реальная польза: и чувство сытости, и никакая цинга не привяжется.

– Рецепты сможешь рассказать?

– С удовольствием, – не стал отказываться я. – Хотя тут ничего придумывать не требуется. Варёная водоросль

[118] Несмотря на все старания командиров РККА, отучить красноармейцев от питания из общего котелка было в те годы очень и очень не просто.

съедобнее, в сырой – витаминов больше, то есть от цинги помогать будет. Если уксуса добавить – а лучше масла – станет повкуснее, а то кому ни предложу – пробуют, но всерьёз жрать зелёную дрянь отказываются. Возможно, они правы, не может быть в морской капусте много калор... питательных веществ. Однако точно не знаю почему, но чувство голода она отбивает великолепно.

– И всё?

– Если добавить яиц, майонеза и крабовых ножек, то классный салат получится, – зло пошутил я в ответ.

– Хорошо! – гражданин начальник довольно хлопнул ладонями по столу, явно собираясь уходить. И на прощание, как вежливый человек, поинтересовался. – А больше ничего не придумал полезного?

– Песню... Про офицера, – ляпнул я первое, что вывернулось на ум.

И тут же взвыл про себя от досады... Язык мой – враг мой! Однако чекист только весело рассмеялся.

– Да тут их полным-полно, пригодится!

– Вообще-то – скорее, о красном, – проворчал я тихо.

Но гражданин начальник услышал. Он как-то странно, по-новому оглядел меня, на мгновение задумался и вдруг жестом подозвал рукраба, который так и болтался неподалёку неприкаянной тенью.

– Твоего Обухова я забираю до утра, подбери ему замену и оформи всё как полагается, – и, повернувшись ко мне, подвёл черту. – Пойдём... Кстати, меня Семён зовут...

* * *

Шуршит пламя за похожим на гигантскую бочку боком печи, на столе коптит горбатая свеча – маленький костёр для лишних слов. Странная прихоть при наличии электрической лампочки... Свеча превращает основательно промёрзшую, безликую, но вполне приличную комнату гэпэушного блока в полную вечерней сырости пещеру. Только длинные потёки смолы, просочившейся сквозь дурную серую краску стен, взблескивают в смягчённом изморосью окна закатном огне...

Без шинели за столом чекист-Семён – в чёрном, отделанном

тонкими кроваво-красными росчерками кантов кителе – кажется настоящим франтом с воли. Моя обносившаяся курточка выглядит ничуть не менее колоритно.

Плевать – позади добрая бутылка самогона, выделанного на Кемперпунктовской пекарне и здоровенная миска порезанного на куски ситного с рыбьим жиром.

Парадокс эпохи: ничего более съедобного под руками у «гражданина начальника» не нашлось. Только приличный хлеб да бочонок шикарной солёной капусты – в качестве закуски.

Остался в прошлом и мой оглушительный провал на стихоплетной ниве. Желание уязвить, вылезшее по злобе из-под спуда, основывалось исключительно на любимых отцом и поневоле вбитых в память песнях Талькова, точнее, на «бывшем подьесауле», который «преуспел в той войне и закончил её на посту командарма».

Почему-то я был уверен, что подобное сойдёт за понятное и недоброе пророчество – как для фигур типа Тухачевского, так и для любого красного командира.

Каково же было моё удивление, когда Семён лишь лениво отмахнулся: «Ничего так у тебя вышло, прям один в один про Миронова, ну того, что троцкисты шлёпнули во дворе Бутырки в двадцать первом[119]...».

Мне оставалось только матюгнуться про себя и кивнуть в ответ – типа знаю, и на всякий случай поскорее вытащить второй, он же последний хоть как-то укладываемый в рамки здравого смысла козырь – «Господ демократов», разумеется, малость скорректированных и лишённых провокационной четвёртой строфы.

С ними дело пошло не в пример веселее.

После очередного тоста – кстати сказать, за НАШУ революцию – мы с чекистом тихонько распевали дуэтом:

[119] Ф. П. Миронов, казак, получил четыре ордена и чин подьесаула (примерно соответствует современному капитану) в Русско-Японской войне. Во время ГВ командовал 2-й Конной армией, кавалер ордена Красного Знамени № 3. В 1921 году арестован по ложному обвинению и убит часовым во дворе Бутырской тюрьмы при странных обстоятельствах, вероятно, по личному распоряжению Л. Д. Троцкого.

«Господа демократы минувшего века,
Нам бы очень хотелось вас всех воскресить.
Чтобы вы поглядели на наши успехи,
Ну а мы вас сумели отблагодарить.
Мы бы – каждый, кто чем, выражал благодарность:
Молотилкой – крестьянин, рабочий – ключом,
Враг народа – киркою, протезом – повстанец,
Ну а я б кой-кому засветил кирпичом...».

Поначалу я дьявольски боялся провокаций, следил за каждым своим словом, но «после третьей» страх отступил – лишней пары ушей тут не наблюдается. Да и что греха таить – при желании Семён может про меня написать любую напраслину, вне зависимости от реальности. Например, инкриминировать заговор с целью сбросить Луну на Красную площадь.

И ведь на полном серьёзе посадят по новой, а то – и расстреляют. А раз чекист оказался на удивление приличным и откровенным собеседником, то к настоящему моменту я хоть и не дошёл до исполнения тальковской «России», но расслабился вплоть до анекдотов: «Пришёл как-то раз в чум к чукче геолог и удивляется: «Чукча, у тебя консервов полный чум, а ты с голода отоцал как швабра!», – а чукча ему отвечает. – «Однако, газету открыл – там товарищ Сталин, журнал – тоже товарищ Сталин, радио включил – и там он! Теперь, однако, боюсь консервы открывать!».

Гражданин начальник засмеялся, демонстрируя золото зубов, и тут я наконец заметил, как контрастно изменилось его лицо за прошедшие часы. Куда-то ушла строгая, пуританская чопорность, обида на весь окружающий мир и особое, небрежно скрываемое презрение облечённого властью человека перед подчинёнными, а пуще того – бесправными рабами. Он стал нормальным... И вместе с тем – до дна опустошённым.

Тут Семён опустил чуть закинутую назад голову и поймал мой пристальный взгляд.

– Изучаешь? – огорошил он меня неожиданным вопросом. – А сколько, по-твоему, мне лет?

– Наверное, под сорок, – не особо задумываясь, ответил я. Чекист зябко передёрнул плечами под кителем.

– Неужели?! Двадцать восемь мне... Недавно...

Изумление на моём лице сошло за нескромный вопрос, и он с кривоватой ухмылкой разъяснил:

– С шестнадцати лет в революции, кидало по всей стране – от Владивостока до Одессы. Три раза ранен. Один брат убит на колчаковском фронте белыми. Другой – на деникинском красными. Мать на мануфактуре работала, померла, кажется, от голода, батька пропал без вести. Жена была... Недолго... Вот так, дюжина лет за плечами, из них был ли хоть день человеческой жизни? Ни х...я!

– Стоило оно того? – не удержался я от обидного вопроса.

– Тебе хорошо в стороне зубоскалить, – в ответ зацепил меня чекист. – Думаешь, я скажу, что зря? Давай, братва, обратно? Ха! Не дождёшься! Таких как я – миллионы! Так что мы таких, как ты, или перевоспитаем настоящим трудом, или... – он рубанул рукой. – Изведём под самый корень!

Пришёл мой черёд ёжиться от налетевшего ниоткуда зябкого ветерка.

Заледневшие глаза Семёна кричали: «Ну что, контра? Видал наших?».

Но вместо сочувствия или понимания по моим мозгам хлестнула волна ненависти: «Ёб...й фанатик!».

Чёрт их побери, всех этих Торквемад, Сталиных, Пол Потов, Бен Ладенов!

С железным и тупым упорством – из века в век, из поколения в поколение – они только тем и занимаются, что портят жизнь и себе, и ещё больше – другим, ради великой цели поднимая на знамя всё, что только ни на есть самого живодёрского в человеке.

Как правильно про них говорил кто-то из заключённых «библиотечной камеры» Шпалерки: «Hell is paved with good intentions...».

Ни одна корыстнейшая и жаднейшая сволочь не принесла в мир столько смертей, сколько идеалисты!

Вот один из их паствы сидит передо мною.

Свою кровь проливал вёдрами, не жалея, в чужой – до ху... пула измазался. Нипочём не остановится, так и будет переть до пули в затылок в 37-ом или фашисткой пулемётной очереди поперёк груди в 41-ом.

А повезёт – тихо сопьётся с тоски по великому году эдак к 1950-му, отдав заслуженную комнату в отобранной у «контры» квартире обратно – щедрому государству.

Рассказать ему всю правду о «светлом будущем», в которое он так истово верит?

Я уже, было, открыл рот, но тут чувство самосохранения наконец пробилось через ушатанный алкоголем мозг: только идиот может плевать против ветра, верить вождям и переубеждать фанатиков, успевших для самооправдания сложить в голове непротиворечивую картину «дивного нового мира» [120].

Поэтому я всего лишь глубокомысленно изрёк когда-то слышанную фразу:

– Винтовка рождает власть [121].

– Именно! – немедленно воодушевился гражданин начальник. – Ты архиверно понимаешь нашу политику!

– Но кто тогда будет созидать? – попробовал возразить я, скорее для схода с опасной темы узаконенного гоп-стопа, чем реального интереса. – Вы же понимаете сами – конкуренты за границей не дремлют. Советскому Союзу нужно строить, очень много строить: заводы, электростанции, шахты, железные дороги, дома и торговые центры, двигать науку, наконец!

Чекист не обманул ожиданий. Прошитая на многочисленных и многочасовых партсобраниях «закладка» сработала должным образом, и на меня обрушился краткий двадцатиминутный митинг.

– Десять лет пролетарской диктатуры показали, что она есть самая широкая и самая развёрнутая демократия трудящихся масс, какой никогда не имела и не видела ни одна капиталистическая страна. [122] Рабочие – народные комиссары, рабочие – вожди и командиры Красной армии, рабочие – руководители промышленности, рабочие – хозяева государственного аппарата. Волховстрой, Свирьстрой, работы на Днепрострое, строительство Семиреченской железной

[120] Известный в психологии феномен – ловушка рационализации (*rationalization trap*).

[121] Каждый коммунист должен усвоить ту истину, что «винтовка рождает власть». Мао Цзэдун.

[122] Выдержки из газеты «Рабочий путь» № 256 от 07.11.1927.

дороги... А сколько других примеров – всё это живые памятники творчества и усилий рабочего класса СССР...

Через пяток минут я уже жалел о своей хитрости: живого и вполне адекватного человека как будто подменили на политграмотного зомби. Мозг отключился – кажется, я даже успел увидеть во сне кусочек поточной лекции в «римской» аудитории ГУКа УПИ.

Из гипнотического полузабытья меня вывел неожиданный вопрос:

– Вот тебя взять, например... Небось образованный?

– Инженер-электрик, – опешил я. – То есть – студент, немного не дали доучиться.

– За что каэришь?

– Скауты, чтоб им провалиться, – я постарался не уходить глубоко в детали. – Сунули трёшку в довесок к году на Шпалерке.

– Пустяки же! – искренне обрадовался чекист. – Ты прекрасно держишься, после перековки будешь на свободе строить наше общее будущее! Вот увидишь, тебе ещё понравится. Нам же позарез нужны хорошие электрики! Хочешь, у себя в Архангельске пристрою?

– Да как-то в Питер надеялся вернуться, – проямлил я в попытке аккуратно отказать от неожиданной оферты, удаляющей меня от финской границы.

И тут меня осенил до крайности подлый, но при этом по-коммунистически эффективный промфинплан.

– Кстати, в Кемперпункте есть своя собственная электростанция! Английская! – с энтузиазмом начал я свою речь. – Вот мне бы её обслуживать, реальная практика перед работой в народном хозяйстве страны. Недавно видел, как туда за взятку определили какого-то офицеришку-белопогонника. Не понимаю, как такое допускается, он же наверняка испортит по неграмотности купленное за валюту оборудование. И вообще... – тут я выложил последний аргумент. – Слышал, сам главный инженер не имеет специального образования [123]!

– И тут контру вперёд двигают бл...ди суч...и, – с

[123] Электростанция находилась на попечении инженера по фамилии Красин. Прежде он был таможенником, но за спекуляции был сослан на Соловки.

выражением, но без особой злобы выругался Семён. – Ну ничего, – он погрозил в пространство кулаком. – Р-р-разберёмся! Мы, коммунисты, умеем использовать кадры по максимуму!

Чёрт возьми, как он искренен!

Будь я в самом деле Обуховым, наверняка бы поверил, без сомнений и вариантов! Оттянул бы честно срок, благо при электростанции житьё, как в санатории. И не задумываюсь, махнул бы в Архангельск, ведь при хорошей протекции лагерное прошлое – не помеха карьере советского инженера. Со спецями в СССР – реально швах, на южном побережье Белого моря и без полного диплома примут с распростёртыми объятиями.

По всем логическим раскладам понятно – года через три закончится моё поражение в правах, к этому у времени репрессии в стране окончательно утихнут, про скаутов прочно забудут. К празднику двадцатой годовщины революции останется лишь похлопотать через Семёна о снятии судимости, а там и до членского билета ВКП(б) рукой подать. Дальнейшее – дело техники: если повезёт, можно лет в тридцать с хвостиком стать главным энергетиком большого завода или начальником электростанции.

Чем не карьера?

Эдак повыше однокашников забраться по должностям получится, ещё завидовать будут...

Короче, почему бы и нет?

Увы, в СССР нет места логике. Строить карьеру перед чисткой «имени Кирова» и знаменитым «тридцать седьмым» – форменное безумие, примерно, как играть в русскую рулетку с двумя-тремя патронами в барабане. С учётом же страшной войны шансы на счастливую старость в окружении внуков становятся, мягко говоря, призрачными. Глупо питать иллюзии, лучше крепко помнить «ошибку выживших»: мёртвые молчат, но ошалевшие от удачи «везунчики» хвалят мудрое руководство «великого вождя».

– Ну, значит, за справедливость! – я мотнул в кружке чуть беловатую жидкость.

– Железно! – поднял ответный тост чекист.

Выпили, похрустели капустой...

Совершенно не к месту мне вспомнилась картинка из

учебника истории про защитников Брестской крепости. Смутный, полный дыма и остатков кирпичных стен фон. Выложенные изломанным валом трупы в фельдграу отделяют сюрреалистический лобовой накат нацистов от перераненных защитников, и лицо, перекошенное злостью и азартом... Лицо Семёна у забинтованного командира, поднимающегося в последнюю отчаянную контратаку.

Враз пропало желание рассказывать чекисту про знаменитый эксперимент Милгрэма[124]. Вместо этого я просто спросил:

– Во имя ароматов кварков... А каково оно было там, на фронте гражданской?..

* * *

Проснулся я далеко за полдень с основательно забытым ощущением сытого похмелья.

В бараке непривычная тишина, никого рядом, лишь пеллагрик-дневальный кумарит у печки. Лагерная пастораль, только голова раскалывается...

Но делать нечего, поплёлся в туалет «сдавать отчёт», заодно – узнать свежие новости. Последнее – совсем не шутка, густо белёное известью заведение не зря обзывают «радио-парашей». Есть у хроноаборигенов совершенно идиотская манера, почти как у французских аристократов из умных книжек, которые умудрялись проводить приёмы гостей, сидя на стульчаке за ширмой... Отличие лишь в отсутствии этого самого стульчака и ширмы...

По дороге сюрприз – как будто случайно в том же направлении двигался мой негласный, и как выяснилось, не слишком полезный покровитель – Князь Гвидон. Не иначе шестёрки подсуетились, успели доложить. Вот только что именно?

– Что лыбишься, как майская роза? – поприветствовал меня у входа предводитель шпаны районного масштаба. – Топай шибче, кантовщик, пока есть куда жо...у приткнуться!

[124] Эксперимент в области социальной психологии, описанный в 1963 году психологом Стэнли Милгрэмом из Йельского университета в статье «Подчинение: исследование поведения».

От удивления я не нашёл, чем ответить. Попробуй пойми, издевается так местный «авторитет», готовится прирезать или, наоборот, шутит по-приятельски.

Пристроился Гвидон рядом, чуток помолчал для порядка, перебирая обрывки газетки в руках, упёртых в колени локтями. Будто всерьёз прислушивается к вопросу о создании парагвайской коммунистической партии[125], который горячо, с матом и угрозами обсуждался в местной тусовке.

Меня же когнитивный диссонанс между ср...щими мужиками и Южной Америкой заставил едва ли не хрюкать от сдерживаемого смеха.

Странные звуки дали хороший повод.

– Пошто заместо работы вола еб...шь?! – недовольно попеял мне Князь.

– Да как-то случайно вышло... – начал, было, оправдываться я.

– В курсе! Крепко пел за тебя залётный легавый в конторе, – сквозь напускную суровость всё же прорвалась широкая улыбка.

Я с трудом сдержал облегчённый выдох.

– Да что он сделал-то?

– Бл...ть, да ты не петришь никак? – вскинул брови вверх Гвидон. – Тебя, паря, по липестрической линии толкнули, будешь теперича как весовой[126] за Красиным-электриком жить.

– Да ну, серьёзно?!

– Бля буду! – заявил «авторитет», явно работая на немногочисленную, но внимательную публику. – Но ты в натуре хорош, хоть и контра! Только смотри, не забурей, как в дела войдёшь – керосина отдакнешь[127] по чести.

– Постараюсь, вашблагородие, – неудачно попробовал отшутиться я.

– Заводной, однако, – Гвидон перешёл чуть не на отеческий

[125] *Парагвайская коммунистическая партия и правда была создана 19 февраля 1928 года.*

[126] *Весовой – арестант, выдавший виды и пользующийся известным авторитетом, «весом», в своей среде и в глазах начальства.*

[127] *Отдакнуть – отдать.*

тон. – Смотри, меж двух не останься, держи фасон. Загнёшься без фарта, что я бабке твоей скажу в Питере?

– Э... Постараюсь, – промямлил я, пытаюсь подобрать правильные слова.

Но авторитет уже завершил представление.

– Долго ты, как верёвку проглотил! – он недовольно поморщился, поднялся, натягивая штаны, и без политесов раскланялся. – Пойду, похряпаю[128]. Бывай!

Вот как хочешь, так и понимай...

Хотя определённая логика присутствует – спокойно пошептаться в лагере тупо негде, сдадут мгновенно и с потрохами. Так же выходит – матёрый уголовник при всех бодро развёл пошедшего в гору лоха на керосинчик, чуть польстил, припугнул, на деле же недвусмысленно обозначил интерес в стиле: «это моя корова, сам доить буду».

С одной стороны – для здоровья полезно, теперь арестант, потерявший тёплое, наверняка дорогое место, побоится ко мне сунуться. Да и чужая шпана обойдёт стороной.

Только надо признать: до ужаса противно чувствовать себя парнокопытным...

Зачем он бабку в Питере приплёл?

Намёк на будущее сотрудничество?

Эдакая рисовка перед соратничками, типа «выдумал, а этот дурак и поверил»? Пустил любопытных на ложный путь?

Или просто объяснил покровительство в прошлом?

Стоит ли по этому поводу ломать голову?

Разумеется, нет!

При таком источнике ништяков, как электростанция, подготавливаться к побегу – сущий пустяк. Пусть катятся к чёртовой матери фанатики-чекисты в обнимку с социально близкими рэкетирами-уголовниками. С хорошей едой, здоровый, не изломанный тяжёлой работой...

Да я шутя уйду и от тех, и от других!

Но – стоп!

В лагере нельзя даже думать о побеге!

Вдруг кто-нибудь прочитает мысли?

7. НОЧЬЮ ВСЕ КОШКИ СЕРЫ

Окрестности города Глухова. Апрель 1930 года
3 месяца до рождения нового мира

Проснулся я чуть за полночь, от сильных толчков.

Состав тормозил экстренно и как-то явно неправильно, дёргаясь, стуча и вихляясь из стороны в сторону, а чуть позже – и вовсе остановился, судя по виду из окна – буквально в чистом поле.

На насыпи засуетились тусклые фонарики поездной бригады, кто-то бегом метнулся назад по путям, не иначе за помощью, кто-то – далеко вперёд, но большая часть неспешно сползлась к локомотиву.

Тело повиновалось с трудом, но мне всё же удалось с первой же попытки дотянуться до стакана, сползшего на самый край столика. Холодный вчерашний чай пошёл как нектар, тиски вокруг горла ощутимо ослабли, зато со стопора сорвалась головная боль.

– Вроде и выпили с Бабелем совсем немного, – тихо пожаловался я на судьбу, стараясь не разбудить Якова. – На закуску грех жаловаться, не иначе, отвык организм от социалистического пойла.

Хотя в глубине души тихий голос здравого смысла подсказывал: дело в количестве...

Накинув пиджак – оказывается, я завалился в кровать не раздеваясь, сразу после обеда – выполз в коридор в поисках спасения.

Не напрасно – заспанный кондуктор оказался на своём боевом посту и охотно вытряс из гнutoго жестяного цилиндрика с надписью «Melubrin» подозрительную бурую таблетку

обезболивающего.[129] В ответ же на благодарность – немедленно предложил стакан чая. Не иначе, алгоритм работы не предусматривал иного способа получения чаевых.

– Кстати, почему стоим? – поинтересовался я, выкатывая из кармана полновесную двадцатикопеечную серебрушку.

– Опять паровоз забурился, – охотно успокоил меня вагонблеститель. – Не извольте-с волноваться.

– И надолго он... Эээ... Это самое?

– Часа на три-с... – рука кондуктора дёрнулась в район лба перекреститься, но он вовремя поправился и, глубокомысленно подёргав нос, с подкупающей откровенностью продолжил. – Если Борька – машинист он у ремонтников на дистанции – бельмы свои поганые опять не зальёт.

– Часто он так? – участливо уточнил я.

– Не могу знать-с, – неожиданно резко отрапортовал собеседник, устыдившись или испугавшись сказанного.

И то верно – количество аварий на железной дороге легко отнести к государственной тайне, а разглашение поощрить «пятерочкой».

Продолжать расспросы я не стал.

Спешки нет, никто не ждёт нас на перроне столичного вокзала. Совсем наоборот, давно ловил себя на мысли, что откровенно побаиваюсь этого страшного, насквозь коммунистического города, а особенно – предстоящей миссии, и не прочь хоть на целую неделю остаться в старорежимном комфорте вагона СВПС. Пусть даже он просто стоит где-то в поле между Киевом и Москвой...

В сон не тянуло, что, в общем-то, и не удивительно после десяти часов в кровати. Поэтому вместо прохода к купе я свернул в сторону тамбура и скоро, спрыгнув на насыпь, любовался вмятыми костылями, сорванными подкладками под рельсы, а также – глубокими бороздами в шпалах и балластном песке.

– Нам-то нешто переживать, – пояснил с высоты подножки

[129] Обезболивающее, аминметансульфонат натриевая соль антипирина. Разработано в компании «Hoechst AG», начало применяться в 1913 году. К началу 30-х годов вытеснено значительно более эффективным метамизолом (Анальгин, Novalgin).

вышедший проводить меня кондуктор. – Бригада на паровозе дуже классная... Да вагон железный[130], крепкий. Вот давеча слышал: на спуске к Семи пригородный не затянулся[131] вовремя и с пути соскочил, такое знатное телескопирование[132] вышло!

– Погиб кто-нибудь? – полюбопытствовал я не по нужде, а скорее по не до конца выветрившейся привычке 21-го века.

Но собеседник уже исчез, похоже, в очередной раз коря себя за болтливость.

Я же направился к локомотиву, опасливо поглядывая на состав, каким-то чудом оставшийся стоять на покорёженном пути.

Несколько вагонов расцепились, но лишь следующий за тендером – скинуло, перекосило и покорило, немного не перевернуло.

Рядом с ним лежали и сидели несколько человек, да суетились помошники-попутчики, которыми властно командовала пожилая женщина-врач. К счастью все живы – отделались переломами, ушибами и вывихами.

Скоро мне стала понятна и этимология слова «забурился»: все повреждения полотна тянулись к сошедшей с рельсов передней оси паровоза. Там же кипела основная работа: смачный мат и стук кувалд.

Железнодорожники, снующие туда-сюда с ломками, лопатами, винтовыми домкратами и прочей малой механизацией, зло зыркали на немногочисленных зевак из числа пассажиров, однако глазеть не мешали.

Простояв с четверть часа, ничего интересного в их работе я больше не обнаружил, только озяб, и поплёлся назад в вагон, пытаюсь понять, чего мой организм желает более всего – поспать, почитать, или поесть...

[130] Вплоть до 1946 года все пассажирские вагоны в России/СССР (за исключением СВПС и прочих специальных) были деревянными. Рама из дуба или ясеня, обшивка из сосновых или еловых досок.

[131] Затянуться – затормозить.

[132] Из-за низкой прочности деревянные вагоны при крушении часто «вставлялись» друг в друга, так получалась настоящая мясорубка.

Двинулся состав часа через четыре, когда первые лучи восходящего солнца показались из-за далёкой щётки леса...

Отложив в сторону смартфон с очередным учебником, я с интересом смотрел в окно на путейцев, которые ловко продолжали устранять последствия аварии чуть ли не прямо под колёсами ползущего как черепаха вагона.

Неожиданно в купе кто-то тихо поскрёбся.

Не ожидая подвоха, я приоткрыл дверь – и не успел опомниться, как в узкую щель буквально просочилась высокая, но нескладная девочка лет пятнадцати. Её симпатичную, но против местных традиций полностью открытую головку сильно портила короткая стрижка, вернее, ёжик едва начавших отрастать волос – визитная карточка завшивленной страны. Однако лучше уж так, чем видеть желтоватые чешуйки гнид, сыплющиеся на плечи из-под шапки или платка.

– Привет, – обратился я к ней, по старой привычке напялив на лицо старательную детскую улыбку. – Как тебя зовут? От родителей прячешься?

Она молча кивнула, быстро опустила глаза в пол, разгладила руками несуществующие складки на подоле потрёпанного, но очень приличного по местным меркам платья, а затем тихо прошептала:

– От кондуктора... – и продолжила, жалобно всхлипнув. – Потерялась я... Дяденька, можно я у вас останусь? Ну хоть до следующей станции? Пожалуйста!

– И откуда ты такая красивая взялась? – попробовал я урезонить нахалку вопросом.

В самом деле, не с поля же она заскочила, наверняка из соседнего вагона. Говорит по-городскому – бойко, одета – более-менее прилично. На ногах – а обувь по нынешним временам главная ценность гардероба – высокие туфли на каблукке с застёжкой на пуговицах. Разумеется, их не признают модными окопавшиеся в СВПС содержанки, а на улице Берлина при виде такой пары сочувственно вздохнут дочери и жёны рабочих. Однако здесь и сейчас, где-нибудь в «жёлтеньком» [133],

[133] В жёлтый цвет красили вагоны второго класса.

всё перечисленное – более чем к месту, в придачу к парочке младших братиков, да матери, злой швабре-бухгалтерше, и её мужу, дёрнутому алкоголем и партбилетом ветерану колчаковского фронта.

– Ох, как же у вас тут красиво! – выпалила девочка, погладив рукой обшивку дивана. – Настоящий бархат!

– Эээ... Наверное... – замялся я. – И чем же он от искусственного отличается?

– Зеркало! – она явно меня не слушала. – А куда эта дверь ведёт?

Ухватившись за тяжёлую бронзовую ручку ведущей в умывалку двери, незнакомка принялась разглядывать себя в закреплённом на ней зеркале, забыв или не осмелившись её открыть.

Я же лихорадочно изобретал способ выставить навязчивую гостью без членовредительства, но всё же до того, как прибегут родители и обвинят меня во всех возможных грехах. Хотя, о чём тут думать!

Подхватив со столика чуть початую плитку шоколада «Nestle» в яркой красной обёртке – память о недавно покинутой Турецкой республике – я протянул её девочке со словами:

– Держи! Да пойдём скорее к твоим родителям, не бойся, проведу тебя мимо всех кондукторов!

Но услышал в ответ:

– А можно я на кресле у окошка посижу?

Девочка, отказывающаяся от шоколада?

Да у неё что в голове вообще?

Я почувствовал какую-то явную неправильность ситуации, вспомнил взгляд, которым она сопровождала движение заморской невидали, и недоумённо уставился на гостью.

– Погоди-ка, погоди...

Тут с верхней полки свесился Яков и с ходу набросился на меня.

– Idiot! Dummkopf! Она же вшивая наверняка! Развёл тут политесы! Возьми за шкурку да выкинь пинком за дверь!

«Хорошо хоть по-немецки говорит, не обидится ребёнок...», – только и успел подумать я, прежде чем получил ответ...

На очень приличном языке Шиллера и Гёте!

– Нет на мне вшей, чистая я, – зло и совсем не по-детски

блеснули глаза гости. – Вышвырнуть... Да лучше убей сразу – результат один, только быстрее немного. Так что, давай, чтоб не мучилась зря. Или боишься на себя жизнь взять? Как заведено у вас, богатеньких или партийных: сдохни за углом, а меня совесть мучить не будет? Хочешь, я сейчас сама в окно брошусь? Открой только, а то у меня сил не хватит. Надоело как всё...

– Так... – протянул Яков.

Вмешаться я не успел – куда тягаться с одним из знаменитейших боевиков эпохи!

Мой партнёр, нимало не смущаясь кальсон, мгновенно перетёк с полки на пол, ухватил уже успевшую развернуться к

дверям девушку за плечо левой рукой, в правой же руке он уже сжимал наган. Неестественно громко щёлкнул взводимый курок.

– Шы-ы-ы-х! – прошелестела по его щеке пощёчина, смазанная курчавыми бакенбардами.

Яков перехватил руку, взгляделся в глаза. И как-то сразу, то ли о чём-то догадавшись, то ли придя к иному, куда более радикальному решению, резким толчком впихнул гостью в кресло. Просипел, сверкнув тусклым металлом зубов сквозь брезгливую гримасу:

– Рас-с-сказывай! Живо всё рас-с-сказывай!

Мой компаньон явно был готов убивать.

Конечно, жизнь – сущий пустяк «на зелёном сукне казино, что Российской Империей называлось вчера ещё».

Но почему-то именно в этот момент я чётко осознал, что если Яков хоть пальцем тронет отчаявшуюся и смертельно уставшую девочку – нам не по пути.

Ведь тогда мы, я – станем ничуть не лучше «других». Тех сволочей в форме ГПУ, что издевались, мучили, насиловали и убивали в далёком, но при этом страшно близком Кемперпункте.

Обошлось...

История вышла страшно далёкая от шпионских романов, а по советским меркам – можно сказать, бытовая...

Родилась Александра – а именно так звали нашу гостью – в далёком и спокойном 1912 году в семье свежеиспечённого профессора Петербургского университета Владимира Николаевича Бенешевича[134], византиноведа и археографа. Который владел аж дюжиной живых и мёртвых языков, рылся по библиотекам да монастырям Азии и Европы, изучая трактаты, рукописи и прочую макулатуру. Причём достиг на этом поприще поистине внушающих результатов. Благодаря которым не только выбился из родного Витебского захолустья, но и получил мировую известность, членство в Страсбургской, Баварской и Прусской Академии наук, восьмой чин в табели

[134] Прототип персонажа вполне реален – это В. Н. Бенешевич. Но у него не было дочери, а два его сына и брат – расстреляны в 1938 году.

о рангах, обращение «Ваше высокоблагородие, а также – недурное жалование.[135]

Несмотря на более чем мирный характер работы, особой дружбы с большевиками у видного учёного не вышло...

Впервые его арестовали в 1922 году, продержав в скотских условиях полгода – выпустили «за недоказанностью вины». Второй раз посадили в 1924-ом, думали с концами, но спасло заступничество президента Польши.

Отцу Александры вернули свободу, дали должность заведующего библиотеки, а позже – избрали член-корреспондентом АН СССР.

Увы, сомнительное семейное благополучие не длилось долго: в 1928-м последовало новое обвинение – на сей раз в шпионаже в пользу Ватикана, Германии и Польши, после которого ссылка на Соловки воспринималась скорее как спасение от гарантированного расстрела.

Но беды семьи на этом только начинались...

Мать, Амата Фадеевна, оказалась дочерью ещё более знаменитого в Европе профессора классической филологии Зелинского.

Вот только от скорого ареста данное обстоятельство её не защитило[136], а следом, всего через неделю, на Шпалерку увезли брата отца.

Из последней, числящейся за семьёй комнаты шестнадцатилетнюю Александру выкинули без каких-либо судов и постановлений, натурально на улицу, поставив перед невесёлым выбором: сдохнуть от голода, пойти на панель или в постель к первому попавшемуся комиссару.

Только удача и чудо помогли ей пробраться в сытое украинское село Тулиголово[137], к давно позабытой тётке,

[135] В царской России личное дворянство человек с высшим образованием получал едва ли не автоматически (начиная с XII класса). VIII класс – уже следующая градация, соответствующая старшим офицерам армии.

[136] В реальной истории её и брата Дмитрия арестовали только в 1930 году.

[137] Достаточно крупное село Кролевецкого района, в 1916 году там насчитывалось около 800 дворов. Судя по всему, значительно больше, чем в настоящее время.

преподающей немецкий язык в местной трудовой школе[138], но «сплошная коллективизация» накатила всего лишь через год...

Начиналось всё достаточно безобидно, даже весело – в середине февраля в село прибыл десант из дюжины столичных комсомольцев. Первым делом они сунулись в полусгоревший дом успевшего удрать за границу помещика, но лишь убедились в полной непригодности строения для жилья. Не удивительно – за десяток лет советской власти половину кирпича из стен сельчане успели растащить «на печки» и забрали бы все, да уж больно прочной оказалась старая кладка.

Кое-как переночевав по избам сердобольных жителей, молодые ребята устроили митинг прямо у церкви, по результатам которого поп со служками был с позором изгнан в неизвестном направлении, а сооружение культа, лишившись креста и колокола, превратилось в комсомольский клуб, по совместительству – общежитие.

Хорошо подвешенный, лёгкий на обещания язык, обилие агитационных листовок и посулы тракторов с семенами «из самой Москвы» привлекли к записи в колхоз многих. Но скоро дело встало – вникнув в суть предложенной оферты, крепкие мужики пошли в категорический отказ.

И началась война...

Уговоры сменились на угрозы, для придания веса которым сплотившийся вокруг комсомольцев актив «пустил кровь», то есть раскулачил сразу обоих мельников. Можно сказать, последним повезло: к ним отнесли по-свойски, то есть позволили хоть и за бесценок, но распродать домашнюю утварь, а ещё забрать в ссылку не только одежду и деньги, но и всё, что влезло в сани.

Увы, оставшегося добра оказалось слишком мало для колхоза, но слишком много для исполнителей. У них появилось сполна продуктов, вещей, самогона, а главное, пришло волшебное чувство безнаказанности.

Процесс расчеловечения – иное слово тут подобрать

[138] С 1918 года на месте гимназий, реальных училищ, церковно-приходских и земских школ создавались единые для всей страны трудовые школы из двух ступеней (со сроком обучения 5 лет и 4 года).

сложно – понёсся как лавина с горы, тонкий налёт совести и сострадания испарялся из душ как роса с травы солнечным утром. Вчера добрые соседи – сегодня адская банда разбойников и насильников.

Согласованные с линией партии лозунги остались только на плакатах, в реальности царило простое правило: «Пей и ешь – всё наше!».

Днём – по ветру летели пух и перья из раздираемых подушек и перин. Ревела скотина и бабы, лаяли собаки, драли глотку пьяные активисты.

По ночам полыхали пожары и гремели выстрелы...

В огне пропали обе мельницы – бывшие кулацкие, а ныне колхозные подворья горели одно за другим. Сожгли дотла и школу, украшенную ещё с зимы свежим кумачовым знаменем. Штукатурка церкви покрылась пулевыми оспинами.

Тётка Александры до последнего надеялась, что её-то точно не тронут, ведь смешно раскулачивать учительницу.

Увы, перед тривиальным разбоем логика спасовала. Ближе к весне родители её учеников дошли до нужной кондиции и, не скрываясь, вынесли из беззащитной избы всё подряд, вплоть до кривой кочерги.

Из комсомольцев один погиб от пьяной пули в перестрелке со своими же товарищами, второго насадила на вилы жена шорника. Трёх арестовали за грабёж – у кого-то из раскулаченных нашёлся свояк в ГПУ. Ещё парочка любителей клубнички пошла по этапу за изнасилование. Вероятно, и тут не обошлось без родственного участия, а может, кстати пришлось статья про «головокружение от успехов». Ещё один сошёл с ума от пережитых душевных страданий, но вернее – с перепоя. Остальные тихо исчезли вместе с последними колхозными деньгами.

Тут у притихшего сельского актива кончилась горилка, и до некоторых наконец дошла вся глубина перспективы: скота нет почти; лошадей нет совсем; трактора остались обещанием; зерна пока хватает; начинающее подтаивать мясо не успевают съесть, однако в плуг придётся запрягать собственных детей и жён... Да и с образованием как-то неловко получилось...

Запоздалые оправдания не помогли, от пережитых обид тётка слегла, похоже – навсегда. Но надо отдать должное

мужеству старой женщины, Александру за собой на тот свет она не потащила. Наоборот, предвидя неизбежный голод, она настойчиво, даже с истерикой выпроводила племянницу «в люди».

Вот только кроме напутствия дать ей в дорогу было совершенно нечего, к извинениям сельчан хлеб, к сожалению, не прилагался.

– Вот так я пошла на станцию, – завершила свой рассказ девушка. – Думала, солдатика уговорю пропустить на вокзал, но... – она споткнулась в словах, чуть порозовев щеками. – Такие страшные попались, ну прямо квазимоды, и вонючие... Никак не смогла. Развернулась и побрела куда глаза глядят, пять дней с того минуло.

– А почему шоколад не взяла?! – удивился я, спешно разрывая обёртку всё той же злосчастной плитки «Nestle». – Держи, но съешь только пару долек, больше тебе пока нельзя! И чаю! Чаю с сахаром побольше пей!

Конечно, недельная голодовка по местным меркам – «дело житейское», но всё же для городской девочки – непонятное и странное.

Однако Яков успел удивиться первым.

– На что только надеялась?! – спросил он.

– С жизнью попрощалась, – с поразительной лёгкостью объяснила Александра. – Всё решиться не могла. Только вчера на путях встала, да машинист успел поезд остановить, схватил в охапку, отнёс в сторону и отругал по всякому... Ещё хлеба сунул, без малого осьмушку! Но затем люди из вагонов полезли, один кричать принялся, да так похабно... Его друзья держали, но он вырвался, револьвер вытащил, сперва просто размахивал, а потом – в меня стрелять стал. Не попал, верно, пьяный был.

– Совсем озверели! – успел я вставить пару слов.

Но развить эту богатую на эмоции тему Яков не дал, его интересовала только логика текущего момента.

– Вот из-за тебя-то прошлый состав рельсы и надорвал.

– Наверно, – не стала спорить девушка. – Как крушение произошло – специально вернулась, в последнее чистое переоделась, очень уж наделась попасть в купе к комиссарам, да обязательно чтоб чином повыше.

– Зачем? – не удержался я от тупого вопроса.

– Хоть одного убить, – спокойно пожала плечами молодая девушка, почти ребёнок.

Слова завязли у меня в горле, но Александра только грустно улыбнулась, отправила в рот шоколадные дольки и продолжила:

– А тут ты, как из другого мира совсем... Из прошлого, наверно. Или из-за границы.

Последнее она сказала явно зря.

Но Яков вновь опередил меня.

– А если и так?

– Из револьвера стрелять умею, – с неподдельным энтузиазмом и какой-то непостижимой для меня логикой ответила девушка. – Ещё могу повязки накладывать.

– Да неужели? – укоризненно прищурился мой партнёр.

Однако я отчётливо видел – такой странный ответ ему пришёлся по душе.

– А как насчёт еды – приготовить? – встрял я, пытаюсь перевести тему на что-то более традиционное.

– Нашёл проблему, – недовольно фыркнула Александра в ответ.

Не поймёшь: на самом деле она в состоянии управляться с кастрюлями или так издевается...

Вот если бы она вошла в нашу команду!

И ведь какой хороший повод – Яков любит вкусно поесть!

Да и я...

Но тут куда нет полуфабрикатов и холодильников, процесс готовки супа начинается от скручивания головы курице, а паршивая овсянка варится не десять минут из пропаренной и высушенной на фабрике тюри, а несколько часов – из зерна, да ещё на идиотском примусе.

То есть на кухне нужно работать практически непрерывно, причём с квалификацией, доступной не всякой жене из «интиллихенток».

– Погоди-ка, – Яков резко, если не сказать грубо, оборвал мои псевдокулинарные фантазии, сворачивая тему разговора в неожиданную сторону. – Саша, так это твой отец написал очерки по истории Византии?

– Вы их читали! – обрадовалась девушка. – А ещё папа три

листа к Синайскому кодексу[139] нашёл, помог их выкупить и в Санкт-Петербург привезти!

– О, что-то я про эту книгу слышал, – с удовольствием блеснул эрудицией напарник. – Кажется, за неё хорошие деньги обеща... – тут он осёкся, как видно поняв, что сболтнул лишнего.

Но наша гостья так воодушевилась, что не заметила скрытого подтекста, такого близкого букинисту и агенту ГПУ по продаже церковных реликвий «проклятым капиталистам», но кощунственного для дочери учёного.

– Как это поразительно, случайно встретить в поезде настолько образованных людей! – затараторила она быстро. – Мне так неудобно, ведь я вас ещё совсем не знаю, но это должно быть настоящим чудом... Если бы вы как-то помогли вытащить отца из застенок проклятого чека! Это же так очевидно, что его арест чудовищная ошибка, но в ней никто не даёт себе труда разобраться!

– Гм... – Яков задумался, будто о помощи, но я точно знал, что его мысли страшно далеки от благотворительности.

В любом случае девушка успела наговорить тысячу слов, пока он принял решение.

– Понимаешь ли, с комиссарами ты не сильно ошиблась, – начал он медленно. – Моё имя – Яков... Блюмкин!

– О, нет! Убийца Мирбаха[140]!!!

Лицо Александры побелело, глаза же осветились яростной решимостью. Совсем как у той девчонки в Кемперпункте, которую я не могу забыть уже третий год... Из-за которой, по сути, я не свалил в спокойные и сытые даже в условиях кризиса, Соединённые Штаты, а всё же решился на дикую и смертельно опасную московскую авантюру.

Гостья отчаянно дёрнулась вперёд – встать, вырваться, но Яков мягко толкнул её обратно на диван.

– погоди... Может быть, ты не совсем в курсе, но, знай: есть

[139] *Синайский кодекс (лат. Codex Sinaiticus) – список Библии на греческом языке. В настоящее время считается древнейшей уникальной пергаментной рукописью Библии.*

[140] *В 1920-е годы Я. Блюмкин был одним из самых известных людей Советской России. Большая советская энциклопедия в своём первом издании уделила ему более тридцати строк.*

правильные комиссары, и... Не очень. Вернее, настоящие враги. И вот они – эти самые враги – и творят последние годы все безобразия в Советской Республике. Они и отца твоего в лагерь сослали, и мать, и ещё многих хороших людей... Вон, Лёша не даст соврать, он сам недавно с Соловков. Поэтому наша задача – остановить гадов, причём любой, даже самой дорогой ценой.

– Так вы от Троцкого! – со странной смесью радости и ужаса в голосе догадалась гостя.

– Всё же какая умная девочка! – засмеялся Яков, добавив не без самодовольства. – Разумеется, не зря же я служил у Льва Давыдовича адъютантом и начальником личной охраны!

В купе повисла гулкая тишина.

– Так что же теперь? Вы должны будете меня убить? – отстранённо зафиксировала своё положение Александра. – Можно тогда я съем ещё немного шоколада?

Я протянул ей плитку...

Дьявольская логика ситуации попросту разрывала мою голову на части.

Беспомощный ребёнок, которого нельзя тронуть и пальцем, после признания Якова – страшная угроза моей жизни и нашей миссии, её несколько слов невпопад – и останется только молить палачей о милосердной пуле!

Хвастливый супершпионика, какой дьявол тянул его за язык[141]?

– Яков, ну и нах...я ты всё разболтал? – я чуть было не сорвался на крик.

– Но кто-то же должен варить нам чолнт[142]?! – обезоруживающе улыбнулся партнёр, засовывая револьвер под подушку на своей полке. – Сможешь? – он подмигнул девушке. – Нет? Так не бойся – я научу. И отцу мы твоему обязательно поможем, ну, разумеется, если всё получится как надо!

– Всё, всё сделаю, – выдохнула Александра, зажимая лицо в руках в тщетной попытке скрыть слёзы.

Вот и пойми партнёра...

[141] В конце 20-х Блюмкин приложил немало усилий, чтобы стать «своим» в среде специалистов по древним реликвиям. Без этого выгодно продавать дорогие артефакты не получалось.

[142] Чолнт – традиционный еврейский суп-жаркое.

Успел влюбиться?
В такого заморыша?
Бред, не верю!
Неужели отец так необходим?

Интерес у Блюмкина неподдельный и корыстный, однако для настолько долгосрочных планов нет нужды вербовать дочь учёного в нашу команду.

Разве что речь идёт о действительно больших деньгах...

Да нет, полная же чепуха, откуда им взяться в замшелых религиозных бумажках[143]!

Может, он на самом деле позаботился о питании?

Или я напрасно всё усложняю, тогда как за личиной террориста-убийцы прячется игрок и романтик...

«Который думает на два шага вперёд и заранее озаботился дополнительным рычагом контроля за тобой, дурачком!», – плеснул керосинчика в костёр сомнений внутренний голос.

И ведь попробуй возрази собственному разуму!

[143] В 1933 году по личному распоряжению И. Сталина весь кодекс (по иронии судьбы – за исключением найденных В. Н. Бенешевичем листов) был продан Британскому музею за 100 000 фунтов стерлингов (около 500 килограммов золота, или более миллиарда рублей 2015 года).

8. НЕРАВНАЯ ИГРА

**Карелия. Конец мая – начало июня 1928 года
23 месяца до рождения нового мира**

– Следующий! Вещи к осмотру!

Послушно, с неторопливой покорностью бывалого лагерника я поставил на низкую лавку предусмотрительно развязанную скрипуху[144] с барахлом...

Что делать, нравы у кемской шпаны простые, можно сказать – душевные, поэтому ценные вещички заключённые таскают с собой всегда: хоть на работы, хоть в центрокухню. А если дневальным назначен обколоченный старик, и нет надёжного соседа – на дальняк[145] «совещаться» с чемоданом шастают, нормальная практика недоразвитого социализма.

Но едва ли подобные сложности волновали красноармейца-охранника, который небрежно шурудил мозолистой крестьянской ладонью в «как бы моих» скудных пожитках, выискивая что-нибудь запрещённое между парой успевших зачерстветь в камень кусков серого хлеба, оставшихся от выданного на пять дней пайка, кальсонами, портянками и прочими необходимыми для выживания мелочами. Не обнаружив криминала, он глянул на чуть мешковатое, но почти новое пальто, роскошный заячий треух и потерял ко мне всякий интерес.

– Стройся, не задерживай, – равнодушно поторопил сзади нарядник, бывший комсомолец-передовик.

Ещё недавно с досмотром – а при малейшем подозрении и тщательным обыском выходящих на хозработы – никто не заморачивался. Многие обходились без конвоя вообще, всё равно не находилось идиотов, готовых бежать в зимнюю стужу.

[144] Скрипуха – корзина, узел, торба, чемодан.

[145] На дальняк – в туалет.

Однако с приходом весны условия резко ужесточились...

Краткий промежуток между таянием снега в лесах и открытием навигации на Соловки администрация концлагеря не без оснований считает последним шансом на побег.

Поэтому внушающих подозрение каэров и уголовников во избежание соблазна за периметр не выпускают вообще. Работать на волю идут лишь имеющие заложников, то есть женатые, с детьми, те, кто готов вытерпеть любые лишения, но не подставить под удар родных и близких. Ну и, разумеется, правила не писаны для пристроившихся на тёплые места блатных, типа меня.

Наряд у нас небольшой – всего пять человек. Ждать недолго...

– Конвоиров! – выкрикнул начальник конвоя.

От строя красноармейцев отделилось два парня. Один – небольшой, сухопарый, с острой крысёй мордочкой. Другой – здоровый, краснощёкий, явно немалой силы.

Двинулись споро по брехаловке[146], чуть не в ногу миновали затянутый в колючку створ ворот, по дамбе и мосту вышли на материк. В такт шагам под досками настила гати захлюпала вездесущая грязная жижа.

Примерно через километр свернули направо, с единственного местного большака на набитую с зимы вдоль ручья тропинку-дорожку, едва проехать возку.

Как миновали ведущую из Кеми на лесозавод узкоколейку – мужики расслабились, задобрили конвоиров махрой, да пошли кучкой с разговорами, попыхивая поганым дымком.

Километра через два не спеша добрались до березняка. Урок на день – два воза веток, обычно такой дают на троих. Но что делать, если желающих размяться, да набрать свежих травок для настоев оказалось заметно больше, и каждый готов заплатить бригадиру за такую возможность два-три рубля?

Перед началом, как водится, свалили баулы в кучку – так и ветки ломать сподручнее, и конвоирам спокойнее, когда пожитки и еда под их присмотром.

Уселись в кружочек, закурили ещё по одной, кроме меня,

[146] «Брехаловка» или «Невский проспект» – центральная улица Кемперпункта.

разумеется. Перекусили кто чем, заодно я похвастался об удаче, дескать: оставляют меня в Кеми при электростанции на лето, а то – и на весь срок.

Для закрепления эффекта поделился дефицитом – топлёным маслом. Немыслимо щедро по местным понятиям, но с моим «керосиновым местечком» можно позволить себе и не такие закидоны. Далеко ходить не надо: мой сменщик уж второй год сушит сухари, пересыпает толчёным сахаром, да раз в месяц отправляет мешок с оказией в Ленинград, жене и трём малым детям.

Наконец наряд разбрёлся по заросшей мелколесьем опушке, конвоиры, лениво отмахиваясь от немногочисленных весенних комаров, наблюдали за процессом. В мою сторону практически не смотрели – в их понимании я пристроился куда лучше не только местных вольняшек, но и заводских рабочих Ленинграда. Таких буржуев гнать с лагеря будешь – жаловаться начальнику пойдут, чтоб срок набросили.

И зря!

* * *

Поработав для приличия часик, я отошёл чуть дальше обычного, быстро накинул пальто на подходящий куст, сверху пристроил шапку и под таким сомнительным прикрытием рванулся вдоль всё того же ручья в сторону больших деревьев.

Ждал немедленного окрика, но добрых полминуты конвой ничего не замечал!

Впрочем, крика не было и после – сразу выстрелы. Но достать из винтовки мелькающего среди стволов сосен человека на без малого полтора сотнях метров? Да это фантастика!

Хотя подстраховаться не мешало:

– А-а-а-а! Су...и! – закричал на весь лес. – Уби-и-и-ли!

Сам же пригнулся ещё ниже и метнулся в сторону, за бугорок. Пусть погоняются лишнюю четверть часа в расчёте на премию за бегунка, а не сразу возвращаются в лагерь с докладом. Ведь время в моём положении – не деньги, время – жизнь!

Расчёт тут простой...

Если посмотреть на карту, то побережье Белого моря идёт почти «вертикально», то есть с юга на север. Главная и

единственная местная транспортная артерия – железная дорога до Мурманска. Она неторопливо извивается между болот, скал и рек параллельно морю, заходит в город Кемь, от которого по «деревянной» – то есть вымощенной стволами деревьев – дороге до Кемперпункта на Поповом острове[147] двенадцать километров «направо-вверх», то есть на северо-восток.

Леса около лагеря зэка основательно повывели на дрова, так что за вениками мы ушли подальше как от моря, так и от большака на Кемь, то есть километра на четыре «налево-вверх», или на северо-запад.

Таким образом, до магистральной «железки», на которой меня будут ловить в первую очередь, напрямую остаётся не более четырёх-пяти километров.

Но это уже не дороги или тропы, а настоящей карельской тайги, в которой одолеть за час более трёх километров нереально даже бегом. Хорошо хоть серьёзных болот и озёр не ожидается – побережье неплохо подсушили впадающие в реку Кемь ручьи.

С другой стороны, мои конвоиры каторжников бросить не могут, а бежать с ними со всех сил побоятся. Далее им нужно поднять тревогу – на выстрелы внимания никто не обращает, вокруг лагеря и без того палат день и ночь – командиру нужно собрать отряд, погрузиться на оставшуюся в наследство от американского экспедиционного корпуса полуторку «White TVC» и поехать в Кемь, так как телефонной линии, по счастью, до туда проложить не успели.

Скорость на дороге местные «шумахеры» держат чуть быстрее пешехода, иначе поездка по скользким доскам закончится в ближайшем кювете.

Так что ранее чем за пару часов они до станции они нипочём не доберутся.

Оттуда до места моего предполагаемого выхода из леса останется километров восемь-десять по насыпи железной дороги.

Верховые лошади по шпалам скакать не умеют, значит,

[147] Попов остров – Красный остров – Остров Октябрьской революции. Ныне носит название Рабочеостровск. Место расположения Кемской пересылки (Кемперпункта).

потопают бойцы «рабоче-крестьянской, непобедимой и героической» пешком и с песней.

На всё про всё выходит четыре часа, вероятнее – пять, а то и шесть, торопиться тут не любят, а одиночный побег за серьёзную проблему не считают.

Таким образом, я должен успеть с хорошим, аж двукратным запасом.

Следующая – и, скорее всего, главная! – угроза имеет четыре ноги и прекрасный нюх. А также скверную привычку гнаться тихо, без лая, а догнав – удерживать добычу на месте под угрозой немедленного растерзания.

Не думаю, что местные гэпэушники собрали-таки в Кеми чемпионов породы, но свежий след собачки держать просто обязаны.

Поэтому «железка» для меня не только проблема, но и спасение. Только на ней можно надёжно сбить преследователей с толку...

Бежал я практически налегке: в скрывавшемся досель под пальто и курткой худеньком рюкзаке «made in China» аккуратно уложены два килограмма самодельного пеммикана, то есть смеси из примерно равных долей сушёного мяса, толчёных сухарей, сушёного молока и сала. Для удобства использования состав спрессован в плитки по размеру спичечного коробка, каждый из которых завёрнут в папиросную бумагу. Остальные четыре кило растолканы по внутренним карманам куртки, специально нашитым из многоцелевой полушерстяной байки.

По прикидкам на сутки должно хватать четыре сотни грамм подобной сверхкалорийной смеси, таким образом, запас рассчитан на две недели пути.

Остальное суцья мелочёвка: соль, спички, обмылок, пара смен носков и плавок – тех несносимых полусинтетических вещей, что провалились со мной из 21-го века – накомарник собственного плетения, несколько самодельных стрелок для компаса, складной нож, десяток крючков, плотно закрытая склянка со смесью керосина и махорки, да маленький бутылек с нашатырём.

Сверх того: вокруг живота, вместо ремня, обмотано метров

двадцать тонкой, но очень прочной верёвки, плетёной из лучшего выданного из хвостов рыжих жеребцов волоса.

Всё прямо как на тренировке в прошлом, ничего не мешает воздуху свободы!

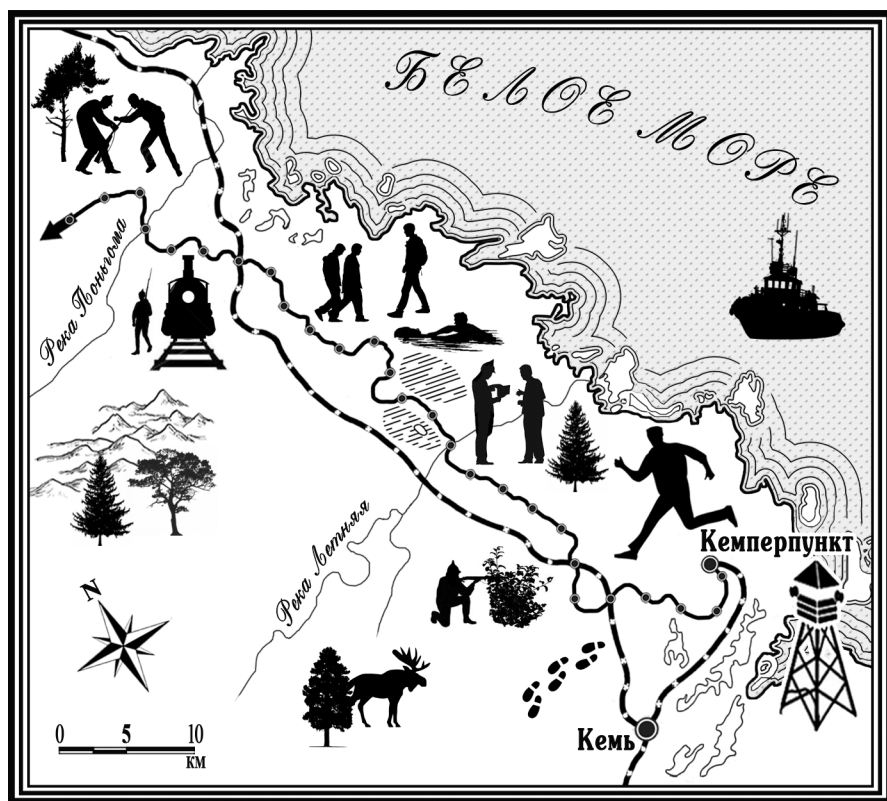
А уж он-то пьянит крепче спирта, оставляя в голове только одну мысль: ушёл!

Ушёл! Ушёл!

И лишь где-то на самом краю сознания бьётся в такт шагам непонятно где слышанный куплет:

«Идёт охота на волков,

Идёт охота...».

На адреналине я буквально летел через загромождённый буреломом лес. Баррикады стволов, сучья, лужи, ямы, пни, кустарник, сбившиеся в лёд остатки зимнего снега, молодая поросль – всё преодолевалось прыжками!

Лишь километра через полтора я малость выдохся, а заодно вспомнил, чем грозит самый никчёмный вывих.

Но всё равно, небольшое болотце из тех, где нога проваливается по колено в мокрую подушку из травы и мха, форсировал бегом, благо, что даже не пришлось сверяться с компасом – прошедший невдалеке поезд стуком колёс чётко обозначил направление.

К «железке» выскочил неожиданно, огляделся и сразу отскочил обратно за деревья – метрах в двухстах по шпалам шла парочка сомнительных граждан. Хорошо, хоть вдаль от меня, да ещё и подходили к повороту, но всё равно неприятно.

Отдышался, переложил припасы из карманов в рюкзачок, стянул и отжал промокшие верхние штаны, чтоб подсушились пока суть да дело.

Позаботился о пёсиках: собрал небольшой веник из молодой ёлки, густо замазал его махоркой с керосином. Затем, убедившись в отсутствии прохожих, забрался наверх, на насыпь, замечая следы прошагал сотню метров в сторону Ленинграда, оставляя за собой не очевидные, но всё же заметные мазки из отпавших хвоинок.

После небрежно прыгнул на противоположную от лагеря сторону и побежал дальше, на запад, почти полкилометра до кстати подвернувшегося болота.

Там обновил махорку на венике и «замёл» им уходящий в воду след, отметив свой путь радужными керосиновыми разводами.

Сам же вернулся к насыпи, высоко поднимая ноги и ступая след в след, тем более что пожухлая прошлогодняя трава не сохранила точных отпечатков.

Добравшись до рельсов, стянул с ботинок калоши «от товарища Кривача», а освободившиеся подошвы измазал в отработанном масле и угольном шлаке. Внёс, так сказать, запах паровоза, насколько я его себе представлял.

Затем припустил неспешными скачками со шпалы на шпалу в противоположную от северной столицы сторону, тщательно избегая наступать на жёлтый песок балласта.

Что, впрочем, вряд ли имело какое-то принципиальное значение после первого же благополучно пропущенного встречного железнодорожного состава.

Надо сказать, что «железка» мне не понравилась с первого взгляда, ведь до рывка я ожидал увидеть тут обычную социалистическую небрежность и запустение.

Однако, судя по состоянию пути, его содержали не хуже, чем коридоры в Шпалерке. Всё ухожено, откосы не только выкошены, но и кое-где выложены мозаикой с серпами и молотами. Каждый километровый столбик покрашен, понизу оконтурен звёздочкой из кирпича, цифры разборчиво прописованы свежей краской. Запасные рельсы, пахучие, свежeproпитанные креозотом шпалы завезены загодя и сложены в ровные ряды.

Подобное состояние подразумевало постоянный неусыпный контроль!

Километров через пять впереди замаячил знак, скоро я смог разобрать непонятную печную надпись «закрой поддувало»[148], а чуть позже из-за поворота показался мост через небольшую речушку. Аккуратная, выписанная каллиграфическими буквами табличка сообщила название – «Река Спиридоновъ».

Лучшего варианта ждать нельзя, поэтому я разделся донага, оставив, впрочем, на ногах ботинки во избежание травм ступней на камнях, пролез между шпалами в собранный из бруса короб мостовой фермы, повис на руках и спрыгнул вниз, прямо в неглубокую, но ледяную воду. Аккуратно, стараясь не поскользнуться, прошёл вниз по течению за поворот, там и выбрался на берег.

Расположился отдыхать на краю леса, с удобством, под доходящими до самой земли ветвями огромной ели. Наломал лапника на подстилку, на ноги – которые мне нынче нужно беречь пуще глаза! – намотал байку с «многоцелевых» карманов, подвязал верёвочками «а-ля крестьянин», обул калоши.

Наблюдать за железной дорогой не рискнул – мало ли какой нюх у собак. Хотя это больше похоже на паранойю, но, говорят, параноики в среднем живут дольше...

[148] Из-под паровоза прилично сорило на путь горящими хлопьями шлака и кусками пылающего угля. Поэтому знаки «закрой поддувало» устанавливали перед деревянными мостами в обязательном порядке.

В память об обильном завтраке – а также более чем калорийной еде прошлой недели – скудно заморил червячка плиточкой пеммикана, да чуток пожевал, чтобы сбить аппетит, пестиков – молодых сосновых побегов.

И пристроился к тёплому стволу – оплетать в сетку кистеня подобранный в речке камень-голыш весом в добрые полкило. Сдаваться ни чекистам, ни их четырёхлапым подельникам-зверям я не собирался при любом раскладе...

Года в тюрьме оказалось более чем достаточно для понимания – двадцатые годы не просто жёсткие, они откровенно жестокие – тут нет места моральным нормам 21-го века. Сочувствие в ЧК проявляют исключительно к своим, заметно реже – к «социально близкой» уголовной шпане, у которой есть хороший шанс отделаться десятком гематом да парой лет к сроку. Каэров типа меня гэпэушники и их прихвостни для начала избивают до полусмерти, а потом показательно, мучительно достреливают[149] на глазах всего лагеря.

Только покончив с изготовлением оружия, я позволил себе натянуть накомарник и задремать.

Проснулся неожиданно поздно, от холода, судя по всему, сильно за полночь...

Нервное напряжение от подготовки к побегу – да и от самого рывка! – не прошло бесследно. Но хочешь не хочешь, а нужно следовать плану. То есть выходить обратно на «железку» и плюхать по ней всё дальше и дальше на север...

* * *

Почему такой странный маршрут, да ещё и в одиночку?..

Как сошёл снег, вполне прозрачные намёки от соседей-кавторжан повалили ко мне чуть не ежедневно. А что: парень здоровый, неплохо одет, с едой и деньгами. Вот только...

Уж не знаю: большая половина из этих доброхотов пытались всего лишь заработать премиальную пачку махорки за раскрытие заговора, или меньшая?..

[149] Закон, карающий побег за границу смертной казнью, был издан много позже, 7 июня 1934 года, но реальность в этой части УК заметно обгоняла теорию (побег рассматривали как государственную измену, соответственно и карали).

От любых вариантов я отказывался сразу и наотрез.

Это только кажется, случись что без напарника – сразу сгинешь без следа. Побег – совсем не турпоход, тут, спасая друга, не выйдешь к деревне и не вызовешь вертолёт МЧС с врачами и психологами. В наличии всего две опции: тащить травмированного или заболевшего партнёра на собственном горбу или... Пристукнуть без мучений.

Несложно угадать реальный выбор...

Увы, жизнь далека от сказок...

Кроме того, эки из священников и интеллигентов в третьем поколении – отвратительные бегуны. Даже настоящая контра, офицеры, белая кость...

Тьфу!

Я был поражён, насколько низки их реальные физические кондиции. Нет, на коне да с пашкой или с винтовкой – у меня нет против них ни единого шанса. Зато по части лошадиной спортивной выносливости...

Такое впечатление, что приличного кросса эти господа ни разу в жизни не испытали.

А я, однако, не так давно пробегал на летних и осенних спортивных сборах полсотни километров за день, а зимой на лыжах – и того более!

Про побег с урками и говорить нечего...

Конечно, с опытом и выносливостью у них всё хорошо, такое впечатление, что естественный отбор оставил в живых только самых сильных и ловких...

Но спасибо фильмам 21-го века – посмотрелся и наслушался: стать живой консервой желание отсутствует.

Есть и ещё одно противоречие: уголовники бегут строго на юг, в родной Ленинград, на севере, в Мурманске – как и на западе, в Финляндии – им делать абсолютно нечего. Риск побега для них далеко не смертельный, поэтому большая часть нагло ломится в товарняки – а то и в пассажирские вагоны?! – надеясь скорее на удачу, чем расчёт.

Везёт, кстати, нередко, если верить рассказам – примерно одному из десятка. Скорее всего потому, что гэпэушники гонятся за ними с лентой.

На восток направляются исключительно отчаянные хлебопашцы, у которых семьи сосланы в Сибирь. Чекиста или

неудачно подвернувшегося вольняшку – за горло, деньги – в карман, а дальше... Бесследно раствориться в кочующих по стране толпах «беспачпортных» лапотников, тем более что поезда в те края никто толком не проверяет. Уже за Байкалом можно найти настоящий крестьянский рай без помещиков и коммунистов – скрытые глубоко в тайге деревни, где в достатке есть хлеб, молоко и американская мануфактура, а покой охраняется своей дружиной с японскими винтовками.

Совсем иное дело каэры...

Им, вернее нам, путь один – в Финляндию. Причём «отсюда» туда пробираться ближе и, возможно, даже проще, чем из Ленинграда. Напрямую всего-то две с половиной сотни километров...

Но непроходимая тайга, реки, озёра и болота стерегут надёжнее всяких заборов. Более-менее обитаемые места тянутся исключительно вдоль рек, например, таких, как Кемь.

Там наезжены дороги, нередки деревеньки, хутора, да и вообще встречаются люди.

Можно зайти в крестьянский двор, магазин и свободно купить хлеба, рыбы или какой другой снеди.

Неделя пути – и вот она, страна Суоми, только обойди заставу.

Идиллия...

Только...

Если забыть, что в ГПУ служат не окончательные идиоты, быстренько выслать засады на все ключевые точки у них ума хватит.

Слабая надежда и на местных жителей: каждому, кто сдаст «бегунка» властям, обещана нехилая награда, например – десяток пудов муки. С эдаким богатством семья может жить в достатке и неге целый год. Поэтому крестьянушки не просто ждут, когда оголодавший каторжанин придёт просить хлеб... Нет, при известии о побеге многие выходят в леса на охоту за человеком аки за зверем...

Так что – как все нормальные герои – я собираюсь идти в обход: рвануть по «железке» на сотню-полторы километров севернее, ближе к Кандалакше, а уже оттуда уходить вдоль реки Канда на запад.

Крюк изрядный, но...

Во-первых, граница там куда как ближе, чуть более сотни километров[150].

Во-вторых, ГПУ в жизни не придёт в голову искать меня в тех краях!

Причём по «железке» я планирую передвигаться исключительно ночами, уже достаточно светлыми, и пока все нормальные люди спят – делать от заката до восхода волчьим скоком, а то и просто бегом, километров пятьдесят-шестьдесят...

За подобными оптимистическими размышлениями я не только успел выбраться из леса, но и шутя отмахал пяток километров по шпалам.

Для удобства разделся до термобелья – самое то при температуре около плюс пяти! – поэтому бежалось легко, совсем как на тренировке, и я надеялся без труда наверстать график, сбитый поздним стартом.

Непосредственная опасность, казалось, миновала – ну нельзя же в здравом уме и твёрдой памяти поверить в способность собак взять мой след после всех хитростей. Да ещё учитывая чуть не десяток прошедших мимо поездов, и то, что я постарался не оставлять вещей со «своим» запахом – оставленные вместе с торбой кальсоны и портянки были чужими, а брошенные пальто и шапка – обильно обработаны керосином «от вшей»...

Спасло меня только чувство голода, чёрный цвет термобелья и удачное направление ветра...

Для перекуса я перешёл на неторопливый шаг, поэтому смог загодя почуять подозрительный запах дыма.

– Неужели засада? – беззвучно прошептал я сам себе. – Или какие рабочие заночевали?

Для беглеца разница невелика – попадаться нельзя ни тем, ни другим. Но и останавливаться не дело...

Оглянулся назад – стена недалёкого леса надёжно скрывала мой профиль.

Бесшумно переставляя ноги, я двинулся вперёд, и внезапно

[150] После советско-финской войны 1939-1940 года большая часть прилегающей к реке Канда (и городу Кандалакша) общины Салла была присоединена к Советскому Союзу.

совсем рядом, буквально метрах в двадцати справа, на взгорке, почти вплотную к низкой в этом месте насыпи проявилось яркое пламя костра, по всей видимости, ранее скрытое каким-то препятствием. Рядом легко угадывалось не маленькое строение – изба или сарай.

Но самое плохое – освещённые колеблющимся светом люди носили на голове островерхие шлемы и вовсе не думали спать!

Стараясь не дышать, я развернулся и беззвучно отшагал назад, всеми силами стараясь избежать хрустящих кусков шлака.

Выбеги на них с размаху, да ещё предупреди топотом, чтобы успели приготовиться стрелять – всё, пиз...ец!

Вариантов не много...

Слева, насколько я смог рассмотреть под светлым даже ночью карельским небом, простиралось болото. Уходить надо в лесок справа и обходить по большой дуге...

С простого и понятного пути – опять в бурелом и болота?

Выждать до утра, пока уйдут?

А если нет, то терять день?

Решить не успел, гул и свет позади возвестили о приближении очередного состава. Молнией сверкнул дерзкий план: под его прикрытием пробежать мимо бивака!

Сказано – сделано, тем более вся подготовка – залечь за кустами, чтоб пропустить паровоз, добавить черноты на и без того далеко не чистые лицо и руки. И – ходу!

Заодно прикинул, есть ли шансы зацепиться за вагон – всё же лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Пристроился раз, другой...

Увы, без шансов – как ни медленно идёт состав, а свой «тридцатник» в час он делает уверенно, прыгать на такой скорости без риска выбить суставы способны только каскадёры в кино. Вот если бы подловить на подъёме или резком повороте...

Да откуда им взяться в этом краю озёр и болот.

Но, так или иначе, к моменту появления трёх хвостовых огней я успел отбежать на добрую сотню метров – самое время отдышаться.

И только тут прояснился размер проблемы...

Насыпь шла промеж двух болот, краёв которых я попросту не мог разглядеть. Таким образом, после ухода состава моя тушка будет выделяться на фоне светлого неба, как на экране!

Пришлось наддать ещё, а потом без сил свалиться под насыпь и, отдышавшись, чуть не час тащиться на карачках по мокрой от росы траве...

Следующее приключение не заставило себя долго ждать. В медленно накатывающих с востока лучах рассвета навстречу мне рысила парочка подозрительных типов.

Загодя, пока не заметили, я удалился за деревья и скоро смог услышать обрывок разговора – ничего связного, один лишь пацанский мат.

Выбраться не успел – следом за разведкой показалась основная группа, аж полтора десятка урок. Попасть в лапы таким, пожалуй, ещё хуже, чем бойцам РККА.

– Прямо в гости к солдатам ведь идут, – констатировал я факт вслух. – Хотя... Пока передовых пацанов повяжут – остальные разбегутся.

Тут до меня дошло, насколько удачно разбит бивак чекистов, или кто там они есть!

С пригорка да перед болотами с обеих сторон вся «железка» – как на ладони чуть ли не на километр вперёд. После рассвета уголовничкам не поможет даже разведка – от винтовки не убежишь промеж кочек по колено в воде. Без спешки с упора достанут за много сотен метров. Да и с обратной стороны костёр не напрасно прикрыт...

Подобных совпадений не бывает, это – не случайный лагерь, а выверенное место засады!

Причём не засада персональная, на меня, любимого, а...

Постоянная!

Зря, выходит, я так сильно за собак переживал – у местных гэпэушников и без зверей дело неплохо поставлено...

Обдумывая новую концепцию охраны лагерей, я опять перешёл на бег, разумно предположив, что после прохода банды путь так или иначе будет свободен.

Однако как следует разогнаться не удалось...

Сначала пропускал встречный пассажирский, а потом – уже под лучами взошедшего солнца – вообще упёрся в

одинокого как и я пешехода, споро идущего на север с модным брезентовым рюкзаком за плечами.

Пришлось сбавить темп, чтобы оставаться позади на грани видимости – совсем как в будущем на трассе автомобилисты, опасаясь засад ГИБДД, пристраиваются за водителем-донором.

Надо сказать, расчёт оправдался сполна. За небольшим однопролётным мостиком через реку с оптимистичным названием «Летняя» моего лидера «взяли», причём – очень даже грамотно: один из патрульных вышел навстречу из леса, а второй – остался в засаде, аккуратно держа путешественника на мушке.

Понять суть проверки в деталях я не сумел – слишком далеко, но дотошность неприятно удивила. Бумаги разглядывали чуть не с лупой, а потом ещё обыскали с ног до головы. Но всё же в конце концов отпустили, отжав в свою пользу какую-то жестянку.

– Как же уголовники прошли мимо? – спросил я сам себя и тут же с лёгкостью ответил. – Ворон ворону глаз не выключет, полюбовно договорились.

Двоим-то бойцам против сильной и отчаянной банды ночью никакие винтовки не помогут. Шутя подкрадутся и возьмут в ножи.

Увы, за моей спиной не следовал отряд кавалерии Соединённых Штатов. Плюнув в сторону патруля, я резко свернул в сторону, заранее прикидывая, как намочить минимум вещей на переправе...

* * *

Обратно к насыпи я вышел часа через четыре, уставший, изъеденный комарьём и страшно злой...

Зажатая в тесных скалах речка оказалась хоть и узкой, но глубокой, быстрой и ледяной в самом буквальном смысле этого слова – в тени под скалами тут и там белели белые наросты.

О броне не приходилось и мечтать, пришлось связать из хвороста плотик для вещей и плыть, толкая его перед собой полсотни метров наискосок до «проходимой» расщелины в сплошном камне берега.

Путешествие вдоль железной дороги нравилось мне час от часу всё меньше и меньше, но сил хватило только выбрать хорошее место для сна...

Поспав часов шесть, я позавтракал и решил повторить опыт гонки за лидером – похоже такой метод передвижения куда спокойнее, чем шарахаться ночью от каждого куста с риском влететь в засаду на ровном месте. Благо в «донорах» особой проблемы не было...

Не Пикадилли, разумеется, но раз в час-два кто-нибудь да проходил.

И всё бы ничего, но...

Скорость гружёного барахлом пешехода – малость не то, на что я рассчитывал свои пищевые запасы. Плюс к этому – тяжело скрываться от всех первым. С одной стороны – дело житейское: пару раз при виде меня кто-то успевал прятаться куда быстрее, но с другой – обнадёживать себя не стоит, патрули наверняка подробно расспрашивают легальных путников о подозрительных встречах...

Несмотря на все опасения, десяток километров удалось миновать на удивление спокойно. Ни рек, ни болот, вот только справа стылое море приблизилось чуть не вплотную к дороге, резко сужая тем самым свободу манёвра, а слева лес постепенно переходил в скальник – сомнительное счастье, случись бежать от патруля.

А затем из-за поворота вынырнула странная конструкция: невысокий столбик, на нём – жёлтое «солнышко» диска с чёрно-белой каймой по краям и жёлтый фонарь, да уходящий вдаль долгий ряд проволоки, столбиков и роликов.

– Вот же бл...ть! Не иначе, как станция рядом! – я не смог сдержать мата.

Делать нечего, смог только воровато оглянуться да коротким аккуратным скачком запрыгнуть на гранитную глыбу, покрытую тонким слоем скользкого мха – первую из шального нагромождения, ведущего куда-то наверх.

Хорошего я не ждал, но окаянная реальность карельской природы превзошла всё досель испытанное...

Поверх хаоса неохватных каменюг каким-то чудом

росли сосны, а между ними – заросли можжевельника и непонятных кустов, через которые приходилось не проходить, а продирааться.

Для пущей остроты впечатлений то тут, то там открывались гигантские ямы – настоящие ловушки, наполненные талой водой.

Поскупись я когда-то на ботинки с подошвой «Vibram» [151] – скорее всего история моего побега здесь бы и закончилась. Хвала будущему, высокие технологии 21-го века не подвели, я сумел забраться на хребет – необходимо было понять, сколь велика станция, иначе говоря: какого размера петлю вокруг неё мне придётся заложить в свой маршрут.

Увиденное обрадовало – под горой, спускавшейся вниз крутым обрывом, расположился тривиальный разъезд, то есть небольшой участок двойной железнодорожной колеи.

Но как же он был оборудован!

С обеих сторон, у стрелок – ладные двухэтажные домики-башенки с широкими окнами. Вдоль стороны, выходящей на море, и промеж путей – отсыпанные песком дорожки, вдоль них – керосиновые фонари на столбах.

А ещё – чуть ли не два десятка бойцов ГПУ, обстоятельно изучающих снизу, сверху и с боков вагоны товарняка.

Отменная бы из меня вышла отбивная, сумею я прошлой ночью забраться в поезд!

Ночевать пришлось среди камней – прыгать по ним в сумерках представлялось особо циничной формой самоубийства.

Укрывшись в расщелине, я рискнул развести костёр – с востока, от берега моря дул сильный устойчивый ветер, на западе же простиралось бескрайнее море скал и деревьев без малейших признаков присутствия человека.

Запарил в подобранной на железной дороге жестянке сосновой хвои, впервые за три дня попил горячего. Заодно устроил постирушки – ведь уж в чём-чем, а в воде недостатка не ощущалось.

Пока ломал сосновые ветки для оборудования спального

[151] *Мировой лидер в производстве подошв для альпинистской и трекинговой обуви. Подошва производится из очень прочной резины, обладает отличным сцеплением с поверхностью.*

места – не удержался, попробовал откусить от мягкой и влажной на вид полоски, тянущейся с места слома между корой и собственно древесиной.

И не удержался от восклицания:

– Чёрт возьми, вкусно-то как!

Такое и в старое доброе время не грех попробовать в охотку, а уж после нескольких полуголодных дней – пойдёт за деликатес[152]!

Сладко и сочно, и плевать, что с изрядной горечью, отдаёт смолой да вязнет в зубах.

Тут я припомнил нативный карельский хлеб, выменянного в лагере за керосин у вольняшки из местных скорее из интереса, чем из реальной надобности. Та булка подкупила меня непривычно красивой, поджаристой коркой, но стоило её разломить – мякиш натуральным образом высыпался в испуганно подставленную ладонь. Бросать в рот его пришлось отдельно.

На мой недоумённый вопрос: «Что за х...ня?!», – пожилой карел ответил как само собой разумеющееся. – «Так то – от коры, всего-то четвертушку хозяйка ложит...», – и торопливо зачастил в опасении, что я откажусь от меня: «Не сумлевайся, паря, добрый хлеб. У нас все так едят. Вот на Лехте-озере всю половину корой кладут[153]!».

Тогда я подумал на какое-то специальное карельское растение. Теперь же по привкусу сразу разобрался – в карельский хлеб добавляли части коры самой обычной сосны.

– Нет, чтобы сразу спросить из чего, – ругнулся я вслух. – Хотя... Лучше поздно, чем никогда.

Ободрав от корней до высоты собственного роста молодые окрестные сосенки, я стал обладателем целой кучи весьма недурной еды. Насытившись продуктом в оригинальном виде и, не представляя процесса превращения коры в муку, решил

[152] Молодая заболонь сосны (а также берёзы и многих других деревьев) пригодна для употребления в пищу (особенно весной). До середины 20-го века в Сибири заготавливалась в большом количестве, также значительное место занимала в рационе карелов и якутов.

[153] Переработанный фрагмент из романа Евгения Рысса «Шестеро вышли в путь», действие которого происходит в Карелии в 1920-е годы.

сварить кашу. Не прогадал. Масса разбухла, стала однородной, а сдобренная кусочком пеммикана – показалась настоящей пищей богов.[154]

Именно в этот момент с сытым желудком, в тепле и относительной безопасности я окончательно перестал сомневаться в успехе.

– Дойду! Непременно дойду!

Проснулся с рассветом, прекрасно отдохнувший и полный сил. Допил настой, подкрепился остатками каши. И уже час спустя шагал по изрядно надоевшим рельсам вперёд, на север.

Скоро попались и очередные путешественники...

По полотну навстречу мне неторопливо двигались двое мужиков, один – постарше, лет под 50, второй – помоложе, лет 20-25. Оба невысокого роста, одеты в невыразимое буро-серое рваньё и лапти, лица заросли давно не стриженными бородами. Весь их багаж состоял из микроскопических узелков.

Скрываться в горах от таких колоритных персонажей мне показалось совсем уж лишним.

Подходя, они дружно, чуть не в один голос поздоровались со мной. Я ответил тем же, и на всякий случай широко улыбнулся. Наверно, необычность моей мимики придала старшему решительности.

Он остановился и спросил:

– Хозяин, а у ты спичек нетути?

Чего-чего, а этого добра я взял с запасом. Незаметно сбросив в кармане с руки петлю кистеня, вытащил уже початый коробок.

– Держите, уважаемый.

Мужик, было, протянул руку, но враз конфузливо отдёрнул.

– Тако бы и табачок имейца? Я ж об спичках токмо так, глянуть, каков ты человек есть.

[154] Как ни странно, мне не удалось найти в мемуарах узников (и беглецов) с Соловков, ББК и окрестных лагерей упоминаний о использовании заболони в еду. Хотя документальных фактов «еде из коры» в Карелии более чем достаточно, начиная от «Калевалы» и заканчивая записками К. Бергшитрессера, В. Дашкова, Ф. Ладвинского и др.

– Увы... – развёл я руками. – Понимаете ли, не курю совсем, – и доверительно добавил, так как давно убедился, что в некурящего парня местные не верят наотрез. – Врачи запретили, сказали, что и года не протяну, если не брошу немедленно.

– Вон оно чё... – протянул собеседник, явно пытаюсь осознать полученную информацию. – Мы ж ден пять как не курили. Тянет тако, не дай господи!

– Погодите чуток, – я вовремя вспомнил, что в советской стране курят примерно то же самое, чем я собирался отпугивать собак. – Курить-то, и правда, не курю, а вот приятели иногда балуются.

Сняв рюкзак, залез в боковой карман и выудил заботливо завёрнутую в промасленную папиросную бумагу пятидесятиграммовую пачку. Отсыпал добрую половину в трясущиеся, покрытые трещинами и мозолями руки.

Мужики мгновенно свертели из куска газеты самокрутки, прикурили и, окутавшись клубами удушливого дыма, уселись прямо на оголовок рельса.

Я пристроился напротив с вопросом:

– Вы хоть откуда такие будете? Из лагеря поди освободились?

– Та нет же ж, по вольному найму мы, лес валили, – охотно отозвался молодой.

Он рассматривал мою некурящую персону с тем же старанием, что появляется у детей на экскурсии в зоопарк при виде фиолетового языка у жирафа. Вроде давно знакомая по картинкам животиная, а взяла и удивила на ровном, можно сказать, месте.

– Насилу тока живы вырвались, – мрачно добавил старший.

А младший тут же дополнил с издёвкой:

– Заработать собирались! Вот оно и получилось, – он протянул вперёд свою ногу в рваном лапте, из которого во все стороны торчали ошмётки обмотки. – Весь заработок такой же ж.

– Ох, ты, господи! – широко перекрестился его напарник. – Нонче вона, люди бают, в лагере-то лучшее, чем на воле. Хлеб, кашу дают. А на воле чо? – он с видимым наслаждением затянулся. – Вот те и вся воля туточки. Здеся куш вербовшики посулили, а хлеба, одёжи нету, жить негде, гнус жрёт поедом али мороз кусает, до дому начальник не пушает, документу

нипочём не даёт. Мы ж ево Христом Богом молили, пустите, видите ж, мрём тута. Отощавши ещё с дому, сил нету, а баланы пудов пяток тянут, а то и поболе. А их ж по болоту тягать! Ну, пожалел он нас, всё ж тако добрый человек, дал документу. Тако идём таперича, тута хлеба просим, тама – ещё чо. Верстов сто почитай на чугунке проехали, нету боле денег совсем. Не чаем, как до Питера добрести.

– А в Питере чо? – зло сплюнул молодой. – Накормят тебя в Питере, как же ж.

– В Ленинграде накормят, – вмешался я в перепалку. – Большой город, не откажут, а лучше к ремеслу пристраивайтесь, – вспомнив историю, продолжил. – Только не вздумайте на Украину или в Поволжье идти, недавно слышал от учёных друзей – голод там ожидают великий через два или три года.

– Тако будем сызнаова христарадничать, – покорно согласился старший, совершенно не обратив внимание на предупреждение.

– Одежду чаял справить, – удивительно, но молодого парня тоже не заинтересовали слова о грядущем голоде. – А теперь домой гольшом придём. Ну, пошли, чо ли?

Двое вольных граждан СССР поднялись на ноги. Старший умильно посмотрел на меня.

– Можа, хлебца лишку найдётся?

– Хлеба нет точно, – ответил я, поднимаясь вслед за ними. – Но знаете: я же учёный-биолог! Мне и не нужен хлеб совсем, вот, – я протянул горсть захваченных пожевать в дороге подсохших кусков «подкорья».

– Не, – враз поскучнели мужики. – Благодарствуем, но режка-то[155] у нас есть покуда, только ей и пробавляемся. Да только силы с неё нет вовсе!

На этом и расстались...

Как ни хотелось мне расспросить о выживании на подножном корму крупнейших в мире специалистов этого дела, русских крестьян, но неуместно. Назвался учёным как-никак, вредно усугублять странности, когда за спиной застава на заставе.

Но странное безразличие, выказанное мужиками по поводу

[155] Режка – в данном случае ржаная лепёшка с примесью муки из сосновой заболони, мезги.

грядущих событий, накрепко врезалось в память. Разгадка пришла лишь много позже: если говорить научным языком, я превысил горизонт планирования, а говоря проще – нельзя напугать грядущими ужасами тех, кто без малейшего преувеличения живёт некрасовскими словами «а кабы к утру умереть – так лучше было бы ещё»...

* * *

Едва уйдя за поворот, я перешёл на бег – хотел догнать лидера, старика с козой на верёвке. Да ещё сзади замаячили какие-то дорожные рабочие, не иначе, обходчики. Кто разберёт, что у них на уме, и какие в их тусовке приняты расценки за бегунков.

Старания не помогли, спокойных километров вышло до обидного мало.

Впереди показался невысокий, но длинный мост через реку, аж на двух быках, и я с ходу свернул в лесок – подыскивать наблюдательный пункт.

Против удивления, моего «донора» никто не задержал ни с ближнего конца, ни с дальнего.

Пропыхтел дымом паровоз навстречу, затем реку пересекла группа неплохо одетых мужчин, поболтавшая о чём-то минут пять с догонявшими меня обходчиками, и опять поезд, только уже попутный пассажирский.

Хоть как ни рассматривай сооружение, но нет ни постоянного караула в специальной избушке, как на Кемском, значительно более крупном мосту, ни тайной засады в лесу, как на мелком мостике через Летнюю.

Немалая радость – пробежать километр за пять минут куда лучше, чем тащиться в обход полдня. Заодно можно утолить жажду в реке с название «Поньгома» – оказалось, что даже в таком насыщенном ручьями и болотами краю тяжело выживать без фляги.

Всего-то спуститься по заботливо выкошенному с осени откосу...

Чтобы нос в нос упереться в позёвывающего патрульного!
Дрыхли, су...и!

Кистень, предусмотрительно зажатый в кулаке правой руки «всегда, когда возможно», вылетел вперёд натурально от испуга, то есть быстрее, чем я успел подумать. Есть, однозначно есть польза от тренировок, которыми я баловался несколько последних дней, переживая длинные вереницы вагонов и нехстати бредущих людей.

Главное, попал более чем удачно – голыш смял скулу и висок уже немолодого, скверно бритого бойца в выцветшей гимнастёрке и будёновке.

На мгновение я впал в ступор, но мат пополам с яростным рычанием от вывернувшегося из-под низкого моста напарника заставил действовать: я что было сил рванулся навстречу к уже прикладывающему винтовку к плечу чекисту, прикидывая, как бы половчее нанести удар кистенём.

Безуспешно – использовать мозг в таком деле явно вредно...

Пока «долетел», пока замахнулся – противник пригнулся и, пропуская снаряд над головой, даже спустил курок. К счастью, противник явно не учёл мою скорость, а то и вообще по лагерной привычке рассчитывал стрелять в спину бегущему.

Так или иначе, но моя голова – а может, грудь, уж не знаю, во что он там целился? – успели миновать лишённое штыка дуло[156].

Ещё доля секунды, и мой откормленный в благословенном 21-ом веке центнер – успевший ужаться за время пребывания в СССР всего лишь килограмм на пятнадцать – впечатался в заметно более лёгкое тело, легко снося его в реку.

Винтовку этот гадёныш так и не выпустил, до последнего пытаюсь передёрнуть затвор. Мне пришлось прыгать следом и наваливаться сверху.

Никогда бы не подумал, что смогу кого-нибудь утопить, а вот, случилось же!

Вылез из реки, за шкуру выгацил на камни внезапно потяжелевший вражеский организм.

На удивление, и этот боец оказался совсем не молод – минимум лет тридцати пяти, а то и сорока, вдобавок куда больше

[156] Главный герой ошибается, скорее всего у его противника в руках карабин Мосина образца 1907 года. Крепление для штыка на нём не предусмотрено. Данное оружие нередко использовалось для вооружения вспомогательных и пограничных войск.

похож на конторского работника, чем на бойца. Вместо аккуратного армейского галифе – стёганные ватные штаны, одна штанина снизу порвалась в борьбе, поэтому хорошо видны лаковые кожаные сапоги. Петлицы со знаками различия отсутствуют вообще, хотя звезда на будёновке в наличии.

Узнавание не заставило себя долго ждать.

– Так это ж местные вохры! – воскликнул я.

То есть патрульные из ненавистой лагерной охраны, набираемой из осуждённых по разным статьям чекистов. Зря я полагал, что эти сволочи исключительно в лагере службу тянут, они, оказывается, ещё и на волю в секреты ходят, да ещё с оружием.

С души сразу отлегло: одно дело лишить жизни крестьянского или рабочего паренька, чуть не насильно призванного в ряды «непобедимой и легендарной»; совсем другое – пришибить гадину, скорее всего, вчерашнего убийцу, насильника или грабителя, которого принадлежность к партии и ГПУ высоко вознесла над всеми иными кастами заключённых.

Однако рефлексировать некогда, да и после того, что пришлось увидеть и испытать в Кемперпункте...

Короче говоря, блевать и стонать ни капли не тянуло. Куда больше меня волновал тот упрямый факт, что после гибели патруля за виновным обязательно устроят грандиозную охоту со всем возможным прилежанием. Или хуже того, объявят приз за голову. Бочку керосина, центнер муки, телегу пряников...

Да мало ли в мире всеобщего дефицита ништяков, ради которых местные пейзажи примутся охотиться за моим скальпом, как фанаты за новым айфоном?

Оставаться надолго под мостом категорически вредно для здоровья. Но и бросать всё как есть глупо, наоборот, нужно тщательно прибраться. Пусть начальники догадываются, сами по себе вертухаи ушли глушить первач в ближайшую деревню или плывут в Белое море на прокорм трески.

Кстати, о зелёном змии, как о чёрте – только вспомни, и он немедленно объявится. Одного взгляда на засаду хватило, что б понять – не спали местные воины-охранители, а спокойненько, с колбаской, с салцем и солёным огурчиком пользовались самогончик из пузатой, как бы не двухлитровой бутылки

зелёного стекла. Лишь изредка для порядка поглядывая: не крадётся ли через реку враг, не ползёт ли по шпалам моста добрая подательница «млеко, яйки, курка, шнапс»!

Впредь будет вохре наука: не пей на посту!

Не удержался, отпластнул толстый круг полукопчёной непознанного сорта, ломоть хлеба, соорудил бутерброд да полез на насыпь, пока свидетели не пожаловали.

Открывшаяся картина, мягко говоря, не порадовала...

На запад, вверх по течению, наверное, больше чем на километр, простирался прямой как стрела пережат. Течение не казалось особенно сильным, скорее всего, из-за значительной ширины русла, глубина тоже не пугала: где-то – выше колена, где-то – ниже пояса, может, где-то больше или меньше. Дно сплошь усыпано крупными валунами, примерно, с голову человека и более, кое-где они громоздились грудками, в других же местах выступали цельные скалы.

На востоке ситуация не сильно лучше: поворот русла заметно ближе, всего пара сотен метров. Вроде бы каменюк поменьше навалено, но, видимо, просто река сужается и становится глубже.

Что пнём об сову, что совой об пень...

Тащить трупы по такому месиву на глазах любого путника – больше похоже на самоубийство. Разве что положить на удачу... Так не три же раза подряд, учитывая барахло и продукты!

Спрятать жмуриков в ближайшем лесу?

Не вариант, найдут в два счёта по следам.

Притопить под мостом?

Мелко, в солнечный день дно сверху видно как на ладони.

Сбросить в реку ниже по течению?

Уже получше, но где-нибудь в устье наверняка стоит деревушка, там и выловят.

Тащить до моря?

Кто его знает, какой тут берег, если пологий – только ноги зря собью. И не факт, что будет прок – после переноски тяжести в несколько этапов останется такая тропа, что месяц не зарастёт.

Спустился в оборудованный бивак, плеснул в чашку

самогона на пару пальцев, выпил – тюрьма давно отучила от брезгливости – похрустел огурцом...

– Можно персонально для вас соорудить плотик, – с особым цинизмом я обратился к лежащим в нескольких шагах покойникам. – Да отправить с вещами по волнам вниз по течению. Авось, попадётся по пути подходящий глубокий омут. Придётся серьёзно поработать, но благодаря вашей товарищеской заботе... – я указал зажатой в руке колбасой в сторону топора, воткнутого в бревно у кострища. – Подобная задача может быть решена уже сегодня к вечеру. Однако! – тут я поднял солёный огурец вверх, как жезл. – Не люблю тривиальных решений! Неужели в бандитских сериалах двадцать первого века не сыщется идеи получше? Например, поджечь тайгу? Разобрать рельсы, пустить поезд под откос? А что, неплохо: один герой – захлебнулся, второго – бревном пришибло. Есть ещё вариант имитировать нападение инопланетян, пусть мотают срок вместо меня... В самом деле, не могли же вертухаи просто так взять да и пришибить друг друга?! Или... Эврика!!!

Уже побывавшего в реке чекиста-любителя я затащил обратно в воду, под руку подложил гольш наподобие того, что в кистене – только крупнее и тяжелее. Впрочем, каменюг и без того вокруг хватало... Поперёк туловища приспособил винтовку, совсем «как было». Поверх композиции навалил вохровца с разбитой головой так, как будто это он и утопил напарника прямо перед тем, как пал от его вооружённой камнем руки.

По карманам шарить не стал – противно, но в одном не удержался – снял часы. Настоящий «Павель Буре» с удобным кожаным браслетом-футляром для наручного ношения, подарочные, с тиснением на задней крышке от 1910 года «За отличную стрельбу из пулемёта».

Трофейные припасы для сохранения правдоподобия пришлось раздраконить не более чем наполовину.

Взял пару полукилограммовых[157] банок «Петропавловские консервы. Мясо тушёное. 1916» – если не отравились вертухаи, то согдится и мне. К ним – пакет макарон, пшёнки, чай, пару варёных яиц, круг колбасы, почти всё сало и две булки хлеба.

[157] На самом деле банка всего лишь «фунтовая», т. е. 409 грам.

Из предметов материальной культуры раннего социализма самой ценной находкой оказался бинокль в выдавшем виды кожаном кейсе.

Кроме него захватил байковое одеяло, подошедшие по размеру сменные сапоги, кусок брезента, крохотную подарочную фляжку со спиртом, а также маленький медный котелок.

Насилу упихал всё барахло в рюкзачок.

Полбутыли самогона вылил в реку, ощутило увеличивая тем самым гипотетическую степень опьянения убитых, раскидал в беспорядке часть вещей, ну и, разумеется, уничтожил все следы своего пребывания, какие нашёл.

Послуживший верой и правдой кистень закинул подальше на глубину – нечего с собой таскать лишние улики.

Реальные шекспировские страсти вызвал единственный топор. Брать или не брать – вот в чём вопрос. Отказаться не смог, пусть следователи сами придумывают, куда делся столь необходимый инструмент. Утопили в драке, прое...ли или обменяли на алкогольную продукцию местных селян.

Оставалось самое интересное: спрятаться и посмотреть – «чем дело кончится, чем сердце успокоится».

И при этом качественно оборвать след, ведь если гэпэушникам в картине смертоубийства что-то покажется подозрительным, то они в радиусе пары километров под каждый камушек заглянут!

Что означает – уходить в любом случае придётся по реке. Проще, разумеется, вниз по течению.

Однако лезть в капкан между морем и железной дорогой глупо, да и ветер...

Как бы собачки не учуяли...

Вверх же по течению...

Придётся изображать мишень минимум полчаса-час, быстрее долину никак не миновать.

Дотянуть бы до сумрака ночи, который приходит вместо нормальной темноты...

Нет, ждать позднего северного заката на месте преступления выше моих сил. И так чуть не поседел, пропуская над своей головой товарняк, а за ним – пяток молодых парней, собравшихся, судя по далеко не трезвым крикам, на свадьбу в соседнюю деревеньку...

Путь по дну реки против течения без преувеличения можно было назвать адским...

Скользкие камни на дне, неожиданные ямы, течение сбивало с ног, а пуще всего донимал стылый холод воды, в которую то и дело приходилось падать с головой. В основном случайно – а один раз специально – пришлось нырять за камни, заслышав приближающийся стук колёс. Хорошо хоть китайский рюкзачок такие сюрпризы выдержал без особого вреда для содержимого.

Вдобавок нужно постоянно оглядываться, ловить призрачный шанс успеть спрятаться до того, как случайный ходок успеет обратить внимание или того хуже – выстрелит в спину.

Как ни спасали положение жёсткие голенища ботинок, цепкий протектор подошв, да две специально вырубленные палки наподобие лыжных – всё равно до поворота русла не дотянул, одолел хорошо если метров триста...

Дольше тянуть нельзя, по всем расчётам риск попасть под чьи-нибудь любопытные глаза становился совершенно неприемлемым. Приметив удачный выход гранитных плит, похожих на гигантские ступени, я выбрался на берег под защиту молодого сосняка.

Не утерпел, достал бинокль, который оказался до неожиданного маленьким и больше походил на театральный, но только тяжёлый, из латуни или бронзы, с удобным кожаным покрытием мест, за которые нужно держать. По краю объектива вычурная гравировка на французском «e.s. Tryndin fils Moscou» – очевидно дореволюционное отечественное производство[158]. Приложился, навёл резкость... Несколько хуже, чем ожидал, увеличение всего раз в пять, не более, но на таком маленьком расстоянии большего и не требуется. Пошарил по мосту и склонам, выдохнул с облегчением – всё спокойно, никто не пялится в мою сторону.

[158] Описан 5-кратный армейский полевой бинокль галиллеевского типа производства оптической компании Е. С. Трындына. С 1921 года – завод «Метрон», в 1941 эвакуирован в Свердловск, где стал основой «Уральского приборостроительного завода». П. П. Трындин, совладелец и председатель правления, до 1928 года работал как технический руководитель «Метрон», расстрелян в 1937 году.

Забрался поглубже в лес, разделся донага – стесняться тут некого – отжал и развесил сушиться одежду. Сам тщательно растёрся спиртом, обновил трофейные сапоги и закутался в одеяло. С накомарником возиться не стал – свежий ветер не утихал ни на секунду, сдувая проклятый гнус. Судя по всему, долина реки работала как труба, доставляющая воздух с Белого моря вглубь тайги...

Гибель наряда обнаружили поздно вечером...

Несколько часов я с величайшим интересом наблюдал за поднявшейся суетой, сперва среди спустившихся набрать воды рабочих, а уже прилично за полночь с севера[159] на ручной дрезине-качалке – оказывается, у чекистов всё же имеется в хозяйстве столь опасная для бегунков машинерия – прибыла целая делегация с фонарями и факелами.

Последнее меня здорово успокоило – после оттоптавшегося в потёмках стада людей правду не найдут ни собаки, ни, тем более – следователи.

Спать я улёгся хоть и без живительного тепла костра и свежего, желанного чая, но зато в превосходнейшем настроении...

Ранним утром, только проковыряв глаза, полез с биноклем на свой импровизированный наблюдательный пункт...

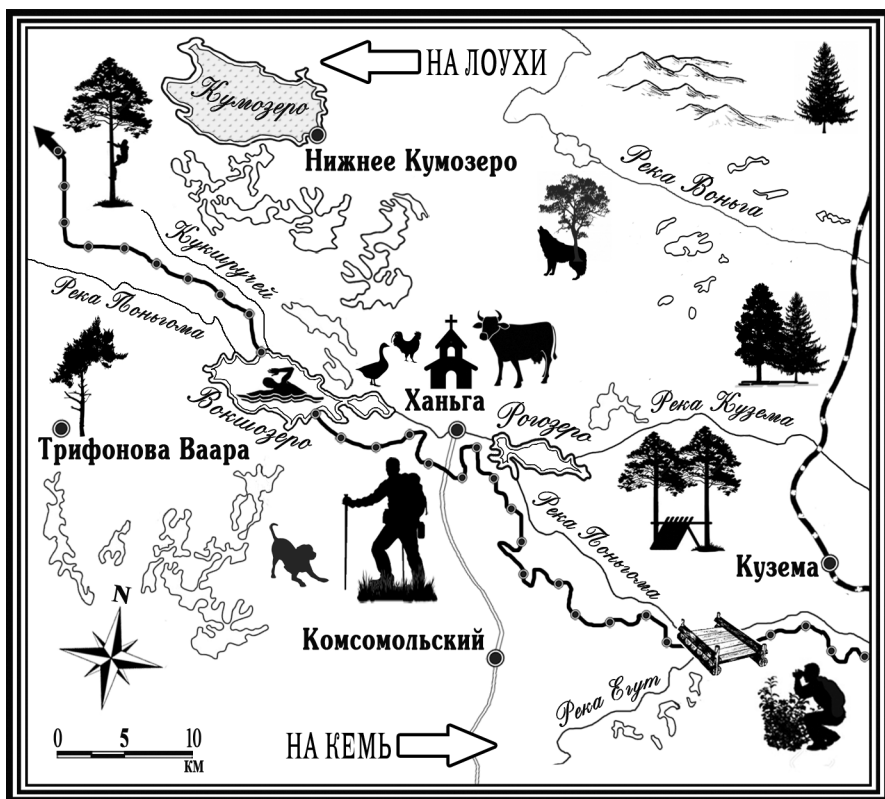
Над стелющимся лоскутным одеялом тумана и под отчётливо впечатанными в небо тёмными от росы брёвнами мостовой фермы курился дымок чекистского костра. Рядом мирно клевала носами пара вохровцев.

Сельская идиллия, хоть пиши с природы полотно «Привал рыбаков у реки». Казалось, что так есть, так было, и так будет, а вчерашняя жестокая схватка – всего лишь дурацкий сон, кошмар, навеянный злой, но совершенно бессильной что-то помянуть всерьёз силой из иного мира...

Будто услышав мои мысли, один из чекистов заворочался, подошёл вплотную к реке, неспешно развязал тесёмки штанов и помочился прямо в белёдые клубы. Потянулся, сбивая комаров, оправился и вдруг, враз ломая пастораль, поднял бинокль к глазам.

[159] ГГ не знает, но в трёх-четырёх километрах к северу находится станция-посёлок Кузема.

Я с трудом успел нырнуть головой за ветви, пряча от внимательных глаз врага отблески лучей восхода в своих линзах. Кто ж знал, что местный секрет караулит не только железную дорогу, но и реку по обе стороны от неё?

Как хорошо, что я не начал день с маленького костерка для горячего завтрака.

А ведь мелькала светлая идея в надежде на ветерок и защиту стены деревьев.

Нет уж, тут не казино, лишний риск не нужен.

А настоящий белый хлеб с колбасой безумно хорош в любом, даже холодном виде. Причём как по вкусу, так и для стимуляции мыслительного процесса, в компетенции которого нынче классический «чернышевский» вопрос: «Что делать?».

Первоначальный промфинплан побега лопнул, как экран упавшего на бетон смартфона...

Если перейти к цифрам, то за четыре дня по трассе Ленинград – Мурманск мне удалось продвинуться всего лишь километров на пятьдесят, иначе говоря: я делал десять-пятнадцать километров за день. Степень риска при этом превысила все разумные лимиты – два раза только везение спасло меня от гибели. Не оправдалась и надежда на спокойную ночь – ещё неизвестно, какие засады опаснее. Ко всем прочим неприятностям накатывают белые ночи – небо после заката становится светлее день ото дня.

С другой стороны, к «железке» я сумел более-менее приспособиться – всё-таки треть запланированного пути позади. Есть шансы, что дальше от Соловков патрулей поубавится.

Рвать на запад по тайге просто страшно!

Без карты, с кустарным компасом, ограниченным запасом пищи...

Хотя, после изобретения каши из сосновой коры проблема потеряла остроту, да и река, по поверхности которой то и дело расходились круги кормящейся рыбы, обещала не дать помереть с голоду.

Но какова насыщенность лесных тропок патрулями?

Водятся ли тут голодные медведи или волки?

Живут ли вообще люди?

Не упрусь ли я в непроходимые болота, скалы или огромные озёра?

Может, бросить монетку?

Уже полез, было, рукой в карман, но вместо этого хлопнул ладонью по лбу.

– Судьба уже сделала выбор за меня!

Действительно, надо быть слепым, чтобы не видеть очевидного...

Реки в этих краях – настоящие транспортные артерии для перевозки грузов: летом по ним гоняют на лодках, зимой – на санях.

Так вот, насколько я вижу, Поньгома – плохая, отвратительная дорога![160]

Промеж каменюк тут можно проскочить разве что на

[160] Река Поньгома на самом деле очень популярна среди любителей сплава, и по современным (но только современным) меркам (и для современных плавсредств) считается не слишком сложной.

пластиковом каяке 21-го века, и то – вниз по течению. Зимой на санях не пролезть, бурлящая лесенка порогов, что виднеется у поворота, гарантированно не замёрзнет в лютые морозы.

Значит, меня никто не застигнет врасплох на ночёвке или рыбалке, более того, тут неоткуда взяться крупной деревне. При всём этом река явно ведёт на запад и способна помочь мне миновать болота и скалы.

Не случись битвы с вохром – я бы наверняка прошёл мимо. Глупо рвать по выложенному булыжниками руслу на виду нечаянных прохожих. Зато теперь, когда сложный и отчаянно опасный участок позади, отступить не просто глупо – преступно!

* * *

Пройдя с километр вдоль берега до поворота, я обернулся взглянуть в последний раз на уже далёкую трассу Ленинград – Мурманск...

Через мост катились зелёные коробочки вагонов, и ни один из пассажиров не мог даже в дурном сне себе представить, какой девятый вал репрессий захлестнёт страну менее чем через десяток лет.

Как мало ленинградцев переживёт ужасы блокады.

Как много русских, украинцев, белорусов, да и просто всех советских людей погибнет в дьявольской мясорубке безумной войны.

Предотвратить происходящее могу только я!

Страшный, невыполнимый долг, однако я должен его выполнить.

Нет, не так!

Я просто обязан его выполнить!

Любой ценой!

Не только ради себя, но – как ни пафосно это звучит! – ради них, этих самых людей...

И первый мой шаг на этом бесконечном пути – добраться до Финляндии.

– Ву-у-у!!! – уже в спину мне подтвердил задачу протяжный гудок далёкого паровоза...

К вечеру я окончательно уверился в Судьбу. Река настойчиво вела меня на запад и не думала превращаться ни в заболоченный ручей, ни, наоборот, в проходимую на деревянной лодке торную водную дорогу.

Сперва я опасался засад, несколько раз влезал на деревья, пытаюсь рассмотреть дальнейший путь, избегал оставлять следы и без особой нужды не выходил на прогалины. Однако за весь день мне не удалось заметить ни малейших признаков присутствия людей. Наоборот, несколько раз я наткнулся на целые поля, буквально выстланные ковром нетронутой прошлогодней брусники, перезимовавшей под снегом и очень вкусной.

Передвижение нельзя было назвать простым, но всё же худшие опасения не подтвердились: непроходимых болот не встретилось, скал не попало. Обычное, поросшее сосной косягорье, местами – бурелом и кусты, и много, слишком много мелкого и крупного скальника.

Часто выручали звериные тропы, но иногда приходилось торить свой путь, всё же ботиночная логика заметно отличается от лапо-копытной.

Самым же неприятным сюрпризом оказались заливаемые в половодье долинки, заросшие березняком и кустами. Вроде не особенно глубоко и не топко, но провалиться глубже чем по колено легко – даже с шестом-посохом.

Пришлось приспособить для форсирования подобных преград калоши и «всегда мокрые» обмотки. То есть неприятно, но жить можно, и расстояние – насколько я считал шаги – удалось покрыть приличное, не менее двадцати километров.

Хотя надо учитывать, что со всеми извилами русла к желанной границе я приблизился гораздо меньше, в лучшем случае километров на пятнадцать, в худшем – на десять.

На рыбалку я не останавливался: к чему терять время, когда плечи оттягивают традиционные продукты короткого срока хранения. Тем более удалось неплохо разнообразить меню на ходу – полдюжины крупных лягушек в перевязанном тряпкой котелке сулили неплохую добавку к ужину. Причём это только то, что само шло в руки.

Единственное, что мне не нравилось, так это погода. Баловавшее все прошлые дни солнце ушло за тучи,

температура заметно упала, время от времени накрапывал мелкий противный дождик.

Впрочем, непромокаемая одежда, большой вечерний костёр, экраны из трофейного брезента и традиционного лапника, горячий чай да сосновая каша с хлебом и колбасой позволили смотреть на происходящее с немалым оптимизмом.

А отдельно приготовленный шашлычок из ошпаренных и лишённых кожи лягушачьих лапок так вообще вызывал ностальгию по иным, куда более благоприятным для жизни временам.

«Пусть пройден десяток километров...», – лениво рассуждал я, засыпая. – «Осталось каких-то жалких двадцать дней в пути. Пустяк, сущий пустяк!»...

Утро «второго дня мира великой реки» принесло сюрприз...

Для начала моя путеводная артерия раздвоилась [161], но кустарный компас и солнце позволили не мучиться с выбором пути более пары минут.

А потом...

Я неожиданно вышел к мосту.

Инстинкт сработал на отлично: только спустя пяток мину – издалека и в бинокль – разобрал, что сооружение разрушено до полной непроходимости. Пересекающая мой путь дорога оказалась заброшенной – ни одного человеческого следа как минимум с осени, и, вообще, едва ли её использовали прошлые пять, а то и десять лет.

Можно предположить, что тут немало ходили и ездили до строительства «железки», однако после её запуска переключились на более удобный путь.

Из чистого любопытства да надежды – не повернёт ли старый торный путь на запад – пробежал с полкилометра в сторону...

Увы, дорога явно вела куда не надо, зато на глаза попался полуобрушенный, заросший молодыми берёзками дом.

Зайти побоялся, да и зачем время терять, а вот мимо остатков поваленных ворот пройти не смог.

Особо привлекли моё внимание старые петли – длинные, чуть не полуметровые полосы металла с шарниром на конце,

[161] Приток Поньгомы река Егут.

приколоченные библейскими коваными гвоздями к поперечинам из какого-то приличного, поэтому почти не сгнившего дерева.

Подошёл, поставил сверху ногу, пытаюсь понять, что же они мне так напоминают...

Гаффы[162]!

Сколько раз за последнее время мне отчаянно хотелось залезть на удобно стоящую сосну или берёзу, да только подняться по гладкому стволу на первый пяток метров до ветвей было явно выше моих сил. Поэтому приходилось разыскивать более удачное место, терять время, силы, ежеминутно рискуя.

Мысленно повертев в голове конструкцию устройства, я достал топор и быстро вырубил железяки из остатков ворот. Прикинув в руке немалый вес, хмыкнул:

– Пару дней не помешают, а там – посмотрим...

На ужин, в дополнение к каше, хороша зашла парочка гадюк, а может, ужей, не разобрал в точности – длиной чуть поменьше метра, чешуйки тёмно-серые, почти чёрные, с плохо различимым светлым узором на спине. Зря они решили на моём пути переплетаться в драке или приступе весенней страсти. Мяса под легко слезшей после ошпаривания шкуркой оказалось до обидного мало, но хоть какой-то навар в бульоне.

А ещё...

Ближе к ночи резко похолодало, поднялся сильный ветер, затем пошёл сильный снег с дождём. Вот никак не ожидал такой подлости от первых чисел июня, но поди ж ты...

Дневная усталость уговаривала меня разбить обычный бивак, зато паранойя заставила вспомнить опыт турпоходов и срочно строить убежище.

Для начала выбрал две сосны-опоры на расстоянии метров четырёх-пяти друг от друга. Затем между ними на высоте своего роста «устроил» конёк одностороннего ската-шалаша, приперев горизонтальную жердь к деревьям парой рогулек. Ровно по величине планируемой «крыши» и на её месте топором вырезал в лесной травяной подстилке полосы и, зацепив со стороны «конька» вместе с корнями и почвой, закатал

[162] Гаффы – специальные «когти» для подъёма на деревья, активно используются охотниками и арбористами. Представляют собой Г-образные полосы-опоры из металла с шипами.

симпатичные рулоны. На освободившемся месте устроил из тонких сосенок односкатную крышу-экран и раскатал на него обратно дернину, разом обеспечив непродуваемую и практически непромокаемую кровлю.

Дальше – всё как обычно: длинный костёр из пары толстых стволов, вдоль него приподнятая на полметра лежанка.

Часа три потерял, зато ночью не замёрз...

Днём только поразовался за паранойю, благодаря которой я не поддался на соблазн упрощённой конструкции. Снег валил не переставая на ни минуту, частью – таял, частью – сбивался в маленькие сугробики.

Идти по такому покрову – сущее безумие: ведь лес – не шоссе, под белой склизкой кашей не видны камни, ямы и острые сучья. А ещё остаются ясные следы, по которым найти меня не составит проблемы даже ребёнку.

Одно счастье – комары передохли... Вот только надолго ли?

Лежать без дела не хотелось...

Аккуратно подобрался к реке, попробовал рыбачить – увы, без малейшего успеха. Рыба как сквозь воду провалилась. Не желала есть ни червяка в глубине уютной ямы, ни пучок личинок короедов на поверхности.

Поневоле пришлось приступить к изготовлению гаффа. Вроде бы не слишком сложно на первый взгляд – всего-то загнуть полосу металла толщиной миллиметра три в Г-образную кочергу. Но имея только набор камней, трещины в скалах и топор – провозился до вечера...

Второй и третий дни скучного снежного плена ушли на ремни упряжи и качественное обвязывание загнутых в отверстия гвоздей конским волосом так, чтобы они превратились в что-то похожее на длинные шпоры, торчащие наружу вниз под углом градусов в шестьдесят, чуть выше угла «кочерги». То есть, если поставить ногу на короткую сторону устройства, то длинная сторона пойдёт вдоль лодыжки и икры почти до колена, а шпоры будут между ног. Пришлось изрядно помучаться с крепежом к ботинку, потом – к самой ноге, изобретать аккуратную прокладку из куска одеяла и длинную шнуровку, добавить страховочный ремень на пояс...

Ушла практически вся верёвка, жаль, однако дело того

явно стоило: пробный подъём на самую верхушку сосны – как и маневрирование среди ветвей – не составил особого труда.

Погода как будто ждала окончания работ: ближе к вечеру ветер резко повернул на юг, снег прекратился и сразу же начал таять, хотя, надо признать, окончание этого процесса я благополучно проспал...

На следующий день встал ближе к полудню. Против всяких ожиданий, земля успела подсохнуть, а сквозь поредевшие тучи проглядывало солнце. Температура скакнула градусам к двадцати тепла.

За время вынужденного отдыха колбаса и сало успели закончиться, пришлось добавить к уже надоевшей «сосновке» треть банки «царской» тушёнки. Последняя, впрочем, оказалась отменного качества: нежное, тонко нарезанное мясо, аккуратно переложённое салом, перцем и лавровым листом.

После такой еды тысячи шагов маршрута отсчитывались чуть ли не сами собой, без труда и проблем.

Вечером меня ждало нерадостное открытие: путеводная река закончилась озером[163]...

Уже в сгущающихся сумерках я испытал гаффы в боевых условиях – влез на сосну, стоящую на берегу вновь открытого водоёма, и, не торопясь, с биноклем исследовал дальнейший путь.

Выводов получилось два.

Первый и чрезвычайно обнадеживающий – на дальнем конце водной глади, всего-то километрах в двух, виднелось что-то весьма похожее на устье новой речки или – что было бы куда приятнее – продолжение всё той же приносящей удачу Поньгомы.

Второй – руководство к действию – левый берег озера фактически отсутствовал, вернее сказать, представлял собой заросшее кустами и камышом болото, соваться в которое не было ни малейшего желания.

Зато правый казался вполне проходимым, хотя и требовал обхода в несколько километров.

Привычный паёк без приварка из хлеба и колбасы показался нестерпимо маленьким, даже с учётом набранной на

[163] На самом деле это Малое (Южное) Рогозеро, и оно лишь одно из многих на пути реки Поньгома.

подвернувшись по дороге болотце прошлогодней, но всё равно отчаянно кислой клюквы.

Отсыревший после снегопада хворост больше дымил, чем горел, не желая дать жара, достаточного для спокойного сна. С болота доносилось кряканье диких уток, глухо шумели сосны, ухала какая-то лесная нечисть. Ближе к полуночи на моё мокрое становище надвинулся туман, окутал ватной пеленой ближайшие сосны...

Казалось, что я безнадёжно и безвылазно затерян в безлюдье таёжной глуши и обречён идти так день за днём, месяц за месяцем, год за годом, и не выйти никогда из лабиринта зыбких берегов и призрачного леса.

Невыспавшийся и злой встал поздно, только после того, как взошедшее солнце разогнало туман и пока ещё немногочисленных комаров. Окончательно пришёл в себя после изрядной порции последнего, обжигающе-горячего чая.

Дорога по краю озера оказалась не смертельной, но тяжёлой – сплошной скальник. Всё время то вверх – через бурелом и заросли кустов на гребень, то вниз – опять сквозь мешанину упавших за последние двести лет деревьев в узенькую долину между берёзок и кочек. До ручейка метра в полтора-два шириной с чёрным от упавшей хвои дном, абсолютно прозрачной водой и невысокими, поросшими ольшаником берегами, после недолгой переправы – опять вверх...

И так – пять раз на несчастных пяти километрах!

Наконец с верхушки сосны открылся узкий перешеек между двумя озёрами, через который, собственно, и протискивалась река, чтобы чуть позже уйти на столь желанный запад.

– Точно, Поньгома, – обрадовался я. – Не потерялась путеводная моя речечка!

Однако видеть и дойти – весьма разные вещи...

Около часа мне пришлось «чавкать» бурой жижей в густых и высоких, метра под три, зарослях камыша, прежде чем я выбрался к тёмно-коричневой, почти неподвижной воде.

Попробовал прощупать брод предусмотрительно захваченным шестом, но он легко уходил на три метра с гаком у самого берега. Лишь в самом конце чувствовалось что-то мерзкое и топкое.

От осознания того факта, что подо мной не земля в

привычном понимании, а плавающий слой мёртвого камыша, перепутанных корней, давно перегнившей травы – то есть зачаток будущего торфяного болота – я поёжился. Воображение услужливо подсказало образ чудищ, которые могут скрываться в обманчивой тиши подобных вод.

Делать нечего...

Наломал небольшой стог прошлогоднего камыша, туго перевязал, погрузил все вещи и, раздевшись на радость камрадам комарам донага, пустился в плавание, едва сдерживая поднимающуюся из пяток панику.

Чумазый и злой я выкарабкался на противоположный берег, и он «порадовал» – полным отсутствием твёрдого сухого места!

Болото, непроглядная стена камыша, наполненные водой ямы тянулись, казалось, без конца. Кое-где попадались провалы – узкие окна в бездонную торфяную жижу – и призрачные, сгнившие в труху остатки берёзовых стволов, лопавшиеся в грязь при касании.

Идти нельзя – под ногами всё колыхнется, дышит, прогибается и булькает, того и гляди полетишь в трясину.

Стоять, впрочем, тоже получается так себе – холодно и гнус.

Так что пришлось накинуть куртку, штаны, трофейные сапоги и натурально ползти на четвереньках с шестом-спасителем наперевес, чуть не подвывая от ужаса, на недалёкий шум речного переката, положившись скорее на интуицию и удачу, чем на разум...

Выход к Поньготе в месте впадения в неё с юга небольшого ручейка-притока показался праздником...

Отдых и очищающее купание под лучами солнца – более ни о чём я не мог думать.

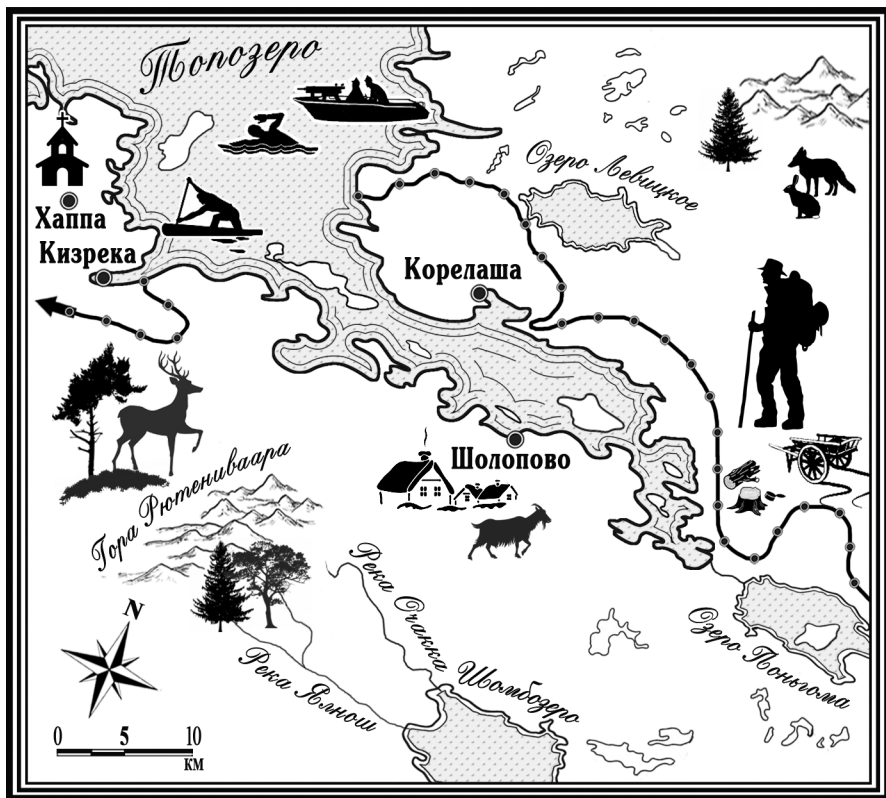
А после вида здоровенных рыб, стоящих на перекате в ожидании пищи, в список неотложных мероприятий добавилась рыбалка. На сей раз – вполне удачная: часа вполне хватило, чтобы вытащить на лягушачью лапку двух полукилограммовых красавцев в белой блестящей чешуе и высокими, как флаг, спинными плавниками[164].

[164] Имеется в виду хариус.

Пиршество удалось на славу...

К сожалению, от воспетой в южноевропейской культуре послеобеденной сиесты пришлось отказаться. «Сделанный» десяток километров выглядел по меньшей мере несерьёзно.

Поэтому, как ни хотелось завалиться в дрему с полным желудком, но через силу, с трудом и скрипом я заставил себя двигаться дальше – как обычно, на запад, вдоль реки.

Идиллия закончилась километров через пять, когда я выскочил на вырубку. Пусть не свежую, а прошлогоднюю, но сам факт?!

Вернувшись чуть назад, я выбрал подходящую сосну и полез наверх...

Утешительного выяснилось мало: впереди меня ждут лоскутики полей или лугов, разгуливают бараны, а чуть поодаль, по дороге с юга на север – как немыслимый признак

цивилизации – пылит и переваливается на ухабах похожий на чёрную ванну рыдван, непонятно каким чудом занесённый в карельскую глухомань.

И уж совсем у горизонта, над стеной леса, язвами подгнившего тёса торчит шпиль деревянной церквушки. Я бы её и вовсе не заметил, если бы не крест, развёрнутый ко мне лицом.

К гадалке не ходить: на мосту через речку – действующая застава.

А выше по течению неизбежно встретится село – никто не поставит церковь посередине «нигде».

Так что придётся обходить, и – много...

Хорошо, что чуть левее – между полями и болотами – есть хороший, выдающийся далеко на юго-запад язык леса. Вот по нему мне и идти...

«На рассвете...», – решил я после недолгого колебания.

Хотелось хотя бы ещё одну ночь провести с комфортом, в тепле у костра, а для этого никак нельзя выходить в обитаемые места.

На всякий случай я отошёл чуть назад, за холмик, но всё равно костёр разводил с большой опаской. Небольшой, между двух выворотней, да вместо привычного воткнутого в землю лапника пустил на изготовление фронтального – дальнего от лежанки теплового экрана – подвешенное на верёвке одеяло. Пусть оно промокнет от утренней росы – придётся тащить потяжелевший рюкзак – зато через него гарантированно не будут видны проблески пламени.

Спальный, традиционно брезентовый экран-навес сделал повыше и дополнительно замаскировал свеженарубленными сосенками...

Заснул рано в расчёте на ранний же подъём, но на рассвете случился фальстарт: густо упавшая на низкую весеннюю траву роса, которую я поневоле стряхивал на каждом шагу, делала мой путь заметным даже с Луны.

Пришлось ждать, пока солнце высушит с травинок и листочков предательский белёсый налёт.

Узкий, лишь местами отсыпанный песком тракт перешёл со всем возможным тщанием, не поленился для этого натянуть сапоги, чтобы не оставлять в пыли и грязи рубчатых

оттисков 21-го века. Бросил на след немного махорки с керосином, хотя, уверен, что это – излишняя операция, пешеходов тут хватает.

Между тем местность нравилась мне всё меньше и меньше...

Сосновый лес, добрый, надёжный и ставший родным за прошлую неделю, постепенно сменился на какие-то странные закоулки из лужков, заболоченных рожиц, островков кустов и небольших пологих холмов, между которым прятались микроскопические озёрца, скорее – большие лужи.

Из-за неудобства кустарного компаса и без нормальных ориентиров я быстро сбился с пути, вернее сказать, перебежал от укрытия к укрытию, грубо ориентируясь на солнце.

Неожиданно откуда-то с юга донёсся странный звонкий стук. Казалось, его источник совсем не близко, но вдруг в нескольких десятках шагов из-за невысокого гребня прямо на меня выползло огромное стадо карельских коров.

Как оказалось, местные хозяева не разоряются на металл и привязывают на шеи животных настоящие деревянные колокола, размером с крупный арбуз.

Отвернув к ближайшему овражку, я резко взвинтил темп бега и уже скрылся из вида, когда сзади раздался резкий крик пастуха. Вот только никак не разобрать – мне или коровам он давал «ценные указания».

Расстроиться всерьёз не успел, потому что за очередным холмиком открылся долгожданный лес.

А уж когда добрался до нормальных деревьев и услышал знакомый шум текущей по камням воды, то инцидент с коровами вообще вылетел из головы.

Мало ли какие бегающие черти привидятся пастуху с похмелья?

Да и домой он хорошо если к вечеру вернётся.

Куда более интересным представлялся вопрос рыбалки и обеда, тем более что всего километрах в четырёх попало исключительно приятное, продуваемое от комарья местечко...

К истоку Поньгомы из очередного озера я выбрался около шести часов пополудни.

И тут же похвалил себя за верно выбранное направление обхода: на полого сбегавшем вниз склоне противоположного

берега – чуть далее по направлению моего движения – вольгот-но раскинулось крупное, дворов в тридцать, село.

Водная гладь, разумеется, защита – так себе, тем более при расстоянии всего лишь километра в полтора, но это куда лучше, чем ничего.

Для выбора дальнейшего пути пришлось подвязывать гаффы и лезть на сосну, из тех, что повыше да покрепче.

С верхотуры я десяток минут пытался нащупать при помощи бинокля конфигурацию берегов и дальний, западный край озера, но густо перемешанная с островами и полуостровами гладь воды теряла разборчивость где-то ближе к горизонту.

И тут, на самом интересном месте, откуда-то сзади порыв ветра донёс собачий лай!

Я быстро развернулся на дереве, взгляделся в просветы между ветвей и...

– Ё... тв...ю м...ть! – что ещё можно сказать при виде людей, то и дело мелькающих в прогалинах к востоку[165] от меня?!

Спускался я под залихватское гавкание целой своры, то есть – чуть ли не кубарем...

С одной стороны, звук радовал – гэпэушные ищейки не лают, вертухайские звери преследуют своих жертв бесшумно. Но – чёрт побери! – охваченным инстинктом охоты деревенским активистам не нужно иметь особый нюх, ведь мой путь между озером и редколесьем с болотами абсолютно предсказуем!

Ни смысла, ни времени на ухищрения с махоркой и сдвиганием следа – остаётся лишь бежать as quickly as possible вдоль берега, надеясь, что река-судьба не подведёт в трудную минуту своего неосторожного адепта...

* * *

Следующие несколько часов слились в непрерывный, рвущий силы бег...

Случись подобная погоня сразу после Кемперпункта – ещё неизвестно, как бы повернулось дело.

Но за прошлые две недели путешествия я успел набрать

[165] На самом деле, скорее, с северо-востока, но у ГГ нет средств для быстрого и точного определения сторон света.

приличную спортивную форму, кроме того – приобрёл богатейший опыт преодоления естественных препятствий. Так что взятый мной темп оказался не под силу преследователям, лай за спиной постепенно затихал.

Я уже искал подходящую возможность запутать в опускающихся сумерках след, уйти в сторону и отлежаться в каком-нибудь тихом уголке, когда впереди...

Да чёрт бы побрал этих дворовых шавок и их хозяев!

Зажали!

И как только сумели, неужели обошли на автомобиле[166]?

Не пройдёт и часа, как они будут тут!

Решение созрело мгновенно: уж лучше попробовать проскользнуть на север мимо села, чем играть в прятки с собаками в темноте на пересечённой местности.

– Ну, выручай, Поньгомушка, – прошептал я, разворачиваясь к берегу.

Нужно было соорудить из нескольких обломков жерди небольшой плотик, привязать к нему снизу как раму и балласт гаффы, а сверху – рюкзачок, раздеться до чёрного маскировочного термобелья, и – вперёд! Через комаров, по тошнотворно слизкому тесту дна в дьявольски холодную воду, с которой лёд-то окончательно сошёл, быть может, меньше недели назад!

Утешало только одно: где-то впереди, метрах в двухстах, виднеются выпирающие чуть ли не прямо из воды деревья. Так что верёвку от плавсредства в зубы, и тихонько, без плеска, метр за метром – но дальше от погони!

Сложно ли проплыть подобное расстояние в бассейне?

Делов на пять минут!

Бывало, я отмахивал в десять раз больше, а потом ещё шёл на вечеринку к друзьям.

Но в одиночку, в холодном озере, подтягивая упирающийся плотик, да ещё ожидая выстрелов в спину?

Впервые за всё время путешествия ко мне в душу прокралось сомнение. Мозг настойчиво сверлила мысль: сидел бы сейчас в Кемской пересылке, а даже и на Соловках...

[166] В этом нет ничего удивительного: и без автомобиля в данном месте всего в четырёх километрах южнее пути ГГ проходит дорога-тропа, пригодная для движения на лошади.

Пусть лагерь, но тепло, кормят, три года перетерпеть можно. После сошлют, разумеется, но екатеринбуржцу ли бояться Сибири?

Или ещё лучше – обосновался бы где-нибудь во Владивостоке, устроился электриком на торговую посудину – при большевистском кадровом голоде дело не хитрое! – глядишь: лет через пять на хорошем счету, партбилет в кармане, а там и до заграники недалеко. Встретил бы кошмары 37-го года в солнечном Фриско...

Сбил дурацкие мысли лай, который приблизился вплотную к берегу. Потом бахнул выстрел, второй, и я инстинктивно нырнул, пытаясь уйти от смерти. Но пальба и крики не прекращались, казалось, на берегу разразилась ожесточённая средне-карельская война.

«Да они же там друг с другом сражаются!», – после минутного замешательства догадался я.

И зло пожелал вслух, оглянувшись к уже далёкому берегу: – На правое дело не жалейте патронов, товарищи! Вернее прицел, твёрже рука – и победа будет за вами!

Ответом мне стал предсмертный собачий вой – судя по всему, одна из пуль нашла цель.

Тем временем перед глазами вырос невысокий, сложенный из каменных глыб островок.

С первого взгляда мне стала очевидна тщетность любой попытки спрятаться на крохотном клочке суши, покрытом – как лысина старика – редким ёжиком хилых сосенок.

Жалкий сумрак белой ночи не спасёт – как только собаки найдут уходящий в воду след, то охотники отрядят пацанов домой за лодками и подмогой, на этом и закончится моя карельская одиссея. Нужно плыть дальше, на противоположный берег, к прекрасно различимым на фоне приполярного неба тёмным громадам деревьев...

Второй пролив времени занял поболее, зато моральных метаний доставил не в пример меньше – минута слабости ушла без следа. Наоборот, волной накатила бесшабашная ярость, вспомнив о травле, которой «милые пейзане» подвергли мою персону, я с удовольствием и в красках прикидывал, как половчее запалить избу-другую с наветренной стороны – чтобы

обеспечить местных товарищей достойной заботой до утра. А если повезёт с погодой – так и до осени.

К разочарованию моей мстительности и одновременной к немалой радости инстинкта самосохранения кровожадному плану не дано было осуществиться...

Спорадическая стрельба на покинутом берегу затихла лишь ближе к полуночи.

Хорошо, что не раньше – после второго заплыва я совершенно потерялся в кучке островков и ориентировался исключительно на звук.

То есть, попросту старался держать выстрелы за спиной до тех пор, пока, миновав чуть не десяток узких проливов, не добрался до такого куска земли, на котором сумел углубиться в лес на более-менее безопасные полкилометра.

Только после этого я решился сбросить с горба надоевший плотик, растереться остатками спирта и по-настоящему переодеться.

Помогло не очень: как ни тепла июньская ночь, но длительное переохлаждение в воде требовало кардинальных мер.

Мне пришлось развести в яме малюсенький костёр, и несколько часов отпаивать организм обжигающим брусничным чаем.

На сон осталось часа четыре, не более – разбудил меня далёкий лай чёртовых псов.

Так что вместо завтрака я полез на сосну, знакомиться с последними событиями «политической и культурной жизни» карельской глубинки.

Для начала с досадой признал навигационную ошибку: вместо более-менее короткого пути к деревне поперёк озера в потёмках я взял западнее и пересёк добрую его половину вдоль. Выходит, не зря ночью удивлялся непомерной дистанции.

Второй факт не удивил, а расстроил: погоня не прекратилась – местное население, расстроенное пустым расходом боеприпасов, категорически не поверило в моё утопление.

С покинутого ночью берега в небо тянулись сизые космы дыма.

Несколько рыбацких лодок, хорошо хоть исключительно вёсельных, бороздили озеро, вооружённые до зубов граждане обыскивали ближайшие островки.

– Кашу варите, су...и, – сглотнул я слюну. – Ох, жаль, не добрался я до ваших хибар ночью! Надолго бы запомнили, как собаками людей травить!

Напрасно ждать от почуявших пот и кровь сельчан прекращения охоты. Непосредственной угрозы они пока не представляют, но в этой фразе самое важное слово «пока». Позавтракают, найдут следы моего пребывания на островках, сделают выводы, да перебросят активистов на лодках в мою сторону. Или того хуже: позовут на помощь чекистов – с меня хватит и одного наряда с ищейкой.

С тревогой я обернулся на закат – как ни велик теперешний остров, досидеть на нём до ночи будет непросто. Да и нет в июне нормальной темноты – видимость одна. Конечно, издалека, да на фоне леса или камней скрыться можно, а вот на открытой воде всё видно почти как в пасмурный день, ну, или в лучшем случае – вечер. Выставят реденький заслон на двух-трёх лодках, не прошмыгнуть.

Плыть не пришлось – удача не подвела...

На север к материку тянулся широкий перешеек. А ещё километром далее бесконечное озеро заканчивалось вовсе. И там можно было без всякого бинокля разглядеть устье реки!

– Вот и моя разлюбезная Поньгома нашлась[167]! – не смог я сдержать радостного шёпота. – Иду к тебе! О, спасительница!

К моему огромному сожалению уже от самого озера река изрядно сузилась со времени нашей прошлой встречи и напоминала скорее крупный ручей. Хотя если верить намагниченной стрелке и солнцу – по-прежнему вела меня на запад по местам, не слишком обезображенным присутствием человека...

Только ближе к вечеру, чуть живой от усталости, я убедился, что на свете нет ничего вечного. После более чем двадцатикилометрового марш-броска Поньгома закончилась крохотным, всего метров ста в диаметре, но невероятно прекрасным озерком. Гигантской голубой слезой оно лежало между невысоких, покрытых мхом и мелколесьем скал, как бы говоря мне: «Прости и не забывай!».

Как ни гнал вперёд страх погони, расстаться с путеводной ниткой оказалось выше моих сил. А ещё меня задержал

[167] ГГ ошибается, на сей раз он видит не Поньгому, а Кукиш-ручей. Впрочем, разница невелика.

прощальный подарок: совсем рядом со стоянкой вода подмыла корни камыша[168] так, что эти толстые и упругие палки толщиной с большой палец буквально просились в руки.

Пришлось выломать, очистить, откусить...

И ещё раз, и ещё!

Невероятно, но новое блюдо оказалось куда вкуснее надоевшей за две недели сосновой коры!

Немедленно организовал массовую заготовку продукта, заодно попробовал сварить кашу и запечь.

Первый способ дал никчёмную безвкусную субстанцию.

Зато второй...

Настоящая печёная картошка!

Да с жареной рыбой!

Карельский аллклюзив, хоть отель открывай!

Если б не проклятая погоня – остался бы тут недели на две, никак не меньше!

Ночевал я рядом, на краю невесть откуда взявшейся песчаной отмели, под тихое, едва слышное журчание воды, утекающей вниз к далёкому Белому морю...

Проснулся от странных звуков и, открыв глаза, увидел славную рыжую белочку в паре метров над моей головой. Её забавная острая мордочка, резкие уверенные движения, блестящие глазки, пушистый хвостик, комичная смесь страшного любопытства и боязливости заставили меня неожиданно для самого себя весело рассмеяться.

Испуганная зверюшка с тревожным чоканьем мгновенно взвилась кверху и там, на безопасной по её мнению вершине поблёскивая на солнышке своей рыжей шёрсткой, перепрыгивала с ветки на ветку, недовольно ворча и наблюдая за незванным гостем.

Вроде бы мелочь, пустячок, однако напряжённость прошлых дней сняло как рукой.

Сама по себе возможность свободного существования совершенно незащитного существа помогла мне ощутить себя

[168] На самом деле данное растение (с тёмно-коричневыми початками на вершине) называется рогоз. Корневища содержат около 15 % крахмала и 2 % белка, из них делают муку и едят печёными. Молодые побеги варят, по вкусу они напоминают спаржу.

не загнанным и затравленным существом, а молодым, полным жизни диким зверем, наслаждающимся игрой в родном лесу.

От неожиданного прилива бодрости я одним прыжком вскочил на ноги и подобно древней обезьяне из мультика не таясь забарабанил кулаками в свою грудь, громко смеясь над глупыми охотниками.

Уже через час, после шикарного завтрака я выбрался на высокий гранитный гребень и, привалившись к корявой сосне, чтобы не светить силуэт на фоне неба, попробовал разобраться: какой ещё сюрприз подкинула жизнь...

«На западном фронте без перемен», то есть всего в какой-то паре километров – очередное крупное озеро[169]. На его южном берегу в трёх-четырёх километрах виднеется деревня,[170] для разнообразия – без церкви. В бинокль можно без особого труда рассмотреть детей и пару крестьянок, суетящихся по хозяйству. Зато северный край водоёма выглядит вполне проходимым, и на его дальнем конце можно разглядеть неширокую протоку в сторону заката.

– Так вот какой он, бонусный левел имени экономической контрреволюции в Донбассе[171], – припомнил я одну из последних передовиц, прочитанных в Кемперпункте. – Жаль тут засеиваться нельзя...

Места вдоль берега нового озера оказались обжитыми, не в пример дикой природе на пути вдоль реки удачи. Прежде следы присутствия человека попадались пару-тройку раз за день, и то – полустёртые прошедшими годами. Тут же на каждом шагу – кострища, мусор, обгоревшие жестянки, пни от срубленных деревьев, на прибрежных камнях или песке – полосы выволоченных с сетью водорослей. Тропы плотно утоптаны сапогами и лаптями, да ещё не в один ряд.

[169] Озеро Поньгома. Потерянная ГГ одноимённая путеводная река впадает в него с юго-востока, в то время как он сам вдоль ручья пришёл с северо-востока.

[170] Деревня Трифонова ваара, на сегодня покинута.

[171] «Делу об экономической контрреволюции в Донбассе», оно же «Шахтинское». Слушания проводились с 18 мая по 6 июля 1928 года. Считается первым масштабным процессом «специалистов – вредителей», ознаменовало переход от НЭПа к «социалистическому наступлению».

Парой километров к северу я вообще нашёл – и счёл за лучшее сразу потерять – лесное шоссе, то есть широкую тропу, проходимую лошадьё с телегой. Да ещё и не один раз в день, судя по отпечаткам копыт, сапог и комьям навоза.

Таким образом, я в любой момент мог наткнуться на кого-нибудь из деревенских.

Хорошо хоть для охоты, грибов и ягод время не пришло, да и вообще – по весне положено землю пахать-сеять, а не по лесу шататься.

Помня, что нет правил без исключения, как мог подготовился, прожёл в топорище отверстие да продел туда петлю из конского волоса, как на настоящем боевом оружии. А ещё – вырубил посох потолще и покрепче прежнего. Хотя основная надежда всё равно на ноги...

Пока увидевший меня пейзаин доберётся до деревни да скличет мужиков – глядишь, пара часиков и пролетит. А для меня – если поднажать по тропе – чуть не десять километров получится.

Зае...тесь пыль глотать!

До вечера я без особой спешки – то переходя на медленный бег, то, наоборот, останавливаясь, чтобы прислушаться или влезть на дерево – успел обойти озеро и по длинному как язык полуострову забрался между двумя широкими то ли заливами, то ли протоками.

Заночевал сразу после переправы через узенький пролив, заодно, как в вечерней ванне, смыл пыль и пот.

Ужинал холодным, благо поньгомских запечённых корней камыша и рыбы я запас дня на два, если не три. Это не считая НЗ из трёх килограммов пеммикана...

Следующий день мало отличался от предыдущего...

Опять новое озеро[172] на западе – только не почти круглое, а сплюснутое в сторону запада – опять деревенька на противоположном берегу, совсем маленькая, дворов на пять.

[172] ГГ ошибается, он видит не отдельное озеро, а ограждённый островами залив Топозера, одного из самых крупных в этом районе и одиннадцатое по величине в России (сейчас Кумское водохранилище).

Снова длинный, поросший соснами мыс, тяжёлым каменным клинком вонзившийся в свинцовую рябь воды...

Перед переправой полез на сосну и чуть не скатился с неё кубарем: прямо напротив, менее чем в километре – село, да не маленькое[173]. И ветер от меня!

Рванулся знакомой дорогой на километр назад, пока не почувяли «друзья человека»...

С утра начал игру в Рембо: нанёс на лицо асимметричные полосы из лучшей болотной тины с кусочками экологически чистых водорослей, подвязал на спину несколько веток и отправился в обход, на север.

Через дороги, тропинки, вырубки я медленно крался вперёд, пригибаясь к земле, скользя от дерева к дереву и притавляясь у кустов. Как мелькнёт впереди неуклюжая человеческая фигура, услышу говор или шум шагов – замираю, сдерживая дыхание, отступаю или пережидаю. Когда бегом, когда ползком – но вперёд. Рюкзак на спине, горячее солнце печёт и сияет, пот заливает глаза, рой комаров гудит у лица, перчатки на руках в грязи от земли по локоть, но азарт такой, что всё это не заметно. Благо, деревня – не город, опасный участок дороги, зажатый между берегом и голыми скалами, всего километра два в длину.

Да и то сказать, полдня прошло, пока выбрался на оперативный простор по краю очередного, уже не знаю какого по счёту озера[174]...

Чтобы спустя пару часов оказаться на краю целого океана!

Дальний берег я не мог рассмотреть даже в бинокль[175], только в ближайших, более-менее доступных взгляду окрестностях тёмный от времени тёс на крышах изб и церквушек выдавал наличие как минимум нескольких сёл, одно из которых вполне могло оказаться небольшими городком. К данному набору проблем можно добавить яростно коптящий небо

[173] Соответственно села Карелаक्षा. Ныне заброшено, даже следов на спутниковой фотографии найти не удаётся.

[174] Верхнее Короозеро.

[175] Собственно Топозеро сейчас часть Кумского водохранилища. Его размеры заметно более двадцати километров в длину и ширину.

кораблик, примерно с паровоз размером и такого же цвета, да целую уйму сливающихся с горизонтом лодок поменьше.

Только традиционного древнерусского «камня-на-распутье» не хватает, в стиле «направо пойдёшь – коня пропъёшь, налево – жену найдёшь».

Понятно без расчётов, что обход хозяйственно-промышленного района с севера означает огромный крюк, такой, что его нет никакого смысла рассматривать всерьёз. Уж лучше по знакомой дороге отмотать день-полтора назад, да перебраться на западную сторону заранее.

Вполне разумное решение, но – чёрт побери! – как не спортивно!

Альтернативный же путь только один – переправа.

Снова приложившись к окулярам, я прикинул варианты...

Можно откатиться с облюбованного для наблюдений холма чуток ближе к окраинам села: там пролив-протока не сильно широка – километра полтора-два.

Рискнуть вплавь?

Вода, конечно, успела немного прогреться – не сравнить с обжигающим льдом, которым она казалась в первые дни побега из Кеми. Но всё равно, учитывая буксируемый плотик, снижающий скорость чуть не вдвое, заплыв займёт часа полтора.

– Плавали, знаем... – пробормотал я, заранее ёжась от холода. – Науке известны куда менее мучительные способы самоубийства!

Проще пройти по краю собственно озера, который как по заказу буквально усыпан цепочкой больших и малых островов.

Но выйдет заметно дальше...

Что-то похожее на берег виднеется на самой линии горизонта, то есть расстояние близко к десятку километров.

С другой стороны, островов по пути я насчитал аж дюжину, и широких проливов между ними не заметно[176].

Авантюра?

Безусловно!

Но на то и игра!

[176] В настоящее время проливы между островами достаточно широкие, но нужно учитывать, что до строительства Кумской ГЭС в 1960-1961 годах уровень воды в Топозере был заметно ниже, чем сейчас.

С острова на остров, аккуратно, по два-три заплыва за ночь, потому что хоть как-то темнеет тут лишь после двенадцати и всего часа на два. Если сильно замёрзну – разведу костёр, никого он здесь не удивит. А если уж совсем припрёт – поверну назад, потеря одного-двух дней для меня ничего не значит...

Поел, подремал часика три, и чуть не сразу – как только ушедшее с неба солнце превратило ясный день в сумрачный – пустился в путь...

Добраться до ближайшего крупного острова не составило труда – сотня метров в воде, да ещё под удачным прикрытием из пары более мелких островков от любопытного взгляда. Затем разогревающий двухкилометровый марш на противоположный берег, выбор подходящей сухостоины под новый плотик – старый тащить через покрытые мхом камни и лес дураков нет – и вот я опять в воде.

Не успел отплыть метров сто, как в ушах подозрительно знакомо затокала кровь, но лишь через четверть минуты я сумел припомнить из будущего чуть скребущий, но при этом упругий шум винтов.

Выматерился от души.

– Какого х...я!

Развернувшись в воде аккуратно кувырком – почти как у стенки бассейна – я погрёб назад, проклиная идиота, которого какой-то чёрт понёс на ночь глядя по озеру.

И тут где-то вдали, за соседним островком мелькнул свет! «Прожектор!» – пронеслось в голове.

Адреналин хлынул в кровь рекой, ведь совсем рядом не спешащий под бок к жене рыбак – а настоящий патруль!

Наплевав на маскировку, я рванулся назад кролем, сильно подпорченным паникой и отсутствием очков для плавания. Мелькнула мысль бросить плотик, однако её пришлось сразу отбросить: если найдут – мне на острове не отсидеться.

Между тем стук мотора становился всё слышнее и слышнее, затем – когда катер вывалился из-за мыса – резко ударил в уши. Но и берег совсем рядом...

Пользуясь густой тенью деревьев, я одним движением навалил на плотик здоровенный валун, а сам нырнул рядом – буквально за секунды до того, как по воде надо мной пробежало яркое световое пятно.

Через минуту, выставив из воды одни глаза, я с облегчением наблюдал, как из мокрого сумрака в удаляющемся луче носового прожектора возникают упавшие в воду стволы деревьев, камыш, каменные осыпи берега, тогда как кормовой огонь без остановки обшаривает гладь воды – скорее по привычке, чем по реальной надобности, потому как белая карельская ночь вполне позволяет обойтись без его мерцающей помощи.

Столкнуть каменюку с плотика удалось только при помощи специально принесённой жерди-рычага...

К утру я уже знал, что дежурство в этой части озера несут два катера. Не так и много с учётом огромной акватории, так что второй раз до моего островка патруль добрался лишь перед рассветом.

Уж не знаю: умудрился кто-то из пейзан меня увидеть, пастухи-разведчики нашли следы, или в приграничных районах[177] просто заведён подобный порядок. Важнее другое: несложный расчёт показал, что увидеть или услышать охотников можно минут за десять.

Если застанут посередине широкого пролива, уставшего и замёрзшего – надеяться придётся только на слепоту чекистов или вмешательство инопланетян. Проплыть с плотиком на буксире две с лишним сотни метров за такое малое время я не способен.

Вопрос «что делать» снова встал в полный рост...

Возвращаться?

Или... Ситуацию поправит лодка или плот.

С обработкой большого бревна, как я хорошо помнил из фильма о Робинзоне Крузо, в обозримые сроки мне не справиться...

Но...

Воображение мгновенно нарисовало связку жердей в размер байдарки и мою персону верхом с веслом-лопатой в руках.

Ведь может получиться!

Подобную конструкцию реально разогнать до скорости пешехода, а большего мне и не требуется...

[177] *Напрямую от границ Финляндии до западного берега Топозера около тридцати-сорока километров. В настоящее время – дальше, т. к. граница была отодвинута в 1940 году.*

Днём выспался...

Затем убедился, что хищные силуэты патрульных катеров особо глаза не мозолят, но и исчезать из окрестностей не собираются. Разглядел в бинокль выведенное на борту одного из них «оригинальное» название «Чекист-IV».

Расстроился от безысходности, да приступил к реализации задуманного.

Выбрал самые лучшие образчики сухостоя, свалил и укоротил до «подъёмной» четырёхметровой длины, ошкурил от коры, дополнительно подсушил и обжёг до черноты на костре, благо ветер дул в сторону открытой воды, на которой в этот момент никого не наблюдалось.

Вырубил два весла – основное и запасное, всё равно времени хоть отбавляй.

Потренировался в скоростном связывании-развязывании максимального количества дерева в минимальном объёме.

Отыскал и стапель – наклонную плиту гранита, плавно спускающуюся в воду, оставлять следы на песке или в камышах мне категорически не хотелось.

В сумерках начал испытания...

Усаживаясь верхом с веслом наперевес на узенькую конструкцию, я представлял себя настоящим туземцем. Красивый гребок с одной стороны, с другой...

Бултых!

Причём без малейших шансов забраться обратно.

В отчаянии я чуть не прозевал патруль, едва успел закинуть жерди в лес.

Зато мысль о хитроумных детях природы – коричневых, толстогубых и широконосых, разгуливающих по джунглям в нелепой одежде из татуировок – оказалась на удивление плодотворной. Именно она потянула за тоненькую цепочку ассоциаций и таки выволокла звено за звеном пирогу с балансиrom из загашников моей памяти.

Карельский опыт импортозамещения удался попытки с пятой...

То балансир не обладает нужным запасом плавучести, то поперечины не удаётся привязать жёстко, то продольный баланс нарушен и не даёт нормально грести. Но к темноте – если так можно назвать чуть сгустившийся сумрак – изготовленное

по контрафактной технологии плавсредство устойчиво держалось на воде, даже если я стоял на нём в полный рост.

Примостился на корягу-насест, попробовал помахать веслом...

В принципе удобно, особенно для неспешной рыбалки, а вот грести в полную силу – не очень, не хватает упора.

На помощь пришло воспоминание о репортаже с лондонской олимпиады про гонки на каноэ...

Соорудил из брезента и мха подушечку, упёр в неё правое колено, левую ногу вынес вперёд. Зацепил веслом воду, с бурлением провёл мимо борта, стараясь по максимуму задействовать спину...

Ведь хорошо, однозначно хорошо!

Мышцы работают качественно и, что куда важнее – задница абсолютно сухая...

Стартовал сильно за полночь...

Сперва – медленно, привыкая, в постоянной готовности развернуться на своём насесте и быстро грести в противоположную сторону. Потом – вошёл во вкус, разогнался, оглянуться не успел, как долетел до соседнего островка. Десяти минут не прошло.

Мигом пересмотрел план – думал: придётся разбирать каяк и перетаскивать на противоположную сторону островка частями по суше, пусть медленно, но относительно безопасно. Теперь стало ясно – остановки вредны: проще и быстрее гнать мимо, в готовности поворачивать к берегу при появлении на горизонте патруля.

Через два самых широких, центральных пролива перебрался, прислушиваясь и приглядываясь каждую секунду, но вполне благополучно. Лишь один раз пережидал под берегом мерцание прожекторов далеко впереди.

Уже предвкушал скорый отдых, когда на гладь воды упал густой туман, мгновенно скрывший все ориентиры. Пришлось чуть не каждый десяток гребков отвлекаться от весла и сверяться с компасом, на всякий случай забирая немного южнее. Где-нибудь там я всё равно упрусь в землю, тогда как севернее – открытая безбрежная гладь, и оказаться в её середине на рассвете подобно смерти.

Как ни старался, но пробарахтался долго: часа два, а то и больше...

Несколько раз натыкался на сушу, почти в буквальном смысле, радовался, выбирался на разведку и быстро возвращался обратно.

Мало того что островки, так ещё и маленькие, толком не спрятаться.

По всем расчётам выходило, что желанный берег остался далеко «за кормой», однако отливающая ржавой желтизной вода не думала заканчиваться, и я, с трудом сдерживая панику, смотрел сквозь молоко тумана на светлый как днём небосвод, отчаянно жалея, что не остался на последнем из островов. Зарылся бы там в камни и хвою с головой да как-нибудь протянул день до темноты...

Наконец белёсые лохмотья разорвал порыв ветра...

Через просветы я обнаружил себя в глубоком заливе, прямо напротив небольшой, невесть откуда вылезшей деревеньки.

Откуда только взялись силы на спурт – я грёб, будто надеялся выйти на глиссирование!

Вслед мне неслось переливчатое, многоголосое пение петухов...

За ближайшим мысом залив не закончился, а перешёл в узкую губу с низкими, заболоченными берегами. Лишь километрах в двух-трёх впереди виднелось устье приличной реки[178], сулившее комфортное укрытие.

Добрался я до него практически ничего не соображая от усталости, двигая веслом как сомнамбула, скорее на одной силе воли и злости.

Однако на этом гонка не кончилась...

Слишком уж обжитое место мне попало: вымощенный десятком привозных валунов причал на склоне крутого холма, и лесная дорога, уходящая вдоль берега на юг.

К этому благолепию – старое кострище с брёвнами-скамейками, подобие стола под навесом и даже оборудованное жердью-седалищем отхожее место в близлежащем овраге.

Всё просто кричало о практически ежедневном посещении этого места аборигенами.

[178] Река и деревня носят одно название – Кизрека.

Хорошо, что ещё никого не застал – похоже, на данной стоянке люди чаще обедали и отдыхали, но не ночевали.

Закинул в рот пятаю за перегон плитку пеммикана из НЗ и прилёг чуток отдышаться да подумать...

Путь на юг, по натоптанной местными жителями стезе, очевидно не для меня.

Однако уходить на запад прямо в лес не хочется. Далеко не факт, что мой вояж не был замечен какой-нибудь страдающей от бессонницы дояркой, а значит, оставлять следы вблизи устья крайне нежелательно.

– Ох-хо-хонюшки! – прокряхтел я в стариковском стиле, вновь принимая вертикальное положение.

С трудом преодолевая боль в натруженных мышцах, я взгромоздился на плавсредство да понемногу погнал его вперёд, в поисках удобного выхода – чтобы и отпечатков подошв не оставить, и заросли невдалеке – жерди схоронить.

Галечная отмель не понравилась, высадка в осоку не прельстила, а там до меня наконец-то дошло – пока нет сильного течения, то можно просто плыть вперёд, не оставляя шансов ищейкам.

Тем более что река, фривольно вильнув изгибом, повернула мой затылок к успевшему вылезти из-за горизонта ещё не яркому солнцу.

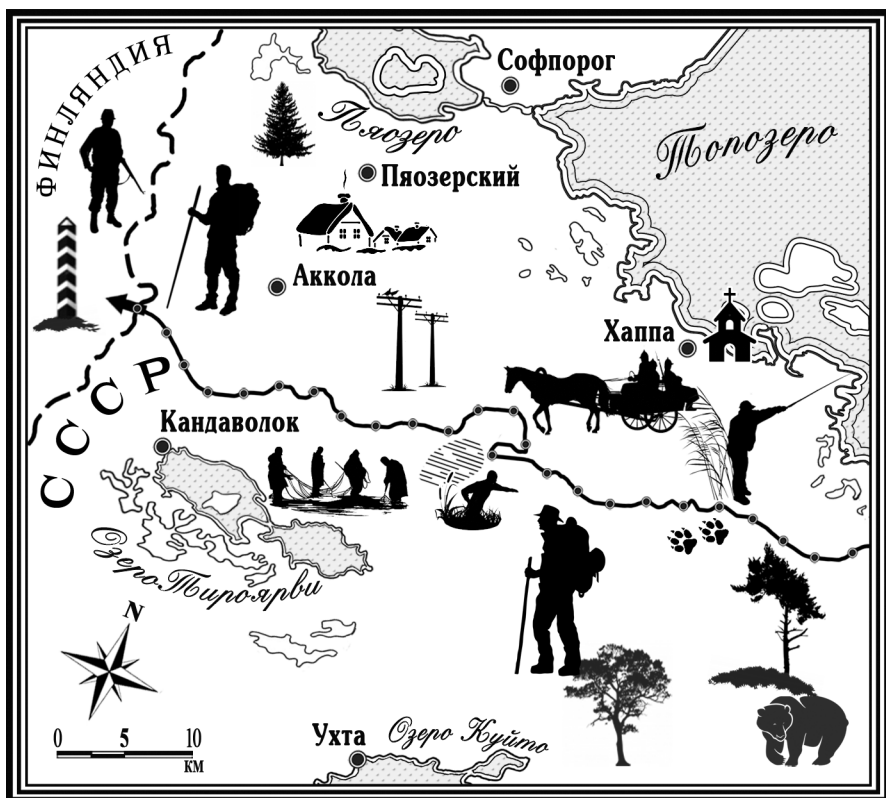
Идиллии хватило всего на час: обидный вираж обратно на юг и шум приближающегося переката поставили окончательную точку в моей недолгой карьере гребца.

А там и неплохой приток-ручеек на запад нашёлся. Не сказать, что сильно полноводный, но и не перешагнёшь, разве что перепрыгнуть, и то – с разбега.

Отполз вдоль него километра на три до небольшого озера, да завалился спать в шикарном ельнике...

К моменту пробуждения солнце ощутимо клонилось к горизонту.

Зверски хотелось есть, поэтому ещё раз убедившись в отсутствии присутствия двуногих прямоходящих, я развёл небольшой костёр для углей, поставил кипятиться воду, да отправился на рыбалку...

Следующие несколько дней не привнесли заметного разнообразия в распорядок дня...

В пище я особого недостатка не испытывал, усталость не убивала.

После подъёма – два часа рваного бега, завтрак сосновой кашей с плиткой пеммикана, горячий брусничный чай.

Затем – ориентирование с высокого дерева, и снова в путь быстрым шагом, в удобных местах переходящий на бег.

Привал – на холодный обед с жалкими остатками вчерашней рыбалки, здоровый полуденный сон-час, и снова движение до тех пор, пока река не выведет к очередному озеру.

То есть ломишься вперёд день, ломишься вперёд ночь, но всегда перед глазами практически одно и то же: комары; болото с одной стороны, тайга – с другой; а впереди – здоровенная лужа; перевернутые вверх дном лодки; развешенные для

просушки сети; да россыпь старых изб, и ещё хорошо, если последние – на противоположном берегу...

Окончательно втянувшись в лесную жизнь, я не сомневался – догнать меня ни местные пейзажи, ни бойцы РККА не смогут. Физические кондиции у них не те, да и вообще, попробуй, побегай по камням в сапогах на скользких подошвах, в долгополой, воглой от дождя и сырости шинели. Да ещё с опаской: не прилетит ли из кустов пуля или хотя бы каменюга.

Собака страшнее будет, и то исключительно по свежему следу, если загонит в тупик.

Главное, чтоб ещё предколлективизационных, довольных советской властью крестьянушек не подняли в массе, да не собрали с ними большую облаву навстречу.

Тут спасение только одно – скорость, скорость и ещё раз скорость...

На четвёртый день однообразие загнало меня в смертельный капкан...

Я двигался в привычном ритме, когда впереди развернулось широкое и длинное болото. Покрытое высокими кочками – оно не казалось мрачнее и опаснее попадавших ранее, скорее наоборот – яркая зелёная трава празднично искрилась в лучах позднего заката солнца миллионами разноцветных капель, обещающая поддержку и опору.

Возвращаться не хотелось, переодев обувь и вооружившись посохом подлиннее и покрепче, я нацелился на торчащий метрах в трёхстах впереди форпост леса, стараясь выбрать по цвету травы более прочные места.

Не менее половины пути мне удалось одолеть без особых сложностей, и я уже задумывался: удастся ли найти ручей на другой стороне болота, или он тут заканчивается, но...

Внезапно моя левая нога, прорвав верхнюю растительную плёнку болота, ухнула под воду выше колена. Я пошатнулся и – о, ужас! – другая нога тоже стала уходить в глубину, не встречая никакого сопротивления.

На мгновение меня обдало смертельным холодом, я с отчаянной тоской представил, как сияющее солнце и далёкие сосны будут равнодушно наблюдать за моим медленным погружением в трясину сперва по пояс, потом по грудь, и наконец

– за последними пузырями, которые торжествующе булькнут на том месте, где только что была моя голова.

Почему-то не так страшно, как безмерно обидно стало при мысли о такой бессмысленной смерти...

Тем временем лишённые контроля мозга ноги бессильно подогнулись, и вместо тщетных попыток вызволить ноги из трясины я как стоял, так и шлёпнулся в траву спиной вниз.

Плеснувшая в лицо вода оказалась прекрасным лекарством от идиотских фантазий...

Осознав, что чем отчаянней будут рывки и движения – тем ближе будет гибель, я раскинул руки широко в стороны, затем медленно и постепенно, анализируя каждый трепет и колебание спасительной корочки, отделявшей моё тело от жадной болотной массы, стал выкручивать ноги из капкана.

Сантиметр за сантиметром, осторожно и плавно, и минут через десять – показавшихся мне целым столетием – я смог наконец распластать их широко в стороны, как и руки.

Из окна, проделанного ногами в поверхности болота, широкой струёй с противным фырканьем и пузырьками выливалась на зелёную траву коричневая жижа трясины, словно стараясь не выпустить меня из своей власти...

Отплевавшись от залившей лицо бурой гадости, пополз обратно, не решаясь сразу встать на ноги.

Лишь удалившись метров на двадцать, поднялся, отдышался и быстро пошёл по своим старым следам обратно, с замиранием сердца воспринимая каждое колебание почвы.

Уверен, что на второе спасение мне не хватило бы ни сил, ни удачи...

Добравшись до ручья, я постирался и помылся – сил не было терпеть болотную грязь, чуть было не отправившую меня за грань реальности.

Заодно – уже в который раз! – отвесил нижайший поклон безвестным мастерам будущей Поднебесной империи, сшившим рюкзачок, благодаря которому у меня сохранились годная еда и комплект сухой одежды.

Хотя всё равно не обошлось без потерь: бинокль пережил купание только наполовину – жидкость проникла в левый монокуляр, заметно подпортив картину увеличенного отражения реальности.

А ещё одна из гафф умудрилась отвязаться и сейчас, вероятно, медленно дрейфует через толстый слой ила в сторону центра Земли.

Усталые, надорванные стрессом мускулы просили привала минуток на шестьсот-семьсот, но чувство самосохранения яростно крутило пальцем у виска при самой мысли о ночёвке перед тупиком.

Разум без длительных совещаний внял последнему, лишь отметил: ещё неделька в тайге – и не далеко до «эффекта Голлума», то есть раздвоения сознания и поедания сырой рыбы...

Выбираться пришлось на север, в противоположную сторону болото приобретало какие-то невероятные, уходящие за горизонт размеры...

Вставший на моём пути микрососняк с частым вкраплением микроболот оказался настоящим квестом, движение получалось исключительно по принципу: два шага вперёд, один назад.

Промучившись в природном лабиринте добрых полдня, я неожиданно услышал невдалеке смутно знакомую, но всё же непривычную разухабистую песню под гармонию:

«Эх, винтовочка, ухнем.
Эх, заветная, сама пальнёт,
Сама пальнёт, сама пальнёт.
Подёрнем, подёрнем,
Да ухнем...».[179]

Источник обнаружился быстро: по открывшейся за кустами лесной дороге, немилосердно скрипя и подпрыгивая на камнях, шустро катились аж целых три повозки, густо обсаженные со всех сторон красноармейцами.

Нелепые, выцветшие чуть не добела картузы-фуражки с мягкими матерчатыми козырьками как маячками проблёскивают малиновой эмалью звёздочек, мешковатые гимнастёрки прячут далёкие от упитанности животы, а тяжёлые, измазанные в грязи ботинки выдали лучшие виды.

[179] Песня «Красная винтовка», на мотив «Дубинушки», слова Демьяна Бедного.

Однако на лицах – самозабвенные улыбки, аж завидно, и глотки дерут так, что шишки сыплются с ветвей.

Оболящаться общим весельем не следует...

Винтовки не сложены в телеги, они – в руках бойцов, пусть не у всех, но у большинства. Ещё и штыки примкнуты[180], в закатном сумраке виден тяжёлый серый цвет грубо откованного металла. Или командиры и политруки успели вколотить в головы вчерашних крестьян любовь к оружию, или – что куда вероятнее – опасаются неведомого врага, причём явно не того, что ходит по лесу без обуви, ведь за всё время «похода» я не встретил ни одного отпечатка медвежьей лапы[181].

Пропустив мимо себя густое облако махорочного дыма, следующего за бойцами РККА в качестве авиационного прикрытия, я уже, было, решил забиться обратно, поглубже в чащу, как в голову стукнулась шальная мысль: «Не будут же они с песней переть мимо патруля или засады? Ведь наверняка остановятся перекинуться парой слов? И со встречными не разъедутся!», – а мне всего-то надо несколько километров отбить, из проклятущего болота вылезти!

Выждав, когда кавалькада скроется за поворотом, я обул трофейные сапоги – не дело пятнать торное место ребристыми подошвами 21-го века – аккуратно просочился на дорогу и, зажав на всякий случай в руках боевой топор, пустился неторопливой трусцой вслед удаляющемуся краснознамённому хору.

Как ни приятно чувствовать под ногами относительно ровную, утрамбованную землю, но всё равно удовольствия мало: нервы напряжены до последнего предела, глаза ловят любую качнувшуюся ветку и странный кустик, мозг заранее выбирает укрытия, за которыми можно спрятаться. Но самое главное – слух, ведь каждый новый куплет, по сути, означает лишние двадцать-тридцать шагов вперёд. Не бездельничает и параноя, она без продыху грызёт душу вопросами типа: «А ну как кого-нибудь из бойцов приспичит пос...ть так, что и тёмный

[180] На винтовках Мосина штык снимался только для чистки и перевозки, но ГГ про это не знает.

[181] В настоящее время медведь распространён в Карелии повсеместно. Однако в конце XIX – начале XX столетий он был в этих местах почти полностью истреблён.

лес не напугает...», – или. – «Вдруг у замыкающей телеги отвалится колесо?».

Хватило меня лишь на полчаса – именно такое время длилось непрерывное выступление бойцов. Жизнеутверждающий мотив очередной красбаллады прервался на самом романтическом месте:

«Смерть в жестокой битве
Ярче и моложе
Жалкого бессилья
Дряхлых стариков...».[182]

Выяснить причину заминки я не стал и немедленно свалил на запад – уж лучше пять километров по нетронутой тайге, чем один, но эдакой нервотрёпки!..

Лес встретил меня как давнего друга..

Для начала я в буквальном смысле упал в приличную кладку какой-то птицы, раздавив всего пару из дюжины крупных почти куриных по размеру, но только бурых в тёмно-коричневую крапинку яиц[183].

Маскировка у гнезда – восьмидесятого левела, можно найти только на ощупь.

Страшным самогипнотическим усилием удержался, чтобы не выпить все яйца сразу – уже после четырёх штук жизнь заиграла совсем иными красками.

Наконец-то я заметил чудесные, горящие как настоящие оранжевые факелы кончики сосен, подсвеченные с севера «вроде бы» давно ушедшим за горизонт солнцем.

А затем судьба подкинула новую путеводную речушку[184], не широкую, но и не ручей, способный потеряться в болоте. Хотя, надо признать, что данный подарок оказался на любителя.

Нетронутая природа радовала шикарной рыбалкой, спокойным отдыхом, даже ночёвкой у тёплого костра..

[182] Песня «Красная молодёжь», 1923 год, автор стихов секретарь Владимирского губкома комсомола Герасим Фейгин, он же прототип «Орлёнка» (погиб в 1921 при штурме Кронштадта).

[183] Вероятнее всего, тетеревиных.

[184] Река Кивийоки.

Вот только жалкие пятнадцать километров я продирался – другого слова не найти! – аж двое суток!

Основная причина задержек – скалы и каменные сыпухи, через которые приходилось искать проходы или устраивать настоящие альпинистские восхождения, причём обычно к ним прилагались опасные, зажатые в теснине пороги, не дающие и малейшего шанса пройти по реке вброд или вплавь.

Однажды – видимо, для разнообразия? – в единственном проходе попался ельник, да такой густой, что я не смог протиснуться между ветвей, и дорогу пришлось буквально прорубать...

На утро третьего дня я не выдержал...

Забрался на скалу повыше, прилёг в ложбинку на вершине, что покрыта лишь серо-зелёным узором чахлого карельского мха, да прикинул дорогу напрямую туда, где буквально в нескольких километрах западнее маячили набившие оскомину озёра. Хорошо, хоть относительно небольшие и без явных признаков жилья по берегам.

Оболящаться последним, к счастью, не стал...

На проверку местность вокруг очередного скопления озёр оказалась плотно изрезана многочисленными просеками, нахоженными тропинками, дорогами, вдобавок попало рукотворное чудо: первая за всё время линия телеграфных столбов.[185]

Темп пришлось снизить, осторожность удвоить, а чуть позже – утроить...

Однажды на берегу – неожиданно открывшимся за очередным поворотом тропы – обнаружили трое бойцов с увлечением давно не кормленных котов наблюдавших за полудюжиной мужиков, тягающих сети в озере. Едва ли они были в состоянии заметить меня, даже выскочи я на них бегом, но будь при них пёсик...

Не хочется на своей шкуре выяснять качество обоняния и слуха немецкой овчарки...

Кроме следов, которые я при первой же возможности топил в попадавшихся на пути речушках, особую опасность представляли собой лысые верхушки холмов и скал.

[185] Район озера Тироярви.

В отсутствии леса силуэт каждого, кто оказывался на гребне, становился чётко виден на фоне неба чуть более чем со всей округи.

Уверен, что чекисты и красноармейцы – на следы которых я начал постоянно наталкиваться – прекрасно изучили эту особенность рельефа и пользовались ею для ловли бегунков. Поэтому мне постоянно приходилось искать проходы, кусты или переползать опасные места, укрывшись травой и ветвями.

Однако новые опасности не смущали, наоборот, они привели меня в восторг!

Ещё бы, без малого месяц скитаний по лесам in the middle of nowhere, выдерживая направление на два лаптя правее солнца, подсчитывая пройденное расстояние с точностью плюс-минус сотня километров... Страшная, выматывающая неизвестность.

А тут – надёжнейшее свидетельство о приближении к советской, самой охраняемой в мире границе!

Мою радость не смогла омрачить ни вынужденная днёвка в ожидании ухода патруля на практически голом скальнике под толстым одеялом маскировочного мха и лишайника, ни большой, осложнённый переправой обход оборудованной заставы, крайне неудачно втиснутой промеж двух крупных озёр.

Не смутил меня и голод – рыбачить и жечь костёр в насыщенной патрулями местности мог лишь безумец, так что запасённая рыба и корневища камыша кончились через два дня. А ещё через день в ход пошла последняя плитка пеммикана.

Следовать вдоль русла[186] реки – кстати сказать, очень удобной – я не решился, опасаясь засады. Поэтому пёр напрямик, без троп, по компасу, но всё равно хоть раз, но умудрился подставиться под патруль...

Солнце клонится к закату, пронизывая игрой отдельных лучиков гущу высокого леса, до которого осталось пройти совсем чуть-чуть через широкую и длинную, малость заболоченную долину...

Капюшон моей куртки вырван с мясом неудачно подвернувшимся сучком, накомарник проще связать новый, чем

[186] Река Валда, так называется верхнее течение длинной и полноводной реки Писта.

починить. Проклятые насекомые роем вьются около опухшего от укусов лица, заглушая звуки, как огромная подушка. Спасительные, купленные в интернет-магазине 21-го века ботинки пару часов назад утоплены в болоте, они до последнего берегли мои ноги от увечий, но даже у капроновых ниток и синтетических клеев есть предел. Ноги, обутые в уродские трофейные сапоги, тяжело переступают в густой траве. Мокрые штаны – когда-то водонепроницаемые и удобные, а сейчас протёртые на камнях, изодранные ветками и прожжённые искрами от костра – неприятно сковывают ноги.

И вдруг сзади раздался мальчишеский крик:

– Эй, ты! Стой! Стрелять буду!

Уж не знаю, на какую реакцию рассчитывал юный боец, но я, как подстёгнутый мощным электрическим разрядом длинным косым прыжком рванул вперёд.

– А ну, стоять! – вторил парню кто-то взрослый.

Томительные мгновения – и вот первый выстрел прорезал тишину.

Гул ещё катился по долине, когда я нырнул в сумрак тайги.

Следом прозвучал целый залп, не иначе стволов из пяти, совсем рядом щёлкнул по сосне горячий свинец.

Понимая, что винтовка пробивает любое дерево навывлет, а шальная пуля ничуть не полезнее обычной для здоровья, я, не сбавляя скорости, рухнул на четвереньки, пытаюсь по-мартышечьи уйти из-под бешеного, но уже не прицельного обстрела. Бегом, на одном дыхании одолел полкилометра, перебрался через противную порожистую речку, чуть отдышался и опять волчьим скоком вперёд, на запад.

В крови адреналин и азарт, ведь мне опять повезло!

Попадись на таком смешном расстоянии вместо красноармейцев настоящие пограничники с собакой – не уйти.

Теперь же – попробуйте для начала догнать!..

* * *

Часа через три, со всей осторожностью пересекая очередную просеку, я заметил в траве кусок рыжей бумаги.

Поднял...

Кулёк! Двойной кулёк из крепкой проклеенной бумаги.

А внутри крошки настоящего белого хлеба, какого я не видел со времён 21-го века!

Мог ли советский пограничник затрофеить буржуйский товар?

Безусловно, но...

Я стал внимательнее приглядываться к деталям ландшафта...

Вот через болотце прокопаны осушительные канавки. Раньше подобная агротехника на глаза мне не попадались, но, кто знает, может быть, именно тут разместился образцовый совхоз ГПУ?

На тропинке – отрывок газеты, язык похож на финский, на котором я не понимаю ни слова. Однако с равным успехом подобную газету могли издать в Петрозаводске для местных карел.

Чуть подальше коробка от чего-то табачного с финской маркой... В которой осталась нетронутой лопнувшая папироса.

Последнее показалось мне убойным аргументом – я перешёл на обычный походный шаг, а чуть позже, наткнувшись на очередную торную дорогу, не стал пересекать её со всей осторожностью и скоростью, а расположился на отдых неподалёку, впрочем, с западной стороны и в удобном для дальнейшего бегства месте.

Ждать пришлось долго...

Раздеваться для просушки одежды и заворачиваться в одеяло и брезент от комаров, как обычно на привалах, я опасался. Спать – тем более. Разве что сменить портянки, подремать, да попробовать пришить наконец капюшон, не забывая отмахиваться от полчищ озверевших летающих крокодилов...

Наконец, часа через четыре, когда я уже совсем, было, собрался продолжить поход, на дороге показалась пара пешеходов с винтовками за спиной.

Я лихорадочно схватился за бинокль и с трудом сдержал вопль радости – дошёл!

На солдатах красовались кепи, прямо над козырьком блестяли одна над другой пара пуговиц, а ещё выше – эмблема в виде двойного белого круга.

Остатки здравого смысла подсказали, что долговязый,

грязный и оборванный да ещё заросший месячной бородой детина ни грамма не похож на розовощёкую девочку в белом передничке и красной шапочке. То есть доверия своим видом не вызывает.

Да и про финнов в СССР поговаривали всякое: и что пять тысяч русских расстреляли в Выборге в 18-ом[187], и что в 21-ом проклятые шюцкоровцы[188] как раз в этих краях войной пошли против «молодой советской республики»[189], а успокоились только в досталь умывшись кровью.

Поэтому вылезал я из леса не торопясь, избегая делать резких движений и, как часто показывали в американских боевиках, с широкой улыбкой и заранее поднятыми руками.

Увы, ни немецкого, ни русского, ни английского или французского языков бравые финские вояки почти не разумели. Но после отдельных международных слов, жестов и энергичной пантомимы о долгом пути с Соловков – данный топоним им оказался хорошо знаком – ребята реально прониклись. Даже не обыскали, лишь угостили сказочно вкусным сэндвичем с черничным вареньем и показали жестами куда двигаться...

Пара часов ходьбы до небольшой деревушки при пограничной заставе – и вот в моём распоряжении настоящая баня!

С наслаждением – впервые за два последних года! – я отмылся горячей водой с белым мылом. С немалыми мучениями

[187] Выборгская резня – эпизод Гражданской войны в Финляндии, когда после захвата Выборга войсками генерала Маннергейма 29 апреля 1918 года были проведены аресты и массовые расстрелы финских красногвардейцев и гражданского населения (всего около 3-5 тысяч человек). Из них русских – около 380-420 человек.

[188] Шюцкор – отряды самообороны, самоорганизовавшиеся в 1917 году по примеру спортивного общества «Союз силы». С 1918 года формировались из добровольцев по территориально-милиционерскому принципу, по сути – вспомогательные войска.

[189] Вторая советско-финская война, или «Карельская авантюра». В октябре 1921 года в Тунгудской волости (столица село Ухта) началось «кулацкое» восстание, на помощь которому из Финляндии было направлено около 2,5 тысяч бойцов. В основном подавлено РККА к декабрю 1921 года, но отдельные стычки продолжались до 1924.

и порезами, но всё же уничтожил бороду и усы одолженным ретростанком «Gillette» со сменными пластинками-лезвиями – оказывается, тут это совсем не редкость в отличие от Советского Союза. Выстирал бельё и в виде, отдалённо похожем на человеческий, стал ждать развития событий.

Скоро в предбанник вошёл какой-то благодушный финн в неожиданных ярко-жёлтых кожаных сапогах, потрепал меня по плечу, весело улыбнулся и пригласил жестом за собой.

«Небось, ответят в местное КПЗ...», – мелькнуло у меня в голове. – «Только почему без вещей?».

Между тем на заставе дело явно шло к ужину...

Невдалеке, на веранде уютного домика начальника охраны, стоял укрытый полотняной скатертью стол, в центре которого парил огромный открытый пирог из мелкой рыбы. Рядом под расшитым вручную полотенцем томилась кастрюля с каким-то варевом, на деревянной тарелке высилась стопка блинов или больших лепёшек. С краю притулилась пара кувшинов с молоком и какие-то мелочи.

Простенько по меркам 21-го века, но – чёрт возьми! – после трёх последних дней, которые пришлось провести на подножном корме в совершенно буквальном смысле этих слов, я был бы рад любому сухарю.

Увы, пока мне оставалось лишь отвернуться, чтобы не травить лишний раз душу...

К моему несказанному удивлению, меня провели именно к этому столу и любезно пригласили сесть. Наверное, хозяйева догадывались, как опасно оставлять человека из леса рядом с едой, поэтому буквально через несколько минут за трапезой собралась вся заставка, то есть полтора десятка мужчин, женщин и детей.

Все улыбались мне, пожимали руку, говорили по большей части непонятные, но явно доброжелательные слова, и никто не намекнул ни интонацией, ни движением, что я – зека, неизвестный подозрительный беглец, может быть – преступник[190].

Признаться, ровно до сей поры у меня в голове гнезвился страх, что продержат денёк-другой, дождутся злой директивы

[190] Данная сценка, за исключением деталей, позаимствована из мемуаров Б. Л. Солоневича.

от начальства, да погонят под прицелом обратно к границе – сбавить мою ни разу не ценную персону советским коллегам на расправу. Если не проще – бездонных болот в Карелии хватает и по эту сторону границы. Даже прикидывал чрезвычайный план объяснения или сопротивления.

Но тут, за столом я окончательно и бесповоротно понял – не выдадут!

Наверное, мне следовало переполниться чувствами радости, толкнуть полную пафоса речь, вытереть скупую мужскую слезу с уголка глаза или сделать ещё что-нибудь киношное...

Вместо этого в сознании отложилась некая пустота. Как у художника, который успешно и в срок завершил тяжёлую и даже опасную роспись купола огромного храма. Позади этап длинной работы...

Вот только стены...

Они всё ещё стыдливо белеют обнажённой штукатуркой. И каждую предстоит превратить в такое же сложное и законченное творение души и разума.

Получится ли?

По силам ли задача?

Смогу ли я отдать свой долг?!

Тем временем хозяйка успела налить каждому в тарелку густого рыбного супа со сливками.

«Обо всём этом я подумаю завтра!», – вооружаясь ложкой и укрепив силу воли для поддержания человеческой скорости потребления пищи, я отбросил прочь все сомнения ради страшно простого, и в то же время куда более актуального вопроса. – «Интересно, как тут насчёт добавки?».

9. ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

Хельсинки. Лето 1928 года

24 месяца до рождения нового мира

– Could I have the final straw? – с раздутой вежливостью поинтересовался я.

– Биереги твоего вирблюда, – засмеялся коренастый грузчик-швед, [191] подталкивая мне на спину последний мешок – нашёлся же юморист на мою голову...

Но грех жаловаться всерьёз, лингвистическое разнообразие среди рабочих в порту Хельсинки очень удобно, а уж в «Артели русских грузчиков» [192] – тем более. Пусть от славы тружеников-интеллигентов через шесть лет после основания осталось лишь название, но тут порой плохонько, но говорят на трёх-четырёх языках.

Пользуясь такой возможностью – кроме естественного русского – я старался придерживаться одного лишь английского, уверяя всех встречных и поперечных о великой мечте – перебраться в Штаты. Знание же немецкого и французского на всякий случай скрывал.

Хорошо и другое: контейнеры пока не изобрели, поэтому заказов нам хватает с лихвой.

И платят, в общем-то, неплохо: три финских марки в час, что составляет при пересчёте через золото пятнадцать французских франков или американский доллар с центами.

[191] Вплоть до конца XIX века в Хельсинки-Гельсингфорсе абсолютно преобладало шведское население. К 1890 году языковой состав – 45,6 % шведский, 45,5 % финский, 6 % русский и 2,9 % прочие.

[192] «Артель русских грузчиков» в порту Хельсинки действительно существовала с 1922 года.

Таскать мешки, ящики и бочки позволено сколько угодно долго, поэтому привычные лагерные двенадцать-тринадцать часов работы в удачный день дают более тридцатки на руки. Не великое состояние, однако такой уровень, хотя и без излишеств, позволяет жить не только одинокому парню, но и молодой семье.[193]

Сытный обед с большой кружкой разрешённого законом двухградусного пива стоит три марки. Не новый рабочий комбинезон для грузчиков, то есть со специальным плотным капюшоном, обошёлся в пять монет, ношенные, но добротные высокие ботинки тёмно-рыжей кожи с антитравматическими стальными оковками носков – десять.

Отдельной строкой у меня идут затраты на роскошь, то есть миниатюрную меблированную комнату с уборкой, завтраками и сменой постельного белья – всё за пять марок в сутки. Безусловное мотовство, но после полутора лет жизни на нарах из необработанного горбыля я физически не смог отказать себе в подобном удовольствии.

Да и сказать по чести, торопиться особо некуда...

За полгода я смогу отложить три сотни баксов на лое-ра-кровопийцу в любом случае – ничего более мне от чопорной, богатой, но совершенно чужой Суоми-красавицы не надо. И наши чувства взаимны – получить в скандинавских странах нормальный вид на жительство и, соответственно, квалифицированную работу специалиста, не проще чем в Швейцарии 21-го века[194]...

– Hurry, lad!

Долгий путь из трюма заштатного мотопарусного корыта до развозного грузовичка успешно завершён.

– My mission is accomplished! – браво отчитался я принимающей стороне, сваливая ношу с плеч в кузов.

[193] На самом деле, по финским меркам того времени доход ГГ более чем скромнен. Рабочие имели (до налогов) в среднем 10 тысяч марок в год, машинистки – около 15 тысяч, офисные клерки – до 30 тысяч.

[194] В данном случае ГГ не совсем точен: финляндское гражданство всё же заметно доступнее современного швейцарского. В теории (и при знании языка) на него можно было претендовать после проживания в Суоми в течение пяти лет.

И с чувством выполненного долга направился за получкой в соседний пакгауз.

Разбитная молодка с хитрой должностью – трактуемой в переводе примерно как «представитель заказчика» – приметил меня как обычно издали и не поленилась сменить родной шведский на не менее родной английский.

– Look! Our high achiever, – громко разнеслось по переулку её контральто под смех успевших освободиться раньше бойцов бригады. – Come take your wage that I promised you.

– It's more so than ever I wanted! – принял я несколько смятых зелёных купюр «с ёлочкой» и жмень медных монеток, часть из которых попала в оборот ещё до революции[195].

– Пойдём по бабам! – немедленно влез из-за плеча знакомый голос. – Я знаю верное место!

Это уже наш брат-эмигрант старается, бывший интеллигентный человек, да ещё вроде как из офицеров.

За десяток лет мог бы пристроиться куда лучше, если бы каждую неделю с тоски по «родным берёзкам» не напивался контрабандной[196] водкой до пушистых слоников и розовых белочек.

– It will most likely be tomorrow, – автоматически отшутился я и, повернувшись, продолжил «не для всех». – Прости, приятель, но, честное слово, мне с тобой хватило и одного раза!

– But that will never, ever happen because tomorrow will in all probability be very much like today, – подтрунила «представитель заказчика».

Ставлю свою получку против старой драной газеты, что она и русский неплохо понимает!

Жаль, что я не готов к тяжёлому, переходящему в супружеские отношения флирту, лёгкие же формы девушка, к моему глубочайшему сожалению, не признаёт.

[195] На право Финляндии печатать собственные деньги Российская Империя никогда не посягала. «Ёлочка» изображалась на купюре в пять марок.

[196] Сухой закон в Финляндии пробовали ввести с 1907 года, но администрация Российской Империи его блокировала вплоть до революции 1917 года. Таким образом, запрет на алкоголь крепче 2 % действовал с 1919 по 1932 год.

Кроме того, даже женитьба на гражданке Суоми не даст аналогичного статуса ни мне...

Ни нашим гипотетическим детям.

– Всем спасибо, всем пока, – салютнул я обоими руками вверх. – Take care, my comrades, bye!

– Arbeit macht frei[197]! – разобрал уже в спину.

Ох, как бесят меня после Кемперпункта «умные» лозунги типа «труд освобождает»!

Однако развернуться и вклеить по мозгам нельзя – камрады не поймут. Нынче в моде подобные незатейливые фразы для рабочих, нет в них ни злобы, ни особого подтекста, поэтому не в чем мне упрекнуть Ганса-счастливчика. Смешливого, умного, ну или, по крайней мере, неплохо образованного бухгалтера, неожиданно оказавшегося без работы. Левого социалиста по убеждениям, а также отца очаровательных близняшек. Да что там – в иной ситуации мы с ним могли бы стать добрыми друзьями!

Увы, здесь и сейчас – я чужой.

Жизнь коллег-грузчиков выходит слишком простой и неинтересной. Героическое приключение – провести вечер в грязной полуподпольной пивнушке под портер или ёрш, закадрить по-фински коротконогую любительницу с северной эспланады или снять профессионалку. Как интеллектуальный максимум – кино или бейсбол[198], покуда не иссякнет отложенная за неделю сотня марок. Затем опять в порт, подставлять спину под мешки. Быть правильным аборигеном ещё скучнее: семья, рыбалка, турпоходы, здорово напоминающие пикники на природе, зимой – лыжи или коньки...

Скатываться в сытое болото я не хочу, как не пытаюсь и особенно учить финский. Получается кое-как объясняться в Вавилоне Гельсингфорса – и ладно...

Хотя первые шаги давали почву для оптимизма – не особенно хорошо вышло с взаимопониманием на другом конце социальной лестницы...

[197] *Труд делает свободным (нем.). Данная надпись «красовалась» на воротах в Дахау, но ГГ про это, разумеется, не помнит.*

[198] *Имеется в виду «несапалло» – финская разновидность бейсбола.*

Герман Фёдорович Цейдлер, председатель «Особого комитета» по делам «той, что уж нет» России в Финляндии, охотно взял меня под своё любезное покровительство. Чопорный и строгий на вид имперский чиновник на деле оказался замечательным человеком и знаменитым русским хирургом. Революцию он не принял, но как настоящий врач попытался лечить – то есть сделал главным делом своей жизни помощь «впавшему во временное помешательство населению России». Причём, не делая исключения даже для вчерашних врагов, скорее, наоборот, самую большую помощь он оказал умирающим от холода и голода матросам и солдатам – беглецам из мятежного Кронштадта.

Мой случай оказался несоизмеримо проще...

Всего несколько дней энергичных хлопот господина Цейдлера – и я смог покинуть комфортабельную, но изрядно опостылевшую камеру местного СИЗО.

Но этим мой новый ангел-хранитель отнюдь не ограничился.

Во-первых, он где-то отыскал приличную одежду взамен разодранных в карельских лесах и болотах штанов и куртки.

Во-вторых, несколько раз покормил в ресторане, сверх того, из личных денег выдал целых сто марок подъёмных.

В-третьих, сильно помог с бесплатным видом на жительство...

Сроком на один год и без права на работу...

Тут – никакой иронии: бравые финские чиновники на полном серьёзе пытались содрать за эту глупую бумажку полсотни марок гербового сбора.

В-четвёртых, и это главное, он более-менее посвятил меня в «современное» мироустройство...

Оказывается, слова «русский» и «беженец» в текущем историческом периоде воспринимаются как синонимы. То есть буквально всё европейское законодательство о беженцах начиналось с подданных Российской Империи, в одночасье лишившихся собственной страны.

Не то, чтоб подобного ранее не происходило совсем – вопрос в масштабе.

К началу 20-ых годов на территории десятков стран

Европы и мира оказались миллионы россиян[199], причём многие – в бедственном положении, без денег, документов, работы, и главное – не испытывающие ни малейшего желания возвращаться на родину.

Раздавать направо и налево своё гражданство не захотел никто, но и оставить бедовать такую кучу людей, из которых чуть не половина прошла через горнило двух тяжелейших войн, просвещённым европейцам показалось страшновато.

Поэтому Лига Наций напряглась и к 1922 году в тяжёлых муках, но всё же «родила» устраивающую всех форму, получившую тут же вполне официальное название «Нансеновский паспорт». В честь активно лоббирующего данную идею знаменитого полярника, нобелевского лауреата, а также комиссара по делам беженцев.

Ещё года через три документ начали признавать и выдавать в большинстве стран мира[200].

Но...

С небольшим, но важным нюансом: каждое правительство изобретало правила и пошлины хоть и по формальным рекомендациям Лиги Наций, но в «меру своей испорченности»[201].

В Суоми чиновники подошли к процессу необыкновенно творчески...

Беженцы, прибывшие в Финляндию нелегальным путём,

[199] Подсчёт количества эмигрантов «первой волны» – дело неблагодарное. По данным Лиги Наций – таковых 1,4 млн. человек, но это именно беженцы. Кто-то насчитывал чуть ли не десять миллионов, цифру «два миллиона» В. И. Ленин назвал и на X съезде РКП (б), выступая там 9 марта 1921 года. В настоящее время большинство исследователей сходится к трём-четырёх миллионам.

[200] В 1942 году этот паспорт признали правительства 52 государств, он стал первым переездным документом для беженцев. Позже он стал предпосылкой для Проездного документа беженца, ратифицированного Конвенцией ООН о статусе беженцев в 1951 года.

[201] На практике «нансеновские паспорта» лишь подчёркивали бездомность их обладателей. В. В. Набоков отмечал, что иметь нансеновский паспорт значило то же, что быть преступником, отпущенным под честное слово.

в течение пяти лет считаются гражданами СССР, и лишь выдержав такой безумный ценз – ещё и без права работы! – могут получить нансеновский паспорт.

Хорошо, что хоть господин Цейдлер заранее подсказал лазейку в законе: при желании навсегда уехать из страны я вполне могу назваться не советским, а «русским по происхождению, не принявшим другой национальности», после чего получить пресловутый нансеновский папир практически сразу.

То есть финны совершенно недвусмысленно намекают – вали транзитом к огням Монмартра.

Понять ситуацию, в общем-то, несложно...

Тяжело крохотной нации растворить в себе остатки шведской аристократии, российских имперских клерков и купцов, петербургских дачников, волей случая оказавшихся в чужой стране вместе со своими домами в Териоки,[202] а потом – ещё несколько волн советских беженцев.

Последняя, к примеру, состояла из доброго десятка тысяч участников разгромленного Кронштадского мятежа[203]. Подобной армии впору не убежище искать в трёхмиллионной стране, а устанавливать собственную власть.

Впрочем, их право...

Для меня дело встало за малым – правильно оформить бумаги о своём прошлом, да найти государство, готовое принять блудного сына России.

Легко обойтись вовсе без денег – вербовщики в распрекрасный парагвайский Асунсьон или алжирский Бешар охотно берут все расходы на себя.

Охотно и недорого принимают людей в обезлюдевшую после войны Францию и Чехословакию.

Ещё есть Польша...

[202] Териоки – ныне Зеленогорск. В 1907 году там было 1400 дач, 44 улицы, почта, телеграф, телефон. Поезда ходили в Петербург 10 раз в день. Как и многие дачные посёлки Карельского перешейка в 1918 году отошёл Финляндии.

[203] Кронштадское восстание было разгромлено в марте 1921 года, примерно 11 800 участников смогли уйти в Финляндию. Из них 121 человек был выдан обратно по требованию СССР в 1944 году.

Вот только мне по странной прихоти хочется хоть на пару дней попасть в германский Франкфурт-на-Майне...

Что ж, желание клиента для юристов – закон, но...

Пожалуйста всего-то триста баксов бандитам в дорогих костюмах!

Это за самый дешёвый вариант, предусматривающий «запертую» трёхмесячную визу с упоминанием определённого курорта.

Свобода, не поспоришь, но почему-то в лесах Карелии она ощущалась куда более полно.

Не могу сказать, что я испытывал огромное желание знакомиться с русским комьюнити накоротке – строго наоборот: множество неизбежных и неприятных вопросов меня откровенно пугали.

Но – чёрт возьми! – где ещё может найти высокооплачиваемую, но при этом нелегальную работу вчерашний беглец, чужак, не знающий ни шведского, ни финского языка?

Не милостыню же у церковного крыльца просить, в самом деле!

Первейшая проблема – информационный вакуум. Не глобальный, слава богу, достать популярную лондонскую и берлинскую газету – не проблема, а посему в мировых событиях я ориентируюсь более чем уверенно. Но о Советах там пишут удручающе редко и кратко, примерно, как о Португалии или Турции. Финляндию не упоминают вообще.

Тогда как из рассказов моего покровителя неожиданно выяснилось, что «бывшие» создали за границей необъятный материк российской взаимопомощи и культуры, обитатели которого выпускают уйму газет, журналов, книг[204], показывают русский балет и театр, организовали фабрики, школы, гимназии и даже университеты[205].

[204] По словам западногерманского историка Г. Э. Фолькмана с 1917 по 1924 гг. эмигрантами было издано не менее 3735 книг и брошюр, из них около 1450 произведений художественной литературы.

[205] Университетов было даже подозрительно много: пять в Праге, шесть в Харбине, восемь в Париже. «Русские академические группы» имелись почти во всех крупных европейских столицах (по книге «Агония белой эмиграции» Л. К. Шкаренкова).

Но хорошо там, где меня нет, то есть в Париже, Праге, Харбине, Сан-Франциско. Тогда как Хельсинки хоть и будущая родина Линус Торвальдса и «Nokia»[206], но сейчас – суть колониальная дыра с деревянными домами и лошадиным навозом на улицах. Население едва дотягивает до пары сотен тысяч человек – то есть раз в десять меньше большевистского Ленинграда. Лишь в «каменном центре» вокруг порта кое-как теплится настоящая городская жизнь – со звоном трамваев и гудками авто.

Русских газет в столице Финляндии не издаётся ни одной, не выживают по тривиальным экономическим причинам.

Зато кроме насквозь официального «Особого комитета» тут имеется целых два организовано враждующих друг с другом сообщества соотечественников: «Русское купеческое общество» и «Русский клуб». Последний считается более простым и демократичным, но с точки зрения материальных фондов имеет место схожесть уровня одноййцевых близнецов: библиотека, в которую участники жертвуют ненужную макулатуру, бильярд для мужских разговоров, карточная комната для женских сплетен, зал для представлений или лекций, а также ресторан, позволяющий сводить баланс заведения хотя бы к нулю...

Таким образом, господин Цейдлер не видел особых проблем в моей интеграции.

– Мой юный друг, приходите-ка завтра к вечеру в клуб, часикам эдак к семи-восьми, и непременно застанете всё гельсингфорское общество, – предложил он. – Только, ради бога, не переживайте – там исключительно интеллигентные люди, и я уверен, что они с пониманием отнесутся к вашей ситуации. Вместе мы обязательно что-нибудь придумаем, вот увидите!

По понятным причинам я не разделял его оптимизма, но и совсем отказываться от визита не видел резона. Достаточно повидал «их благородиев» на Шпалерке да и в Кемперпункте успел понять, что привычный по книгам и фильмам 21-го века «высокий» образ не слишком соответствует реальности: слишком много среди обладателей дворянского статуса людей

[206] Штаб-квартира «Nokia» находится в Эспоо (второй по величине город Финляндии), но ГГ про это не знает.

откровенно бедных, худо образованных и никуда не годно воспитанных. На высоте лишь один параметр – самомнение.

Таким образом, с поправкой на десять лет жизни при советской власти, у меня не так и много шансов сойти за своего.

С другой стороны – если совсем припрут, то тут ГПУ нет – сошлюсь на тяжёлое детство, восьмибитные игрушки и сбои в ПЗУ, сиречь любимую режиссёрами сериалов амнезию...

* * *

Лезть сразу вглубь тусовки посчитал делом рискованным, посему заявился по выписанному на карточке адресу к обеду...

Первоначально – то есть со слов господина Цейдлера – я представлял «Русский клуб» как заведение, примерно соответствующее ночному клубу 21-го века, но суровая действительность быстро внесла свои правки в масштаб ожиданий...

Обескураживающе скромная вывеска сообщества нашлась только у дверей подъезда, рядом с номером квартиры, так что пришлось подняться на второй этаж и ткнуть в слово «press», выдавленное в белом фаянсе кнопки звонка.

Дверь открылась почти мгновенно, и я предстал перед древней бабулей, чьи длинные седые волосы скрывал тёмно-синий обруч кокошника с жёлтой лентой узора. Изрядно огрузневшее от возраста тело затягивал убийственно жёсткий на вид сарафан того же стиля.

Торжественно приняв кепку в передней – привычное название «прихожая» тут никак не подходило – она препроводила меня через коридор сразу в зал, середину которого занимал сервированный стол персон эдак на пятнадцать.

По левой стене располагались живописные ростовые портреты членов императорской семьи в простых деревянных рамах, а правую чуть ли не целиком занимала невероятно широкая и высокая четырёхстворчатая дверь, вероятно, её открывали для особо многолюдных мероприятий.

Впереди за занавеской виднелся проход в кухню, рядом – на балкон, по летнему времени открытый настежь в зелень внутреннего дворика. В ближнем углу простоту белёных стен нарушала антикварная печь, покрытая плиткой с орнаментом голубой глазури.

Люстра, полная вычурных хрустальных висюлек и позолоты, спускалась к столу с четырёхметровой высоты, довершая тем самым картину смешения эпох и стилей.

Взгляды прервавших обед людей скрестились на мне, и я остро почувствовал, что подаренный костюм – казавшийся на улице очень приличным и даже франтоватым – на самом деле недавно перелицован.

«А может...», – мне пришла в голову ужасающая мысль. – «Они уже кого-то в нём видели!?».

Что делать?

Развернуться и уйти, чтобы никогда не возвращаться?

Остаться, выказав себя полным идиотом?

Нагло сесть за стол?

– Добрый день, – промямлил я и замер в нерешительности.

– Гхм-м-м... – услышал я из-за спины тихий голос бабули-метрдетеля. – Господа, позвольте вам представить...

Пауза затянулась, и она легонько толкнула меня под руку.

– Ах, да... – наконец до меня дошло, что требуется сделать.

– Обухов, Алексей Обухов. Профессор Цейдлер советовал мне посетить «Русский клуб», и вот...

– Мы рады вас видеть, – учтиво, но немного высокомерно ответила фигуристая дама лет сорока, сидевшая во главе стола. – Я – Ольга Александровна Кузьмина-Караваева[207], сегодня мне выпала честь председательствовать в нашем клубе. Не желаете ли присесть, сударь?

– Спасибо! – искренне поблагодарил я, размещаясь на краешке стула с высокой резной спинкой.

Меж тем госпожа председатель плавным жестом руки указала на сидящего справа седого как лунь, но сохранившего роскошные пепельные усы старикана в строгом, больше похожем на мундир чёрном костюме, и его жену – худощавую и весьма милую на вид старушку.

– Генерал Карл Михайлович Адариди с супругой Анной Леопольдовной... Прошу любить и жаловать.

Украшенный старостью и поражениями вояка едва заметно

[207] *Ольга Александровна Кузьмина-Караваева, 1890-1971 годы. Внучка бывшего генерал-губернатора Финляндии графа Гейдена, жена ротмистра Д. Д. Кузьмина-Караваева.*

дёрнул в ответ усами, а может, они у него тряслись от болезни, точно не разобрать.[208]

Зато его спутница не пожалела улыбки и игривого наклона головы.

Далее моё внимание переключили на пару «девушек» лет двадцати... с изряднейшим хвостиком...

При абсолютном внешнем различии их объединяло одно: причёски, вернее сказать, чудовищное количество времени, затраченного парикмахерами на сооружение затейливых конструкций из ленточек, шпилек и закрученных в разные стороны локонов.

– Мадемуазель Нина Альбертовна Хорстмайер и Тамара Евгеньевна Белоусова, – представила их Ольга Александровна.

На этом фланге меня уже давно взвесили, препарировали и, вероятно, нашли бесперспективным вариантом. Поэтому отделались формальным «приятно познакомиться» в исполнении одной из барышень.

– Молодой человек, перед вами... – госпожа председатель сделала паузу, наконец добравшись до последнего из присутствующих. – Виктор Александрович...

Сидевший напротив господин лет тридцати, чьё лицо сразу привлекло меня чёткими породистыми линиями и отсутствием успевших надоесть до ненависти «офицерских» усов, резко закашлялся.

– Что с вами, мой дорогой? – в голосе госпожи председателя послышались отчётливые материнские нотки.

– Никак не могу привыкнуть к климату... Ваше Сиятельство, убедительно прошу простить меня.

– Ах, ну, разумеется... – всплеснула руками Ольга Александровна. Повернувшись ко мне, их Сиятельство наконец обозначило меркантильный интерес. – Вы у нас, сударь, столоваться изволите? Возможно, вам это покажется неучтывым, но я должна заметить, что в это нелёгкое для всех нас время обстоятельства вынуждают брать за обеды по шесть марок за раз или сто в месяц.

– Согласен! – я постарался тщательно скрыть недовольство

[208] *Август-Карл-Михаил Михайлович Адариди (1859-1940), генерал, военный деятель и писатель. Живя в эмиграции в Финляндии, служил корреспондентом в банке.*

прайсом, куда больше похожим на грабёж. – Но только сегодня, так как не уверен в своём достатке на более длинном отрезке времени.

Сразу после этих слов бабуля-метрдотель неслышно материализовалась за моей спиной.

– Милоч, изволь заложить салфетку, чай, у тебя сейчас вещей не целый гардероб, – шепнула она едва слышно.

Есть, всё же есть прок от кинематографа будущего...

Я вовремя вспомнил «Собачье сердце» и кое-как запихал за воротник рубашки уголок белоснежной салфетки, вытасченной из изящного колечка зажима.

Тем временем многофункциональная бабуля потянулась

половником к стоящей в центре стола фарфоровой супнице и налила мне в бульонную чашку янтарной ухи, без труда компенсирующей отсутствие каких-либо видимых ингредиентов умопомрачительным запахом.

Пока я прикидывал, как половчее ухватить снабжённую сложной монограммой серебряную ложку, она при помощи щипцов положила на стоящую слева впереди тарелочку небольшой раскрытый пирожок, как бы невзначай сдвинув по ровнее лежащие рядом нож с вилок.

– Пожалуйста, отведайте под ущицу расстегаев с визигой[209].

Несколько минут меня особенно не беспокоили, вежливо и предупредительно предоставив возможность погрузиться в еду, и это оказалось весьма кстати: аккуратность и бесшумность процесса потребовали полного внимания.

Наконец я облегчённо и насыщенно откинулся на стуле, чем немедленно воспользовался Виктор Александрович.

– Могу ли попросить вас рассказать: в каком полку служили? – напыщенно спросил он.

От неожиданности я едва не потерял дар речи. Первая рациональная мысль: «В советских журналах бестселлер Ильфа и Петрова давно публикуется[210], а эмигрантские издания подхватили почин, и крылатая фраза товарища Бендера «пошла по рукам» как шутка...».

Однако догадка долго не продержалась – ни у одного из присутствующих не проявилось на лице и тени улыбки!

Лишь после ощутимой заминки я нашёл с ответом.

– Не успел. К сожалению, в революцию мне четырнадцать едва стукнуло, – ответил с напускной стыдливостью я.

При слове «революция» собеседник поморщился – видимо, больше привык называть «величайшее событие 20-го века» бунтом или мятежом, поэтому в попытке сгладить неловкость я торопливо дополнил своё досье:

– Увы, перед вами – всего лишь недоучившийся студент-электрик из Питера, – сказал скромно.

[209] Визига – хорда, добываемая из осетровых рыб. Фарш часто использовался именно в расстегаях.

[210] В СССР роман «12 стульев» публиковался с января по июль 1928 года в ежемесячнике «Тридцать дней».

– Так вы, стало быть, дворянин? – прямо «в лоб» поинтересовалась одна из барышень.

– Разумеется, – легко соврал я.

Как мне хотелось избежать этого вопроса...

Нет, чтоб сразу развернуться от стола, да свалить подальше от колючих осколков империи!

Но зачем-то остался, хотя ещё в борьбе с супом по услышанным обрывкам фраз понял: эти точно спросят. Им – важно! Более того, отказ от статуса в сложившейся ситуации грозит в лучшем случае безнадёжным игнором. В худшем – придётся в куда менее приятной обстановке объяснять разницу между непонятным современной науке, а значит – очевидным шпионом Коршуновым, и вполне состоявшимся в кругах скаутов – а также делах ГПУ и финской контрразведки – дворянином Обуховым.

Поэтому я лишь слегка запутал ситуацию заранее продуманной легендой.

– Уж этого-то никакие большевики не могли меня лишить! Ох, бедные мои родители, они исчезли в декабре семнадцатого. Просто ушли однажды вечером проводить знакомого, и больше никто и никогда их не видел. А через два года комиссары – или бандиты, кто уж их там разберёт? – разграбили и сожгли наш дом... – я отрепетировано шмыгнул носом.

– О, несчастное дитя! – вторила мне старушка, супруга генерала.

– Мои соболезнования, – чуть склонила голову их Сиятельство.

– Но извольте, извольте... – вдруг поспешно вмешался Виктор Александрович. – Стало быть, вы же никак не могли поступить в университет раньше двадцать первого, скорее, двадцать второго, по моему разумению! – собеседник подобрался, как будто готовясь к удару. – Алексей, вас в Гельсингфорс каким ветром занесло?!

– Попутным, – неудачно пошутил я в ответ.

– Стало быть, попутным? – переспросил генерал, который, как оказалось, внимательно вслушивался в беседу. – А то нынче у нас ветры-то все разные будут!

– Два месяца как из большевистского концлагеря, – поспешно объяснился я в попытке погасить назревающий

конфликт. – Арестовали меня чекисты ещё в двадцать шестом за контрреволюцию, год промариновали в камере Шпалерки, а потом – бессудно сослали на Соловки. Но я сумел сбежать по пути с Кемской пересылки сюда, в Финляндию.

– Один, стало быть, бежали? Или со товарищами? – в голосе Виктора Александровича послышалась явная насмешка. – А коли кругом болота, как выбирались?

– В лесу – как дома! – стараясь соответствовать, я манерно вскинул вверх подбородок. – С детства в скаутах, мы часто ходил в трудные походы, пока коммунисты не разогнали ячейку[211]. Да и потом... Хоть и реже, но продолжали тренировки в надежде на скорый возврат адмирала Колчака, а после его гибели... Мы просто ждали чуда.

– Ох, простите меня великодушно, – извинился собеседник, впрочем, по-прежнему без особой симпатии, скорее, в странной задумчивости.

Наверно он считал, что любой честный дворянин обязан подростком уйти вместе с белой армией и сгинуть «за веру, царя и отечество» где-нибудь между Вологдой и Иркутском.

Видя отсутствие в собеседниках веры, я резко добавил реализма.

– Представьте себе: от Белого моря без малого месяц шёл в обход всех дорог и деревень. Пришлось питаться сырой рыбой и корой деревьев, тонуть в болоте, переплыть множество рек и несколько озёр в ледяной воде, ночевать без костра, укрываясь мхом, прятаться, убегать от погони, от собак, от крестьян, от пуль чекистов и пограничников. Сколько раз думал о неизбежной гибели, но всякий раз удача была на моей стороне.

Наконец-то мои слова смогли если не поколебать предвзятость Виктора Александровича, то хотя бы вызвать любопытство.

– Бесценный опыт! Вам непременно нужно познакомиться с капитаном Гранбергом, новым начальником отряда русских скаутов в Финляндии!

[211] Формально движение скаутов распустили в 1919 году по инициативе Второго съезда комсомола. Ряд руководителей был арестован и расстрелян. Но фактически большая часть скаутских ячеек прямо поддерживала белое движение и уже находилась на нелегальном положении.

Ну ничего себе подстава!

Этот тип, чего доброго, и настоящего Обухова может знать!

– Позвольте поинтересоваться... – вмешалась госпожа председатель. – А какие знакомства вы водили в Санкт-Петербурге?

«Никогда ещё Штирлиц не был так близок к провалу...», – отметил я про себя.

Но вслух поспешил озвучить следующую заготовку, дающую возможность избежать проверки знаний родословной троюродных дедов в привязке к топонимике северной столицы:

– Мы же в Екатеринбурге жили. Там бы я и остался, да прознали в УПИ[212] о родителях и «вычистили» прочь, шибко строго с этим на Урале. Пришлось кое-как пристраиваться в Петрограде.

– Ах, ну конечно же... Поэтому – Колчак! – как-то очень по-своему отразил мои слова Виктор Александрович.

– О, боже, ведь у вас в городе закончил дни наш несчастный государь, – вмешались чуть ли не хором барышни.

– Точно так, – протянул я, придав лицу подобающее ситуации выражение невыразимой скорби. – Мне не раз пришлось приходиться... К этому проклятому месту. Первое время много людей там собирались, плакали все.

Не скажешь же прямо, что в 21-ом веке царские останки интересны разве что как выгодный экспонат, привлекающий со всего мира туристов-богомольцев? А ещё – как сюжет для ходовых открыточек-иконок.

– В нелёгкое время нам уготовано выживать... – неожиданно подала голос старушка. – Ну, на всё воля божья. Даст бог, даст бог!

– Верю, что бог покарает подлых убийц! – с наигранным пафосом подхватил я шикарную идею отвода беседы от своего прошлого. – Имя царя и его семьи не будет потеряно в веках, народ воспрянет ото сна, и на обломках само... страны вспомнит о царственных страсотерпцах! Я думаю – нет, я

[212] По состоянию на 1926 год в Уральском политехническом институте (УПИ) всего два факультета: химико-металлургический и горный. Но ни ГГ, ни его собеседники про это не знают. Хорошо, что хоть название уже (с 1925 года) совпадает.

абсолютно уверен! – нашего любимого царя и его семью потомки причислят к лику святых![213] Огромные очереди паломников из всех стран православного мира будут толпиться на ступенях огромного храма, который возведут на месте пролития крови невинных мучеников[214]!

– Недавно миновал год, как Коверда[215] свершил божий суд над одним из душегубов! – с неожиданной горячностью подхватил мой спич Виктор Александрович. – После публикации дела у Соколова[216] я сразу понял, что этот Войков – ещё худший изувер, чем те, кто стрелял в государя и его детей! Так будет с каждым! И ныне, и присно, и во веки веков!

Вброшенные в разговор фамилии и обстоятельства резко охладили как мой монархический пыл, так и желание делать намёки о будущем.

Ещё в первые месяцы тюремного заключения понял: как мало фактов знаю о текущей эпохе. И вот получил в морду лица очередное подтверждение-загадку – кто все эти люди?!

Ну ладно, Войков – будет такая улица в Екатеринбурге и, кажется, станция метро в Москве.

[213] Идея причисления Царя-мученика к лику Святых далеко не нова, она часто обсуждалась в 20-х годах. Но реально царская семья была канонизирована РПЦ в 2000 году. Интересно, что Русская зарубежная церковь сделала это ненамного раньше – в 1981.

[214] Храм-на-Крови, построенный неподалёку от места расстрела царской семьи в 2000-2003 годах, на самом деле один из крупнейших православных храмов России.

[215] Борис Коверда, гимназист русского общества в Вильно (город в то время входил в состав Польши), в 1927 году застрелил П. Л. Войкова, полпреда СССР в Варшаве «как месья за Россию, за миллионы людей». О причастности Войкова к расстрелу царской семьи Борис узнал много позже, из разоблачений «невозвращенца» Г. З. Беседовского (опубликованы в 1930-1931 годах).

[216] Н. А. Соколов вёл расследование убийства царской семьи в 1918-1920 годах, его одноимённая книга опубликована в 1925. В ней зафиксировано, что именно П. Л. Войков (на тот момент комиссар по снабжению Уралсовета) подписал требование об отпуске 11 пудов серной кислоты для уничтожения останков. По вопросу прямого участия Войкова в казни у историков до сих пор нет единого мнения.

Но почему именно он «худший изувер»?

А чем прославились остальные двое?

К счастью, помощь не заставила себя долго ждать: душа старого генерала не вынесла звуков боевой трубы, он вско-чил со стула и, потрясая сухонькими кулаками в воздухе, провозгласил:

– Пусть рука Господа нашего покарает кровавых палачей! – его голос сорвался на крик. – Поскорее подайте вина, мы обязаны сейчас же поднять тост!

– Будьте добры, рейнского рислинга! – продублировала пожелание куда-то в сторону кухни госпожа председатель.

Тем временем и очень кстати вынесли заметно задержавшееся второе блюдо – цельных карпов, жареных в сухарях. У стола засуетилась бабуля-метрдетель с вышедшей на подмогу кухаркой.

Виктор Александрович, как видно, презрев традиции, собственноручно разливал вино, а генерал, поворотясь к портрету последнего императора, перекрестился и громко зашептал «Боже, Царя храни».

Уже с третьей строфы – той, что «Царствуй на славу» – к нему присоединились красивые, правильно поставленные голоса барышень, за ними принялись креститься и петь все, включая меня и кухарку.

И странное дело, в процессе повторения короткого и до крайности простого, запоминающегося с первого раза текста гимна, на меня нахлынули воспоминания о Шпалерке да так, что я поднимал свой бокал с реальной слезой на глазах.

Так клубный обед стал лучшей в моей жизни верноподданнической антрепризой. Куда там Большому театру!

Есть дьявольски костлявую пресноводную рыбу я более-менее научился в пути по советской Карелии. Но то – руками! Местные же без видимых усилий разбирали массивные тушки в своих тарелках за счёт виртуозного владения вилок и специальным ножом, более похожим на узкую лопаточку. Следовать их примеру и при этом поддерживать непринуждённую светскую беседу – примерно как «эсэмэсить» за рулём, то есть рискованно и невкусно.

Возможно, мои мучения оказались слишком очевидны для окружающих – либо же в толстом своде дворянских правил

хорошего тона в явном виде прописан лимит на внимание к одной персоне? – но более меня никто всерьёз не расспрашивал.

Разговор вильнул в сторону местечковых проблем, в частности: гастрольного концерта некой Плевницкой, чаще нежно и с придыханием называемой «наш курский соловей» [217]. Обсуждение взволнованного вида господина Маннергейма во время исполнения хита всех времён и народов «Я тогда ещё молодухой была, наша армия в поход куда-то шла» изрядно меня повеселило, впрочем, как и глубокое впечатление присутствующих от рыдания в голосе певицы на строчках типа «Замело тебя снегом Россия, запуржило седую пургой».

В процессе барышни необычайно растрогались, поэтому их сиятельство предложила подать десерт в карточной комнате, у пианино, под которое «можно устроить обворожительное хоровое пение».

Я уж, было, придумывал достойный повод сбежать от эдакого непотребства, но опять спас генерал, сославшись на необходимость быть на службе в банке «как штык».

Так что всё прошло по-простому: чёрный чай да бисквитные пирожные с ломтиком арбуза, которые полагалось вкушать небольшим ножом и трёхзубой вилочкой.

А там и прощаться пришла пора, уж не чаял дожить до этого радостного момента.

Разумеется, просто так меня не отпустили – Ольга Александровна настойчиво намекала не забывать и приходить в гости.

– Сделайте одолжение, сударь, если не сегодня или завтра, то пренебрежнейше на следующей неделе, в четверг – у нас будут дети и баронесса Майдель из общества «Друзей Русских Скаутов». Дамы напекут сладких булочек, ватрушек и тортов, все будут петь и музицировать... А ещё мы все очень надеемся на рассказ о ваших приключениях, вне сомнений, он станет украшением вечера.

Пришлось соглашаться и уверять во всяческих почтениях,

[217] *Правильнее её называть «наша Мата Хари».* Известная исполнительница русских песен и романсов Н. В. Плевницкая с 1930 года сотрудничала с НКВД, в 1937 осуждена французским судом на 20 лет каторги за соучастие в похищении из Парижа главы РОВС Е. Миллера.

мимикой и жестами выражать ликование как крайнюю степень радости по поводу скорой встречи с близкими по духу и разуму господами. Себя же успокаивать старой поговоркой: «Обещать – не значит, жениться!». Вот смеху-то будет, если матёрый скаут в моём лице окажется совершенно не в курсе детской символики, ритуалов, или того хуже – найдётся «общий» знакомый с далёких и болотистых берегов реки Исеть.

Тем не менее, в суете клубной благоглупости нашлось светлое пятно...

Уже в дверях гостеприимная бабуля-метрлотель на прощание шепнула:

– Милок, ты поищи в порту «Артель русских грузчиков»... Пастернак – это фамилия трудового агента, не ошибёшься.

«Овощ или писатель?», – хотел подшутить я, но сдержался. Дай бог ей долгих лет!

Перевести дух после обеденного стресса не вышло...

Не успел я спуститься на улицу и дойти до угла, как меня догнал Виктор Александрович.

– Могу ли я попросить вас об одолжении? – начал он с места в карьер.

– Разумеется! – надеюсь, что моя улыбка в тот момент не сильно походила на оскал.

– Понимаете ли... Моя фамилия – Ларионов... Капитан Ларионов[218], юнкером пошёл в Ледяной поход Добровольческой армии Лавра Георгиевича... Из Финляндии меня официально выслали в прошлом году, так что я в Хельсинки – гхм... – можно сказать, что на нелегальном положении.

– Очень приятно...

В ответ он уставился на меня как фанат «WoT» на почитателя «Ingress».

К счастью, немая сцена обошлась без кинематографической экспрессии – господин капитан лишь ударил себя по лбу кончиками пальцев.

[218] В. А. Ларионов (1897-1984) – участник Первой мировой и гражданской войны в России, первопоходник, галлиполиец, в 1921 году приехал к родственникам в Финляндию, где принял активное участие в деятельности РОВС в боевой организации генерала Кутепова.

– Ах, простите, вы же наверняка не в курсе!
– Скорее всего, – честно признался я.
– Понятно, конечно понятно, большевики постарались всё скрыть!

– Они это умеют хорошо!

– Так вот... – с отчётливо ощутимой ноткой самодовольства зачастил Виктор Александрович. – Как раз за обедом я упомянул Бориса Коверду, который застрелил большевистского шакала Войкова. Но провидению было угодно распорядиться так, что именно в этот же самый день – 7 июня – я с парой помощников пробрался в Петербург и закидал бомбами системы Новицкого[219] партийное собрание[220]! Кучу партийных сволочей мы переранили, а верно, и убили кого-нибудь.

– М-м-м... Что-то было такое, да! В газетах писали про взрывы, некоторые сокамерники опасались ужесточения приговоров. Вроде как все остались живы, но ничего конкретного и точного, тем более – фамилий, – вспомнил я, попутно пытаюсь понять логику фактического признания в терроризме.

К счастью, господин Ларионов, отбросив хваленую дворянскую сдержанность, сумел быстро завершить свою мысль.

– Вот прямо сию минуту мне пришла в голову потрясающая идея, никак не могу вытерпеть и дня, чтобы не обсудить её с учётом вашего опыта... Что если с группой хороших бойцов добраться до советского концлагеря, перебить охрану и увести сотню – а то и больше! – наших друзей и соратников? Прошу – нет, даже умоляю! – поскорее расскажите мне все подробности своей истории!

Пазл в моей голове наконец-то собрался, и я едва не крикнул радостное: «Ур-а-а-а!».

Наконец-то передо мной тот человек, который сможет относительно безопасно провести меня на чердак к тайнику с телефоном, и даже – вывести обратно. Более того, он сам – или

[219] Инженерная граната Новицкого имела фугасное действие и предназначалась в основном для разрушения проволочных заграждений противника. Заряд ВВ – 1,65 кг.

[220] 7 июня 1927 года группа В. А. Ларионова забросала гранатами зал заседаний «Агитпропагандного Отдела Ленинградской Коммуны», в результате чего было ранено по советским данным 26 человек.

стоящие за ним серьёзные господа белоэмигранты – вполне способен реализовать заложенный в смартфоне потенциал знаний о будущем!

Только далеко не радужные воспоминания о «клубном» обеде позволили хотя бы отчасти сдержать первый порыв.

– С преогромным удовольствием! – ответил я. – А то кроме финских следователей меня и слушать никто не хотел!

Следующие несколько часов мы неспешно прогуливались: по расхлёстанной бесконечной стройкой брусчатке набережной; мимо убогих, забитых галантереей лавчонок времён Густава Васа[221]; по асфальту, вдоль ювелирки, блестящей сквозь фешенебельные витрины; промеж полушарий зонтиков летних кафешек, гордящихся видом на чуть виднеющийся вдаль Свеаборг; по затейливой дорожке в зелени Брунsparka; а потом – по грязному, покрытому пятнами выжженной травы песку пляжа, ближе к купальщикам в панاماх с цветочками и странных платьях.

Затем разворачивались обратно, к суete и вони торгового порта, рядом плотно припаркованных мотопарусных шаланд – кораблями называть подобные каботажные недомерки не мог даже профан в морском деле типа меня...

Разумеется, я скрыл всё, что хоть как-то касалось будущего. Но в остальном повествование от момента ареста до встречи финских пограничников вышло исключительно подробным.

И надо сказать, что Виктор Александрович не только внимательнейшим образом вникал в мельчайшие нюансы по части снаряжения, «подножного корма», маршрута и сил охранителей, но скоро купил в удачно подвернувшемся магазинчике блокнот с карандашом, после чего принялся конспектировать, не скрывая восторга перед уральскими скаутами в общем и моем вкладе в «белое дело» в частности.

Въедливость скоро принесла неожиданный результат...

– Можно ли поинтересоваться: откуда появился топор? – с эдакой нарочитой небрежностью поинтересовался господин капитан. – В перечне исходных вещей сей важный инструмент не значится, – он не преминул ткнуть пальцем в неровные

[221] Густав Васа – основатель Хельсинки (1550 год). Разумеется, ГГ сильно преувеличивает древность магазинов.

строчки своих записей. – В данную часть что, вкралась ошибка? Или же потом вам удалось его купить или найти?

Чёрт возьми, какой дурацкий прокол!

Двойное убийство – пусть даже и зэков-чекистов – я от греха подальше утаил даже от финнов!

– М-м-м... – нерешительно начал я, как бы вспоминая...

Но вдруг понял: второй-третий наводящий вопрос – и ложь непременно выползет из-под правды, раздавив в мелкую труху хрупкое доверие, а с ним – все мои надежды на сотрудничество.

Пришлось выложить всё как было:

– Не хотел, но внезапно вышел один против двоих...

Эту часть одиссеи мой собеседник выслушал с особым удовольствием и, устремив взгляд к горизонту, ответил неожиданным четверостишием, которое можно было понять как изошрённую эпитафию:

«И гнев Твой, клокоцуще-знойный,
На трупные души пролей.
О Боже, они недостойны
Ни нашей любви, ни Твоей...».[222]

Когда Виктор Александрович обернулся ко мне, то в его глазах блистали огни заходящего солнца.

– Как этого мало за наших друзей, многие тысячи которых встали к стенке под дула чекистских ружей! Но как это много... Ваш побег – это настоящий подвиг!

– Мне всего лишь хотелось спасти свою жизнь, – скромно возразил я.

Ещё не хватало по пустому поводу повиснуть на знамени антибольшевистской борьбы!

Неужели побег с Соловков на самом деле так редки[223], что каждый имеет смысл обсуждать?

[222] *Четверостишие финского поэта Ивана Савина (Саволина), близкого друга В. А. Ларионова.*

[223] *Известно менее десятка удачных побегов с Соловков (Кемперпункта) за границу. Из них до 1928 года только три: морских офицеров князя Шаховского (на угнанном глассере), А. Клинге-ра и группы Г. Д. Безсонова. Воспоминания двух последних опубликованы только в 1928 году и могут быть незнакомы собеседнику ГГ.*

Или я чего-то не понимаю?

Но господин Ларионов уже подал руку для пожатия.

– Вы сделали больше, чем многие наши офицеры!
Позвольте обращаться на «ты»!

– Рад знакомству. Виктор! – автоматический ответил я.

– Если не затруднит... Алексей, а как бы ты сам напал на Кемперпункт? Но погоди, погоди, не пора ли нам перекусить?
Жизнь-то налаживается!

Стоило отказаться от идиотского политеса, как сразу появилась на удивление правильная идея.

– Решительно поддерживаю! С чёртовой рыбы у меня все кишки слиплись!

– Так Петров пост[224] же! – рассмеялся моей культурной дикости Виктор. – У графини в клубе дело поставлено строго, не то, что в ресторанах! Пойдём в «Bellevue», под хорошую закуску думать проще!

Вот всем хорош бравый капитан, но нет у меня ни малейшего желания играть с чекистами в свинцовые ляпки на карельских болотах. Однако дать решительный отказ после стольких комплиментов как-то неудобно и, вообще: кто как не он доведёт меня до тайника с телефоном в целости и сохранности?!

Таким образом, мне нужна идея...

Во-первых, привлекательная и масштабная, во-вторых, требующая предварительной разведки на месте.

Должны же остаться в знаменитой «Белой гвардии» хоть какие-то доверенные кадры, способные перемещаться легально по Карелии?

Ну или, на худой конец, пусть делают себе документы, «не отличимые от натуральных» по вкусу, цвету и запаху, да ищут приключения на свои задницы.

Только сперва мне любимому окошечко в Петербург и обратно организуют, с их-то опытом ничего не стоит, какая разница: одним нелегалом больше, одним меньше?

Будь дорога до заведения раза в три длиннее, то моей фантазии хватило бы на десяток прожектов, но пришлось ограничиться только «планом «А»...

[224] Петров пост ещё называют Апостольским постом, он продолжается, в зависимости от года, приблизительно с начала июня по начало июля.

«Красивый вид»[225] оказался совсем рядом, между православным храмом и флотскими казармами – только перейти по мостику с расположенной у главного причала рыночной площади на стремительно набирающий респектабельность островок Скатундь...

К моему немалому удивлению, под изящной франкоязычной вывеской скрывался классический русский ресторан...

Не особенно бедствующий капитан заказал грибной суп и бефстроганов из оленины под брусничным соусом, добавив – в том числе в расчёте на меня – чайник специального «чая» – на деле контрабандного, но совсем недурного бренди.

Я же не смог устоять против густой солянки на дюжине сотров копчёного мяса и подозрительно дешёвых блинов с чёрной икрой.

После утоления первого, самого злого голода и пары «рюмочек чая» пришло время для обсуждения «самых реальных планов» по свержению советской власти на территории одной шестой суши.

– Полагаю, осуществить твою идею вполне реально, – неспешно начал я. – Денег потребуются сущие копейки. Взять один – а лучше два! – гражданских самолёта-транспортника из тех, что могут садиться на воду. Глухих озёр в тех краях сильно больше, чем нужно – выбирай на любой вкус. От Финляндии – час лёта, ПВО – нет как класса. Ничего не стоит намалевать «фейковые» звёзды на крыльях да завезти поближе к Кемперпункту человек двадцать бойцов с «Томпсонами»[226] и гранатами. Далее: две пары командос расходятся по «железке» на север и юг, километров на десять от Кеми, и валят столбы связи как в сторону Петербурга, так и Мурманска. Желательно заодно взорвать мосты – переполох выйдет больше, и подкрепление не перебросят. В это время основная группа нападёт на лагерную охрану. Уверен, если обеспечить хоть минимальную внезапность – проблем не будет, тем более что каждый убитый чекист – винтовка и

[225] «*Belle vue*» по-французски – красивый вид, панорама.

[226] Пистолет-пулемёт Томпсона (Томми-ган) – американский пистолет-пулемёт, разработанный компанией «*Auto-Ordnance*» в 1920 году.

патроны для наших друзей из каторжан, среди которых сотни боевых офицеров.

– Серьёзный подход, – произнёс с каким-то странным подтекстом Ларионов.

Но я не стал ждать неизбежной критики и продолжил:

– После захвата концлагеря нужно быстро организовываться и отступить на запад по заранее намеченному маршруту. Вдоль Кеми есть хорошие дороги. Самолётами производить заброс оружия, боеприпасов, высококалорийных пайков и эвакуацию больных, процесс координировать через мобилы... мобильные радиостанции. Уверен, что это будет намного проще, чем делить со шпаной имеющиеся в лагере запасы еды. С сотней отчаянных офицеров в строю можно не бояться застав, а значит, идти на запад дерзко, реквизируя продовольствие и гужевой транспорт. Две-три сотни километров – максимум неделя, пограничники просто напросто не успеют собрать для заслона ни достаточных сил, ни артиллерии.

– Масштабно, чёрт возьми, как масштабно и сильно!

«Он что, всерьёз?», – опешил я, мысленно ругнувшись а вслух добавил:

– Конечно, для такой операции потребуются разведка и тренировки. Но...

– Вот только деньги... Гхм! – всё же перебил меня Виктор.

Дальше меня ждала длинная, полная экспрессии и злого мата лекция на тему: «Что иммиграция смогла и не смогла». Если изложить её кратко, то выходило примерно следующее: в окончательную потерю России эмигранты тупо не верили, а посему и платить за возвращение не собирались. Вот так просто и наотрез.

Даже спустя целое десятилетие большинство общалось исключительно в среде соотечественников и надеялось вернуться домой «вот-вот, не в этом году, так наверняка следующей весной»[227].

Более того, сохранились и приумножились партии старой Госдумы: все эти лево-право-крестьянские кадеты, эсэры, энэсы и прочие меньшевики сбивались в стаи и свирепо

[227] Кажется невероятным, но за первые десять лет французское гражданство (самое простое в получении) приняли лишь около десяти тысяч эмигрантов.

собачились промеж собой, навешивая друг на друга грехи разложения, бездействия и прожигания последних крох из спонсорских бюджетов – и без того куцых, как заячий хвост. Как вишенка на торте сюрреализма: каждый политик абсолютно искренне считал, что за ним стоят реальные избиратели из России!

Русскоязычная пресса усердно поддерживали сонм лубочных заблуждений, хотя, надо отдать должное, скорее не корысти ради, а патриотизма для.

Собственно, странности эмигрантского газетно-журнального контента успели удивить меня чуть раньше, теперь же из объяснений Ларионова я сумел постичь логику происходящего...

Ведь, в сущности, кто такие большевики?

Да всего лишь установившие военную диктатуру мятежники, оседлавшие выгодную «пролетарскую» идеологию!

Понятно, что злее и страшнее врагов для закоренелых корниловцев типа Виктора не сыскать на всём белом свете, но что же произошло в стране в глазах обывателя, смотрящего на мир из-за маленького кафешантанного столика на «Terrasse du Bord de l'Eau»?

Пусть в новой России – резкие декреты и расстрелы, пусть – новое правительство. Пусть – на высоких постах неизвестные люди...

Но что потом?

Военный коммунизм отменён, на улицы вернулись городовые и дворники, за ними пришёл порядок. Управляют страной суть старые царские чиновники. В армии – прежние офицеры, хоть и из младших, зато обидно быстро выросшие в званиях. Кто-то вообще – назло однокашникам! – ловко скользнул из есаулов в командармы.

Разве что в Коминтерне кучка «жидов» истерит на предмет мировой революции...

Но мало ли идиотов в нынешнее безумное время?

Не лучше ли посмотреть на историю?

Вот хотя бы близкую по духу, то есть – французскую?

Там революционеры резвились с экспроприациями и гильотинами ровно десять лет!

Но что потом?

Тихий, едва заметный переворот, и всего через пять лет Наполеон назначил себя в императоры[228], а его соратники – включая самого непримиримого, меченого татуировкой «смерть королям»[229] – получили титулы, дворцы, а то – и короны. Репрессии утихли, без всякой войны вернулись в свои дома и усадьбы инженеры, писатели, помещики и опальные политики.

В то же время крестьяне и рабочие как работали при Людовиках, так и работают до сих пор, при третьей республике. Никому не мешает жить совершенно официальный, но насквозь лживый довесок в виде знаменитого «Liberte, egalite, fraternite».

Почему в России должно быть по-другому?

Как раз и десять лет прошло – самое время прикидывать: какую именно из оставшихся великих княжон принуждать замуж за нового тирана, ведь династии императоров-коммунистов нужен респектабельный вид!

И никто не хочет задуматься, что ровно через четверть века после взятия Бастилии у Бонапарта случилось Ватерлоо...

Разумеется, поза «всё само собой образуется» нравится далеко не каждому...

Есть исключения, например, господа поинтеллигентнее и победнее – из тех, у кого не оказалось под Ниццей бабушкиной виллы, дядюшкиного заводика в Мюнхене или, на худой конец, фамильной усадьбы под Вильно.

Они давно задумываются: не пришло ли светлое будущее «уже». То есть: не пора ли вытаскивать из-под матраса отложенные на чёрный день франки, кроны и марки, отряхивать пыль с саквояжа, упихивать в него тёплые подштанники да покупать билет в первый класс до Петербурга – привыкать жить под коммунистами.

[228] *Начало революции (взятие Бастилии) датируется 1789 годом, окончание – 1799 годом (переворот 18 брюмера). Наполеон Бонапарт провозглашён императором в 1804 году.*

[229] *По легенде подобную татуировку обнаружили на руке Жан-Батист Бернадота, короля Швеции и Норвегии, в прошлом – маршала Наполеона, начавшего военную карьеру с королевских солдат.*

Ведь по слухам в России «всё, как было, только хуже», то есть «они» уже не кусаются, а если шалят и воруют, то в меру, не шибче аристократов прогнившего романовского гнезда.

С подобной позицией крайне тяжело спорить без послёзнания...

Ведь сам товарищ Троцкий с высокой трибуны прямо провозгласил: «Сменовеховцы подошли не к коммунизму, а к советской власти через ворота патриотизма!».

Как там говорится у классика: «Ах, обмануть меня не сложно, я сам обманываться рад!».

Искренне желаю поверившему «смене вех» Михаилу Фёдоровичу с Кемской пересылки выжить, и так же искренне – не дожить до «тридцать седьмого». Не думаю, что хоть кто-то из возвращенцев сумел перевалить через эту роковую годину иначе как чудом.

А ещё обидно, что для очернения виновных лишь в доверчивости людей Ларионов не пожалел грязи, хотя спорить с ним я не стал. Уж слишком забавными оказались метания стоящего на агрессивной позиции «не забудем, не простим» капитана между успешным набить мне оскомину принципом непредрешения[230] и фактическим содержанием многочисленных съездов, союзов и обществ, существующих преимущественно на деньги монархистов[231]. Хотя, практическая разница не велика: и те, и другие – по словам Виктора – тщательно готовятся сражаться «за Россию, до свободы, до конца».

На этом фоне всплыли и другие интересные факты...

Оказывается, в изгнании не только существует Император Всероссийский – некий Кирилл I – но и его маленькая персональная армия в пятнадцать тысяч человек.

[230] Сформулирован в декларации Белого движения (подготовленной зимой 1918 года Л. Г. Корниловым): «Разрешение основных государственно-национальных и социальных вопросов откладывается до Учредительного Собрания...».

[231] Объединительный «Зарубежный русский съезд» прошёл в 1926 году в Париже, присутствовало 420 делегатов из 26 стран. Закончился он без достойного результата, но уместна цитата из обращения кадетов: «В составе устроителей съезда есть только одна группа, которая знает, что хочет – это крайние монархисты».

И этого мало, горячо разрекламированный Виктором РОВС – то есть Российский Общевоинский союз – имеет до сотни тысяч зарегистрированных членов, обязавшихся «как только – так сразу» встать под триколор знамён и выступить в поход на большевиков.

К этому надо добавить десятки восстановленных за границей военных училищ и кадетских корпусов[232], сотнями и тысячами выпускающими каждый год, соответственно, юнкеров и кадетов, отчаянных парней, готовых без лишних сантиментов убивать и умирать «за единую Россию»[233]...

– Но где – чёрт возьми! – все эти люди? – наконец не выдержал я. – С таким бюджетом и кадровым резервом можно не только на Кемперпункт идти, а купить в какой-нибудь Бразилии списанный эсминец и на Соловки замахнуться! А то и на Мурманск, там, говорят, у советских пограничников на плаву ничего кроме мотоботов не осталось[234]. Так можно не сотню, а десяток тысяч людей от смерти избавить!

– Мне на предыдущую операцию из «Фонда спасения России» выделили только пять тысяч франков, – после небольшой заминки признался Ларионов.

– Триста долларов?! – пересчитал я в более понятную валюту. – А документы? Оружие? Боеприпасы и снаряжение?

– Это – на всё...

– Да они что, издеваются? – я не сдержал презрительной гримасы. – Вас же трое было? Задача с учётом полевых тренировок минимум месяца на два. При этом нужно не только

[232] В эмиграции действовали крупнейшие военные училища дореволюционной России: Константиновское, Сергиевское артиллерийское, Николаевско-Алексеевское инженерное и другие (всего девять), а также кадетские корпуса: Первый русский, Крымский, Донской.

[233] «Фонд спасения России» находился в распоряжении руководителей РОВС и лично генерала А. П. Кутепова.

[234] Флотилия Северного Ледовитого океана создана в 1916 году (линкор, два крейсера, шесть миноносцев, до сорока тральщиков, двенадцать ледоколов). В 1922 году жалкие остатки (два миноносца) были проданы. Заново Северный флот (два эсминца, две подводных лодки) восстановлен в 1933 году.

хорошо питаться, но и подготовить специальную экипировку, испытать гранаты, мины, освежить стрелковую подготовку...

– Для выполнения святого долга не требуются деньги! – резко вспыхнул в ответ капитан.

– Прошу простить, – сдал я на всякий случай назад. – Невольно примерил ситуацию на себя. Один в чужой стране, без друзей и знакомств, револьвер и тот могу добыть лишь через труп местного полицейского.

– Уверен, первый же вечер в клубе всё изменит, – не стал форсировать тему Ларионов.

Но я отчётливо видел: обида и недоумение не покинули собеседника. Хотя на самом деле расстраиваться стоило бы мне – организация, с помощью которой я, было, понадеялся вернуть смартфон, а затем спасти Россию от череды репрессий и ужасов войны, повела себя как минимум непрофессионально.

Мелькнула догадка: «Должно быть, у капитана своих денег куры не клюют, вот и не потребовал больше!».

Как-то бы его расспросить поаккуратнее, не выказывая себя шпионом?

– Кстати, давно мечтаю разузнать подробности вашего дела в Петербурге...

– Ох, ну конечно же! – наконец-то лицо капитана украсила довольная улыбка.

Да он же ждал подобного вопроса – ей-ей, давно похвастаться хотел!

Выходит, что я совершенно напрасно опасался проявлять лишний интерес к его «военной тайне».

– В ту ночь мы перешли черту жизни и смерти... – начал Виктор без всякой раскачки. – Граница на перешейке проходит по речке Сестра, она неглубокая, но быстрая и холодная, с неровным, устланным острыми и скользкими камнями дном... Да ты сам же знаешь: каково оно в наших местах! Нам было жутко и в то же время как-то смешно при мысли о том, что ещё вчера мы ходили по улицам европейского города и ездили в такси, а сейчас крадёмся по лесным дебрям как майнридовские охотники за черепами, сиуксы или гуроны[235]...

[235] Тут и далее используются факты из книги В. А. Ларионова «Боевая вылазка в СССР», опубликованной в Париже в 1931 году.

В несомненном таланте Ларионова как рассказчика я уже имел возможность убедиться. Но тут он перекладывал действие в слова явно не в первый и даже не второй раз, поэтому картины происходящего разворачивались передо мной в деталях, как живые.

Не прошло и десятка минут, как от ужаса и непонимания у меня буквально начали шевелиться волосы...

Да...

Вроде бы к услугам господ белогвардейцев имелись все возможности: реальный боевой опыт – причём как личный, так и соратников-однополчан! – доступны консультации советских перебежчиков, финских охотников, скаутов и пограничников. К их услугам многочисленные магазины и мастерские, где несложно купить, подогнать, изготовить буквально всё, что пожелает душа.

Однако в рейд эти «ламеры» пошли без всяких документов!

Ну ладно, не получилось сделать качественную подделку, способную выдержать беглую проверку чекистами – странно для такой солидной структуры, как РОВС, но пусть, бывает.

Однако неужели так сложно для колхозников и постовых дуболомов соорудить полдюжины справок, заверив их придуманными печатями артели балалаечников-маркшейдеров с Вышнего Волочка?

Случайный недосмотр?

Да как бы не так!

Подобный уровень прослеживается буквально во всём.

Проработка путей отхода?

Справились блестяще: «Если что не так – стреляем да бежим!».

Питание?

Как у девочек на пикнике: «Захватили немного бутербродов и шоколадку...».

Средства против собак?

«Надеялись на проводника...».

Компас?

«Взял один, но потерял в первый день, пришлось для обратной дороги покупать новый в Ленинграде...».

Взаимопомощь, действия в команде?

«Переходили по скользкому бревну, Дима упал, хорошо, что в тину, а не на камни...».

Единообразное, мощное оружие?

Куда уж без него – маузер, наган и парабеллум.

Дисциплина?

Нет, не слышали: «На привале Сергей играл с револьвером и случайно спустил курок, но повезло – патрон оказался испорченным...».

Плакать тут или смеяться?

Подготовка места и времени теракта восхитительна: добрались до Ленинграда и принялись читать газетную тумбу на предмет подходящего сборища коммунистов.

Зачем?!

Советская пресса в Хельсинки при наличии денег и времени вполне доступна. Город на Неве участникам перфоманса знаком с пелёнок, большевики ещё ничего не успели в нём перестроить...

Почему не наметить заранее полдюжины целей и ударить сразу, «с колёс» – каждому по своей?

Нет, господам эмигрантам больше по душе кормить комаров на острове в болоте и чуть не неделю таскаться на пригородном поезде в туда и обратно. В три сытые капиталистические ряхи слоняться по улицам с оружием без документов, толкаться в трамвае, как будто в «триэсэрии» запретили извозчиков, покупать еду, спиртное «от страха», да ещё вполне закономерно встретить старого школьного приятеля, а ныне – бравого красного командира.

Самое важное, что у меня не вызывает ни малейшего понимания и симпатии их цель.

Надо же догадаться ударить в муниципальное заседание «по вопросу о снижении цен»!

Хорошо, хоть придурки не убили никого. Простых парней и девчонок с верой в светлое будущее и партбилетом в кармане «у генсека много»...

Неужели так сложно понять: если хочешь справедливости и реального эффекта – кидай бомбы в секретарей ЦК, благо обком ВКП(б) покуда в подполье не ушёл. Обычные-то люди в чём провинились?

Что в сухом остатке?

Непрерывный аттракцион «Слабоумие и отвага»!
Немыслимое, выходящее за рамки здравого смысла везение или...

Талантливая подстава ГПУ?!

Да какая к чёрту разница!

На два – нет, на три, нет, на пять – порядка безопаснее идти в Петербург одному, чем воспользоваться помощью господина капитана. Именно господина – рассматривать как друга и будущего партнёра авантюриста-любителя я более не в состоянии...

Между тем моё ошеломлённое молчание господин Ларионов истолковал несколько по-своему. Точнее сказать, начал настойчиво вербовать меня в ряды РОВС, расписывая в самых ярких красках силу и мощь главной антибольшевистской силы мира...

Удивительным образом не заслужившей внятных упоминаний в учебниках истории 21-го века...

Мне же – не иначе, как с выпитого бренди? – представился огромный полутёмный зал, полный запаха плесени и пыли...

На стенах портреты: Николай II и толпа его ближайших сановных родственников, сполна нагруженных орденами и регалиями.

Чуть в стороне стоят «революционеры»: Колчак, Корнилов и новопреставленный Врангель. Рядом с ними – благообразные, много лет назад поседевшие господа в раззолоченных эполетах переключивают на столах толстые подшивки советских газет; ещё чуть в стороне – клерки с погонами попроще строчат записки, диктуют что-то пожилым машинисткам с высокими сложными причёсками; кудрявые курьеры в казачьих шароварах то и дело хватают заляпанные жирными коричневыми кляксами сургуча пакеты в жёлтой навощённой бумаге и убегают с ними прочь...

Белогвардейский штаб ведёт на последний и решительный бой с Советами свои многочисленные армии...

В попытке сдержать если не улыбку, то хотя бы смех, я грубовато прервал собеседника:

– Вы всерьёз считаете, что большевики – суть банда воров и убийц, захватившая власть каким-то невероятным божеским попущением?

– Именно! Разве не так? – недоумённо посмотрел на меня Виктор Александрович.

– В том-то и дело, что это – величайшее заблуждение! – заявил я с апломбом послёзнания и передуманного в лагере.

– Да полноте! – удивился капитан.

– Сейчас попробую объяснить... – отмахнулся я. – Основная проблема в том, что большевики прежде всего – религиозная секта. Посмотри сам: у них имеются все привычные атрибуты: «Капитал» – священная книга, мумия у кремлёвской стены – святые мощи, портреты вождей и героев – иконы пророков, комиссары в армии – капелланы, партячейки – церкви, только вместо попа – парторг, а за дьяка – профорг. Так кто появится в любой приличной религии после удачного теракта?

Я думал, мне придётся давать на этот вопрос ответ самому, но или Ларионов был изощрённым полемистом и логиком, или моя идея, мягко говоря, не нова, и подобное уже не раз обсуждалось среди эмигрантов....

Поэтому мой собеседник ответил без малейшей запинки:

– Мучеников у них всё равно в избытке!

– Ну и на кой чёрт ещё добавлять?!

Ни слова в ответ, зато на щеках господина капитана выступили желваки.

Но на этот раз я не стал обходить острые углы.

– Конклав иерархов в Кремле не боится жертв даже из своего круга, они верят в коммунизм и совсем не трусы. Им нужны – понимаешь! – очень нужны новые мученики! Желательно – невинные, но при монополии на пропаганду пойдут любые. Раздуть из мухи слона не так уж и трудно. Знаешь анекдот про газеты и Наполеона? Нет? Если бы у Бонапарта была «Правда» и «Известия» – никто бы во Франции не узнал про Ватерлоо. И это – абсолютная правда!

– А ты что предлагаешь? – процедил в ответ Виктор Александрович.

Очевидно, спокойный тон дался ему с немалым трудом.

– Если коммунистический прозелитизм даёт Советам миллионы бескорыстных сторонников в более-менее

свободной в Европе, то только представь на минутку, что останется в головах большинства совграждан после каждогодневного «brainwashing»? Неостановимый поток специально подготовленных новостей и лозунгов на улице, дома, у станка и кульмана – страшное же дело! А здравый рассудок – понятие не статистическое, большевики всегда не дураки были по части списать собственные ошибки на врагов. Быстро подсутились с лозунгом об усилении классовой борьбы по мере построения социализма[236]. Прекрасно помню ещё с читанных в камере Шпалерки газет: как сломается от непомерной нагрузки станок – Стэнли Болдуин подкупил директора! Прорвало канализацию – в местном ЖКХ агенты Гастона Думерга. А уж если на новой дороге глина асфальт вспучила – то никак без личного участия Калвина Кулиджа[237] не обошлось. Разве после такого удивительно, что «трудящиеся массы» совершенно искренне требуют от чекистов массово расстреливать продавшуюся буржуям контру? Очередной вал арестов невиновных и расправ над непричастными не за горами, и что характерно – при полной поддержке населения! А вы таким своим террором его только приближаете.

– Vous avez punir non seulement les tratres, mais les indiffrents[238]? – господин капитан в ответ на мой спич неожиданно разразился странной французской фразой о наказании врагов и равнодушных. – И хорошо, и прекрасно! Нет, людей, разумеется, нам жалко, но что как не красный террор сможет поднять в совдепии широкую волну восстаний, а то – и мятеж в столице?!

«Ну и чем же он лучше того же Семёна-чекиста? Чем?», – горько усмехнулся я про себя, но вслух приоткрыл очередной козырь своего послёзнания:

[236] Данный лозунг выдвинут И. Сталиным на пленуме ЦК весной 1929 года, но ГГ об этом не знает и немного опережает события.

[237] Премьер-министр Великобритании и президенты Франции и США.

[238] Укороченная цитата Антуана Сен-Жюста, одного из главных руководителей первой Французской Республики: «Мы должны карать не только врагов, но и равнодушных, всех, кто пассивен к республике и ничего не делает для неё».

– Не будет там ничего серьёзного, всю горячую кровь большевики уже сцедили. Крестьяне разве побунтуют малость при коллективизации... Да что проку? У бойцов и младших командиров «непобедимой и легендарной» политическая, а вернее, религиозная учёба по два раза в день, они тезисы съездов партии знают лучше, чем поп молитвы. Сам же понимаешь, как легко сворачивать мозги неискущённым парням из деревни, пока страна в кольце алчных врагов, и для любого сомневающегося есть железобетонный довод «если не большевики, то кто?». Нет, тут вашей РОВС ничего не светит, – уверенно подвёл я итог.

– Знаешь, два года назад я бы тебя вызвал на дуэль. Или разбил морду, что куда как вернее, – в голосе Ларионова явно слышалось снисхождение более старшего и опытного товарища. – Сейчас же...

– Но это же – факты!

– Понимаешь ли, подобные аргументы я слышу от многих – увы, слишком многих! – и слишком давно.

– Вот!

– Чуть, полная, абсолютная, отвратительная чуть! Мерзкое оправдание для капитулянтов! – Ларионов принялся швырять слова мне в лицо, как плевки. – Ты вырвался из ада, так оглядись на свободе, посмотри: идейных большевичков – поработителей нашей родины – ничтожная горсточка! Да за десять лет они себя показали так, что им не верят ни рабочие, ни крестьяне, ни свои же партийцы. Вся Россия открыто смеётся над их лживыми жидовскими речами! Народ давно бы скинули весь «кагал» к чертям собачьим, да только новой смуты боятся. Тут наш террор против партийных активистов[239] – беспроектная штука, кого подтолкнём, кого запугаем, и всё повалится сверху донизу!

«Интересно, он на самом деле живёт в параллельной ментальной Вселенной или намеренно мошенничает с действительностью?», – пришла мысль. – «Двоемыслие в политике,

[239] Судя по всему, новой «смуты» боялись не только большевики, потому как подобная идея была сформулирована генералом Кутеповым в явном виде только в 1927 году. И то под давлением иностранных правительств, требующих хоть каких-то результатов от финансирования «борьбы против СССР».

морали или истории обязательно для желающих править, в трудное время не грех дотянуть «дважды два» до пяти. Но тут-то уже явные десять!».

На мгновение я ощутил себя одиноким призраком, который возвещает правду, которой никто никогда не услышит. Тем не менее, решился на последнюю попытку, если что, ещё посмотрим, кто окажется сильнее на кулаках.

– Ты же искренне желаешь блага для России?

– Клянусь честью!

– Клянусь и я! – мне невольно пришлось поддержать детсадовский пафос. – Кардинально не решив вопрос с массовой пропагандой, мы не добьёмся ничего и никогда. Советские люди будут жить в бараках, на скудных пайках, работать от заката до рассвета, но проклинать белогвардейцев и славить коммунистов. Это тебе любой психолог подтвердит. Поэтому для уничтожения большевизма в первую очередь необходим не террор, а мощные радиостанции на границах. И газеты, разумеется, но их доставлять вглубь страны придётся с попутным ветром, какими-нибудь воздушными шарами... Кстати, это совсем недорого. Не сразу, но подействует наверняка...

Тут Виктор Александрович не выдержал и вскочил из-за стола с криком:

– И ты, и ты!.. Совсем как сменовеховец-перерожденец! Тоже надеешься перевоспитать большевиков?! Думаешь, что они почитают глупые газетки и за ум возьмутся? К родным очагам нас пустят? Сызнова созовут Учредительное Собрание? Да никогда! Запомни, никогда в жизни! О, какая невыносимая, безграничная дурость! О, моя Россия, что они с тобой сделали!

Не успел я сообразить, что тут к чему, как капитан бросил на стол пару жёлтеньких «с дубком» десяток и, обхватив голову руками, направился к выходу.

Уже от распахнутых в летнюю ночь дверей до меня донеслось:

– Наивно ждать перемен в большевизме, его надо уничтожать как чуму, невзирая ни на какие жертвы и потери...

«Родные очаги!?!», – удивлённо повторил я про себя.

Ну конечно!

Да за белоэмигрантскими стенаниями – «родина моя, ты

сошла с ума» – стоят прежде всего усадьбы, заводы[240] и, конечно, должности, достойные настоящего дворянина!

Собственно, я не против, скорее, обеими руками за: и высокообразованные менеджеры стране нужны, и реституция национализированной собственности куда логичнее и справедливее злосчастных залоговых аукционов девяносто пятого года.

Вот только реальность данного процесса после бойни гражданской войны вызывает ну очень серьёзные сомнения. Разве что после военного разгрома СССР... Во мясокрутке Второй мировой – раньше-то нападать некому.

Реален ли подобный результат с учётом послёзнания?

Да более чем! Такие как Ларионов – вместе с пресловутым РОВС[241] – за следующие десять лет станут только злее, в надежде вернуть своё не только к нацистам служить пойдут, а к самому дьяволу. Ещё и липовых доносов на «равнодушных» подкинут «органам», чёртову дюжину чемоданов в проклятом тридцать седьмом, чтобы навсегда и наверняка добить остатки грамотных кадров перед войной.

Помогать ослеплённым ненавистью господам из Парижа и Берлина менять «нашего» тирана на «ихнего»?!

На кой чёрт такое счастье!

Пусть РОВСовцы спокойно вымирают от старости на чужбине.

К длинному списку моих задач добавится одна коротенькая строчка: держаться подальше от белоэмигрантов. Что совсем не сложно, теперь даже скауты искать меня не станут – кому в «Русском клубе» захочется иметь дело с

[240] ГГ ошибается. Из послужных списков участников 1-го Кубанского похода известно, что у 90 % офицеров не было недвижимого имущества; потомственных дворян 15- 20 %, личных дворян – 39 %, остальные офицеры-добровольцы происходили из мещан, крестьян, семей мелких чиновников и солдат.

[241] Во время ВОВ представители РОВС участвовали в основном на стороне Германии (хоть далеко не все). В. А. Ларионов служил в РОА в должности офицера по особым поручениям (разведка и контрразведка). Дожил до 1984 года. Кстати, РОВС существует до сих пор. Например, в 2014 году добровольцы союза воевали на стороне ДНР против Украины.

ренегатом-сменовеховцем, да ещё недругом знаменитого на всю Финляндии героя-бомбиста?

Вот только если не с красными и не с белыми...

Тогда с кем?!

Кому ещё в безумном мире безразлична судьба России?!

* * *

С работой всё вышло не в пример проще, чем в клубе, ведь господ белоэмигрантов в числе низового менеджмента «Артели русских грузчиков» давно не водилось.

Местных же бригадиров ни грамма не интересовала знатность моего рода и уральские достижения династии Романовых. Кандидат молод, здоров, считать до десяти обучен – этого довольно.

– Tomorrow at five you shall be here. All you need is your own body!

– Like I have a choice, – только и осталось мне сказать в ответ.

Голод советского концлагеря не успел сожрать мои мышцы. Посему таскотня мешков, ящиков и прочих негабаритов напрягла лишь ломотой конечностей в первую неделю.

Бытовые мелочи – где жить, что есть, как одеться – удалось закрыть примерно в тот же срок.

Затем в мою жизнь вернулся давно забытый зверь – досуг, но ненадолго.

Тюремные университеты в сочетании с вузом 21-го века обеспечили мне вполне достаточный набор навыков для безбедного выживания в эпоху чёрных «Фордов» и тёплого лампового звука.

Однако первая же попытка серьёзного сотрудничества с хроноабorigеном в области прикладной политики выявила категорическую нехватку знаний.

Причём, что даже не для точного расчёта последствий, требующего политического чутья как минимум 80-го левела, а самого минимума: уничтожения чекистского ада в Советской республике.

Как «прокачиваться»?

Смешной вопрос!

В одном Париже, говорят, больше издательств, чем во всей Советской России[242]. Белоэмигранты писать любят и умеют – этого не отнять.

Большевики к себе их литературу не пускают, но свою за валюту продают с удовольствием.

Печатаются же часто и те, и другие в Берлине – там дешевле всего. Поэтому на барабанах одной и той же машины в типографии «Зинабург и Ко» мирно уживаются цветной глянец портретов и Ленина и Врангеля, сочащиеся верно-подданническим восторгом «Изъ прошлого» флигель-адъютанта Николая II господина Фабицкого, и напечатанная с предисловием Карла Радека специально для «триэсэрии» «Стратегия японской войны» Бубнова, бывшего командующего Черноморского флота ВСЮР, «Трубка Коммунара» Ильи Эренбурга, и «Адмираль Колчакъ» пера его последнего начальника штаба.

Пусть базовый выбор хельсинкской лавки далёк от супермаркетного изобилия, продавец готов доставить под минимальный залог любую новинку – будь она из Парижа, «с ятями», или по всем правилам новой «заборной» орфографии[243] – из советского Свердловска.

Проблема в другом: удовольствие выходило откровенно дорогим, как минимум пять-шесть марок за книгу, иные экземпляры – дороже десяти. Периодика не сильно дешевле, лучший эмигрантский еженедельник «Иллюстрированная Россия» – марка.

Деваться особо некуда – в библиотеку не пойдёшь, ассортимент на русском там безнадёжно устарел, шведский и

[242] Американский историк М. Раев насчитал в Париже 188 эмигрантских издательств в период 1918-1928 годов. Но ГГ всё же введён в заблуждение – в Советской России издательств заметно больше, и они имеют заметно большие тиражи; по другим данным, с 1918 по 1932 гг. за границей выходило от 1 054 до 2 120 газет и журналов русских эмигрантов.

[243] Переход на новую орфографию был подготовлен ещё до революции в Российской Академии наук, но проведённый большевиками – он вызвал категорическое неприятие среди эмигрантов. Например, И. А. Бунин наотрез отказывался читать что-либо в «заборной» орфографии.

финский – не по зубам. Да и работать приходится в основном днём, не любят местные предприниматели ночного форсажа. Разве что контрабандисты что-то комбинируют в потёмках, но к ним с улицы никак не пристроиться.

На этом этапе я сильно по-другому вспомнил забытые книгами «клубные» шкафы – да только возврата туда уже нет, проще, как последнему скряге, обходиться в едальнях без местной пародии на пиво или, того паче, налегать на сухомятку. Зато результат...

К осени – или после нескольких дюжин книг и двухметровой стопки милюковских «Послѣднихъ новостей» вперемешку с гукасовским «Возрожденіемъ» – я узнал об окружающем мире больше, чем без малого за два тюремных года.

Кроме экономии на собственном желудке сильно выручило знакомство с держателем книжного магазинчика, крайне неприятным, заносчивым и жадным толстяком, ведущим свой род из туркестанского аула с невоспроизводимым названием. К счастью – всего лишь фельдшером, а не бывшим офицером, последнего я бы точно не пережил. За аккуратное чтение «драгоценных фолиантов» с возвратом через несколько дней и в безупречном состоянии он брал комиссию в треть цены! Боже упаси забежать в обеденный перерыв не переодевшись – по его мнению, портовые запахи отбивают покупателей и впитываются в бумагу. А мои руки? Каждый раз он не спускал с них глаз, выискивая там – подобно Мойдодыру! – пятна грязи и жира!

К сожалению, сегодня мне придётся его порадовать чуть большей тратой денег не в первый и, боюсь, не в последний раз. Что остаётся делать, если «Три столицы» Василия Шульгина оказались настоящей находкой, посему, отринув амфибиогенную асфиксию, я решил оставить их себе насовсем. За два вечера добросовестно «перепахал» их по несколько раз, с карандашом и пометками на полях, как принято в данную эпоху.

Если отбросить в сторону забавные стенания о засилье в Кремле представителей мирового и местечкового еврейства, было ради чего...

Во-первых, совершенно очевидно, что именно в этой книге Ильф и Петров черпали вдохновение при работе над знаменитыми «Двенадцати стульями». Их мелочные насмешки над

автором – на самом деле бывшим членом Государственной Думы – вынужденном сбрить неудачно покрашенные усы и бороду, заставили меня сильно переоценить «мебельный роман» в сторону негатива. Заодно, уже в который раз, вспомнить бессмертное гоголевское: «Чему смеётесь? Над собою смеётесь!»

Во-вторых, очень к месту пришлись обширнейшие и актуальные заметки о жизни «под большевиками» от одного из признанных идеологов эмиграции, человека, который принял отречение от самого Николая Последнего, а чуть более года назад с немалым риском для жизни умудрился посетить инкогнито Киев, Москву и Петербург. Кроме того, я старательно пытался между строчек рассмотреть механизм просачивания через границу с контрабандистами, но не сильно преуспел. Единственное очевидное: в «триэсэрии» – привязалось же ко мне это эмигрантское название СССР! – существует вполне работоспособное подполье, только не боевое, офицерское, а скорее – коммерческое, вполне комфортно уживающееся с большевиками и их цепными псами из ГПУ.

В-третьих, удивила куча вполне подходящих к реальности 21-го века размышлений о губительном засилье слабых на коррупцию трестов-монополий в советском хозяйстве, необходимости тонкого баланса государственного и частного участия в производстве, защите отечественного бизнеса от таких «акул», как Форд и Крупп, а также прочем импортозамещении. То есть строго по завету классика – «если бы отвечать одним словом на вопрос, что делается в России, то пришлось бы сказать: крадут»...[244], а потом в оправдание краж вводят заградительные пошлины против ввоза в страну Ситроенов, Мерседесов и Рено.

В-четвёртых, крестьянский вопрос в СССР всё ещё не решён. Оказывается, естественная парцелляция, то есть дробление земли на мелкие куски между наследниками, делает хозяйства неэффективными, следовательно, через жалкие десять-двадцать лет приведёт в очередной революции. Спасение – по мысли Шульгина – в переходе на майорат, то есть такую

[244] Цитата записана Вяземским со слов Карамзина. Более известный вариант «...пьют и воруют», приписываемый М. Е. Салтыкову-Щедрину – фальшивка.

систему права, в которой наследует только старший в семье. Младшие же – на радость сторонникам индустриализации – пополнят армию производственных рабочих...

И чуть позже захватят лидерство в мировой экономике так же, как их предшественники с берегов туманного Альбиона завоевали колонии.

В-пятых, и это самое забавное, немалая толика прикладной философии – да ещё и направленной на сотрудничество с большевиками – кардинально отличной от агрессивной ларионовской или, лучше сказать, РОВСовской.

Основной вывод: «Зверь сделал своё дело – Зверь может уйти».

То есть по наблюдениям автора, с социализмом – а тем более с коммунизмом! – в «триэсэрии» уже покончено, вот-вот «верхи» запрячут эту глупую болтовню в музеи вслед за революцией, и «только матери будут пугать детей ужасной мордой Ленина».

Реальная же власть в результате дворцового переворота буквально свалится – если ещё не свалилась! – на голову удачно подвернувшейся «сильно-полицейской» команде, иначе говоря – грубой и жестокой олигархии, пусть даже под лживым рабоче-крестьянским ярлыком.

После чего какое-то время жизнь пойдёт по принципу «всё, как было, только хуже».

Но если лидеры СССР хоть немного дружат с головой да ещё прислушиваются к добрым советам из-за границы, то дальнейший путь предполагается самоочевидным. Они просто-напросто обязаны аккуратно – не дай бог снова разбудить Зверя – перекреститься в фашизм или передать бразды правления фашистам[245].

Последним полагается восстановить границы и военное могущество Российской Империи, а также иметь в руководителях настоящего вождя, человека исключительного благородства и неодолимой властности. А ещё – завести для успокоения широких народных масс парламент с широким, но ограниченным кругом компетенций.

[245] В 1927 году В. В. Шульгин участвовал в работе «Школы фашизма» при Союзе монархистов и уверенно утверждал: «Я – русский фашист».

Уж воистину говорят: «Как следует поскреби русского монархиста – обнаружишь фашиста!».

Конечно, господину Шульгину во время бешеного взлёта популярности Муссолини позволительно ошибаться. Не завелась покуда на планете жуткая память о Второй Мировой, поэтому воспринимается данная идеология совершенно нормально, в ряду прочих – где-то между монархией и демократией. Переживают лишь коммунисты – они видят в фашистах одновременно и своё зеркальное отражение, и антагонистов, то есть наиболее опасных политических противников.

Однако, имея опыт 21-го века, прежде чем начать игры в «настоящих» вождей, стоит изучить статистику. По которой на каждого «правильного» диктатора типа Ли Куан Ю приходятся многие десятки Мао Цзедунов, Ким Чен Иров, Бокасс, Чаушеску и прочих Пол Потов. Вероятность везения, то есть того, что вождь окажется или хотя бы Пиночетом – ничтожно мала. Наоборот, слишком хорошо известно, до чего могут довести мир камрады типа Адольфа Гитлера.

Короче говоря, перед тем как разочароваться в демократии, стоит хотя бы раз её попробовать.

Весь день, ворочая идиотские мешки, я раз за разом задавал себе простой на первый взгляд вопрос: «Возможно ли плотное сотрудничество с «бывшим депутатом Государственной Думы?». То есть, сможет ли он поверить моим словам настолько, чтобы помочь выцарапать смартфон со злосчастного Петербургского чердака?

Аргументов у меня маловато, хотя...

Есть же одежда из будущего! Пусть жалкие остатки, можно сказать тряпье, но, скорее всего, из неизвестных науке синтетических волокон, сшитые необычными обмёточными швами[246] – при лабораторном изучении наверняка найдётся немало фактов в пользу моей легенды.

Самому же Шульгину явно не чужда мистика и божественное вмешательство – why not?

Что он теряет?

[246] ГГ не знает, что оверлоки в 20-х годах уже известны и серийно производятся (например, «Merrow Machines»). Однако распространены мало, кроме того, только трёхниточные, тогда как в одежде ГГ, скорее всего, использовались пятиниточные.

Не такой великий риск для опытных контрабандистов провести меня в Ленинград, без лишних вопросов сопроводить до нужного адреса, ну или хотя бы до угла дома или квартала, если побоятся засады чекистов. Всего-то делов: подъехать вечером на извозчике да подождать четверть часа.

Риски?

Да как же я смогу навредить, пусть и при всём желании?

Сбегу к чекистам? Расскажу о «мужиках с бородами»?

В лучшем случае покажу на границе одну из сотни потаённых тропинок?

Смешно!

Никто не будет затевать сложную комбинацию ради настолько никчёмной цели!

Но что потом?

Учебники истории будущего окажутся в руках человека, который как никто другой искушён в информационной борьбе, да ещё на короткой ноге со всеми лидерами белой эмиграции.

Как он использует подобный чит?

Найдёт что-то для себя – или про себя[247]? – осознает, к чему привели мир фашистские диктаторы, устрашится повешенного вверх ногами Муссолини или самоубившегося в бункере Гитлера, да на этом успокоится?

Ха-ха. Три раза ха-ха!

Ни грамма не сомневаюсь, что Шульгин в любом случае пустится во все тяжкие ради великого будущего великой России. Вот только попробуй пойми заранее: хорошо у него выйдет с моей помощью или плохо.

Идеалистов я боюсь последнее время, как огня!

Придётся десять раз продумать...

Когда-нибудь потом...

На сегодня есть задачи поважнее...

Магазинчик, до которого я наконец-то добрался после работы, встретил прохладой полуподвала, аскетизмом полок и уже привычным резким запахом...

[247] В. В. Шульгин дожил до 1976 года (98 лет), прошёл через лагерь, но сумел побывать даже на XXII съезде КПСС. Практически до самого последнего времени вёл «свою» борьбу...

Нет, не заплесневевших неликвидов, а всего лишь табака. Хозяин смолит трубку как идущий на взлёт паровоз, при всяком удобном моменте хвастаясь, что отдушка копотью благородных листьев не помешает любой книге, в отличие от «поганных» портовых ароматов. Хотя мне кажется, так он маскирует миазмы от подтекающей канализации.

Приходится терпеть – всё равно другой подобной лавки в Хельсинки нет.

Против ожидания – сегодня я не единственный покупатель. Вдоль стеллажей с русскими книгами неторопливо прохаживался классический интеллигент среднего возраста: худая, не обременённая мускулами фигура в сером пиджачке, узкое «чеховское» лицо, усики и бородка клинышком, непременно пенсне и хомбург с модной лентой в крупный рубчик. Странно смотрелся лишь непривычно густой южный загар.

При виде меня господин с лёгким кивком приложился пальцем к краю шляпы, я ответил тем же – чуть ли не в первый раз порадовался, что не пожалел пяти марок на шикарную гангстерскую федору[248].

Посчитав долг вежливости исполненным, набросился на новинки.

Небольшая книжка под синей дерматиновой обложкой, тиснёный бронзой кораблик и название «Экипажъ «Одиссеи» явно указывают на море. Автор – Евгений Тарусский...

Нет, не слышал... По страницам тут и там разбросаны шикарные иллюстрации, они зовут оценить сюжет, но, увы, на беллетристику у меня пока тупо не хватает времени.

Сильно запоздавший двадцатый номер еженедельника «Иллюстрированная Россія» – просмотреть содержание можно прямо тут...

«Рассказъ наѣздника» Куприна – оно же мало адекватное моменту руководство по выезду скаковых лошадей, способное разбередить душу ностальгирующих помещиков...

Идиотское фото английской подводной лодки с ширококрылым гидропланом на борту...

[248] Хомбург – мужская шляпа из жёсткого фетра с продолжным заломом на верхушке, загнутыми вверх полями и лентой по тулье. Федора – почти то же самое, но фетр помягче, а на тулье три «вмятины».

Встреча в Москве «советской знатью» Его Величества афганского падишаха с последующим возложением венка на мощи Ленина...

Огромный некролог по Врангелю...

Всё не то!

Отчасти интересен только «Въ мёртвый часъ» – тупой рассказ из советского быта, но тратить на него марку жалко.

Путеводитель «Дачи и окрестности Москвы». Не иначе, как жестокий троллинг эмигрантов от столичного общества изучения русской усадьбы с описанием более чем сотни объектов. Жаль, что не Ленинграда – вышел бы шикарный подарок господину Ларионову...

Сборник рассказов господина Кухаренко, хм... Оказывается, так зовут Наказного Атамана Черноморского казачьего войска, временно базирующегося в предместьях Праги.

Опять мимо кассы...

Как и «Театральные мемуары» товарища Вишневого, судя по всему – успешного советского актёра.

Монументальная стопочка из пяти томов в дорогом тиснёном переплёте – «Очерки русской смуты» генерала Деникина в очередном переиздании. Специальная акция, всего полсотни марок за комплект!

Кажется, именно на них – как на главный документ эпохи – в своё время ссылался институтский препод истории. Для меня оно не слишком актуально, кроме того, столь обстоятельный труд мне просто не по карману...

Следующим под руку подвернулся сборник стихов, я открыл его на случайной странице и негромко пробормотал первое, что попало на глаза:

«Молчанье хитрое смѣется,
Они мои, они во мнѣ
Пускай умрутъ въ моем колодцѣ,
На самомъ днѣ, на самом днѣ...».

– Ох, только не это! – невольно поморщился, брезгливо пристраивая томик обратно на полку.[249]

[249] Увы, ГГ совсем не разбирается в стихах, к тому же излишне сосредоточен на эмигрантском вопросе. Данный фрагмент написан З. Н. Гиппиус ещё в 1913 году.

Изложенное высоким штилем нагромождение тупой эмигрантской тоски отчаянно царапало глаза ятями.

– Так плохо? – на совершенно правильном русском, но вместе с тем как-то очень мягко поинтересовался интеллигентный господин.

По его лицу блуждала грустная, немного насмешливая улыбка.

И как только я умудрился не заметить, что кто-то подошёл совсем близко?

– Простите, – начал я и резко осёкся.

Уж слишком примечательное название имела книга, раскрытая в руках моего невольного собеседника – «Двадцать шесть тюремъ и побѣгъ с Соловковъ»!

Поэтому вместо дежурных фраз извинений я без всякого вежества выпалил:

– Нельзя ли мне посмотреть вашу книгу поближе?!

– Вам так близка эта тема? – господин на секунду замер, очевидно прикидывая, как лучше ответить на подобную грубость, но всё же протянул требуемое.

– Безусловно! Прошу великодушно меня извинить, – я запоздало вспомнил о правилах приличия. – Мне удалось бежать из концлагеря в Кеми всего несколько месяцев назад!

– Вот как?! Знаете ли, молодой человек, мне тоже случилось побывать в тех краях, да не по своей воле! Двух лет не прошло. Ах да, позвольте представиться: Борис Леонидович Седерхольм, прошу, как говорится, любить и жаловать.

– Обухов, Алексей, – торопливо пробормотал я. – Вы тоже смогли бежать из Кемперпункта?!

– Нет, разумеется нет, – тихо рассмеялся мой новый собеседник. – Староват уж для таких подвигов. За меня, как финского подданного, вступилось правительство, друзья из посольства подсобили опять же... Чуда пришлось ждать два года, сперва – в Бутырке, а потом – на самих Соловках. На последнем пароходе выскользнуть успел, перед зимовкой уж с жизнью прощался. Знаете, я ведь целую книгу воспоминаний написал об этом, только недавно передал рукопись в парижское издательство.

– Но как же большевики до вас в Финляндии добрались? – опешил я. – Разве такое возможно?

– Так я сам приехал в Москву, пытался продать аргентинский красный «Cronn», то есть дубильные экстракты из квебрахо от компании «Villa Guillemina». Поначалу всё хорошо шло, на Красина удачно вышел, и мы договорились с коженным синдикатом на крупную партию. Потом что-то разладилось у дипломатов в Южной Америке с официальным признанием Советов, в отместку или от обиды большевики все коммерческие отношения с ними разорвали, мне же начали тянуть с выдачей разрешения на выезд. Признаться, сперва я полагал, что они опомнятся, ведь столько шкур гниёт. Однако не прошло и месяца, как чекисты сумели придумать глупый повод и меня арестовали.

– Умеют, гады! – я невольно вспомнил иностранноподданных соседей по камере в Шпалерке.

– Вы случайно не вместе с господином Бессоновым бежали? – Борис Леонидович жестом указал на книжку, которую я всё ещё держал в руках, причём – вверх ногами.

– Так он ещё и не один умудрился вырваться из этого ада!?

– Ушли оружными, впятером.

– Молодцы какие, целой командой, – произнёс я с завистью. – Мне же пришлось в одиночку, вы же знаете, что в лагере никому нельзя и слово доверить!

– Очевидно, Бессонову с друзьями повезло, но я успел бегло просмотреть лишь пару страниц ближе к концу.

– Прошу прощения, – я с неохотой протянул книгу обратно, надеясь, впрочем, на ответную вежливость. – Сегодня же закажу экземпляр для себя!

– Ох, мне совсем не сложно одолжить её вам для чтения, – не обманул моих ожиданий Борис Леонидович. – Так будет быстрее...

«И куда дешевле...», – отметил я для себя.

– Хоть сегодня, – глаза за пенсне подозрительно блеснули. – Но у меня будет небольшое условие.

– Разумеется, всё, что в моих силах!

– Вы сейчас же расскажете мне свою одиссею!

– С превеликим удовольствием, – тут уж пришла моя очередь улыбаться. – Но мне никак не справиться со столь тяжкой задачей на голодный желудок.

Ужинали в уже почти позабытом мной «Bellevue», цены в нём, увы, совсем не по карману портовому грузчику. Однако, если приглашают – отказываться тяжёлый грех: шикарная кухня и неплохой бренди, что ещё нужно двум русским, чтобы скоротать вечер?

Поначалу я боялся повторения истории с РОВСовцом Ларионовым, оказалось – совершенно напрасно...

Борис Леонидович показал себя исключительно деликатным собеседником: он не питал особой ненависти к большевикам, скорее – искренне удивлялся их бестолковости; не строил планов мести, тем более – не пытался загнать меня в логическую ловушку.

Мои приключения интересовали его примерно как чтение авантюрного романа...

Не удивительно, что продолжение беседы вышло литературным.

– Почему бы тебе – как-то незаметно он перешёл ко мне на «ты» – не написать книгу? – поинтересовался господин Седерхольм после счастливого финала. – Советами сейчас многие интересуются, для европейской публики они – новая terra incognita. Кстати сказать, в издательстве неплохой гонорар обещали за мой скромный труд... Уже выплатили авансом шесть тысяч франков!

– Да я мечтал об этом каждый день, пока по карельским болотам мыкался!

– Так за чем дело встало?

– Видите ли... Деньги, – от досады и выпитого я впечатал в столешницу сжатую в кулак руку так, что посуда отозвалась лёгким звоном. – Ни знакомых, ни друзей, чуть отойди от порта – везде шпарят на финском или шведском. Куда пойти, кого искать? Ещё и с местными эмигрантами поцапаться умудрился!

– Это с питерскими-то снобами? – пренебрежительно рассмеялся Борис Леонидович. – У меня с ними тоже дружбы не водится. Бездельники, мусолят покрытые плесенью сплетни, мечтают вернуться... Куда?! Куда они собираются вернуться? Там, в СССР – давно иной мир. Да ты ведь сам советский, всё знаешь лучше меня!

– Вот и попытался объяснить...

– Только время потеряешь, – господин Седерхольм смёл тему резким взмахом руки. – Мир достаточно велик, он велик даже без России. Вот взять хоть Палермские леса в Буэнос-Айресе, какое это чудо...

– Ещё с орфографией у меня проблема, – перебил я собеседника, возвращая его на куда более интересную тему. – Читать с ятями не сложно, но если писать – там меня успели переучить, а тут, верно, засмеют.

– Могут, эти могут, – совершенно неожиданно согласился собеседник. – Вот ведь какая дурацкая история... Мне самому пришлось переписать черновик на французский! И думаешь – почему? Да в наших эмигрантских издательствах увидели в романе несправедливый поклёп на родину! Не, ты только представь! Сами на всех углах кричат, что большевистский строй ужасен и гнусен да так, что говоря подобное, испытываешь какое-то неловкое чувство, точно настаиваешь на азбучных истинах, которые всем известны и в доказательствах не нуждаются. Но при этом верят всем советским заверениям, пышным декларациям, амнистиям и прочей бумажной «эволюции». Хуже того, эти идиоты свято убеждены, что Соловки ничуть не страшнее военного лагеря в Галлиполи, всего-то отличия – здоровая крестьянская работа вместо военной муштры!

– Да они ох...ели, в натуре! – надеюсь, собеседник простит «лагерника». – Совсем башню снесло у людей, правду в упор видеть не хотят. А я-то, дурак, ещё надеялся с их помощью до Ленинграда добраться, хотя бы на денёк!

– Захоронка небось осталась? – сочувственно поинтересовался Борис Леонидович. – Слишком опасно – золото того не стоит.

– Почти... Документы, очень ценные для меня... – завуалировал я свой ответ...

– Послушай доброго совета старого человека: забудь, забудь навсегда и не вспоминай! – посоветовал господин Седерхольм.

– Но... Прочитал тут недавно у Шульгина... – всё же попробовал возразить я. – Он благополучно пришёл и ушёл, вдобавок – чуть не полгода в СССР прожил.

– Ох, там такая история, – господин Седерхольм исполнил

классический фэйспалм. – До сих пор среди эмигрантов спор идёт: кто так ловко организовал его вояж по трём столицам. И знаешь, к чему все сходятся?

Вместо ответа я старательно помотал головой.

– ГПУ его водило, никак не иначе! После недавних признаний какого-то сбежавшего чекиста[250] с этим согласны все без исключений. Куда как сложнее понять другое: они или играли с Шульгиным, как кошка с мышкой, в надежде получить к себе в лапы более опасных противников[251], или на самом деле существует масштабный антибольшевистский заговор, проникший на самый высокий уровень. Мне так лично кажется, что многие из больших начальников в Чека сами толком не понимают: кто за кого, и куда качнётся курс партии, поэтому играют сразу и за белых, и за красных – то есть чёрных – знай только шахматную доску поворачивай удобной стороной.

– Ничего себе, накрутили сюжет! – я не удержался от восклицания. – Материала на хороший бестселлер набрать, как два пальца... Об асфальт!

– Ты только не вздумай и близко приближаться к этому лупанарию...

– Раздавят как букашку, глазом не моргнут, – с тяжёлым вздохом завершил я мысль на минорной ноте. – Можно подумать, что мне сильно интересно мешки в порту ворочать! Прямя, люблю я это дело!

Вместо возражений Борис Леонидович неторопливо разлил остатки бренди из «чайника» по кружечкам, вытряс из пачки «Lucky Strike» очередную сигарету, неспешно покатал её между пальцами и только после этого закурил.

– Есть вариант, – наконец продолжил он разговор, но уже

[250] А. О. Отпернут (настоящее имя Александр Упенинши), активный участник операции «Трест», в апреле 1927 года нелегально перешёл в Финляндию и публично, через газеты, рассказал о том, что подпольная организация «Трест» – работа советских спецслужб.

[251] Считается, что путешествие Шульгина проходило в рамках масштабной операции ГПУ «Трест», в рамках которой осенью 1925 года был захвачен Сидней Рейли. Но в этой истории до сих пор очень много загадок и белых пятен.

каким-то меркантильным тоном. – Могу выкупить полные права на твой рассказ заранее, авансом. Тысяч десять франков, пожалуй, будет в самый раз.

– Шестьсот баксов? – автоматически пересчитал я.

– Да, где-то так, может быть, немного побольше.

Уж не знаю, благотворительность это, или наоборот, хитрый коммерческий расчёт, для меня варианта лучше не придумать. Хватит не только юристам-кровопийцам на оформление визы и дорогу до Франкфурга-на-Майне, но ещё и на приличную гостиницу останется...

Наверное...

Поэтому я просто поднял свою кружечку в шуточном салюте.

– Надеюсь, бумага и чернила войдут в стоимость контракта?

10. МЫ ВСЕГДА ТАК ЖИВЁМ

Москва. Апрель 1930 года

3 месяца до рождения нового мира

Бескрайнее море кричащих голов смыкалась вокруг меня в каком-то невысказанном танце, завораживая своей дикой животной энергией, перед которой любой разумный становится мелкой, беспомощно застрявшей в смоле букашкой. Особенно если...

Ужас поднялся ледяной волной от широко раскинутых ног, затопив сознание – я осознал себя распятым на некоем подобии гигантского колеса, которое понемногу вращается то в одну, то в другую сторону. Безумный вопль вырвался из груди, но из глотки, сквозь грубое полено кляпа, просочился только слабый сип.

Зато вернулся слух.

– Кро-ви! Кро-ви! Кро-ви! – дружным хором скандировали звонкие детские голоса.

– Казнить! Проклятого! Троцкиста! – отдельные, несущиеся со всех сторон выкрики неожиданно собрались в цельную и крайне неприятную фразу.

– Смерть врагу народа! – вдруг вытеснил всё противный женский визг. – Четвертуем бешеную собаку!

С огромным трудом, буквально разрывая шею, я сумел приподнять голову чуть выше и взглянул вперёд...

А там...

Над беснующейся в ожидании расправы толпой нависала красная, как запёкшаяся кровь, зубчатая кирпичная стена. Чуть ближе, в её тени торчали полированные грани неуклюжей кубической махины Мавзолея.

Длинный ряд ответственных руководителей на трибуне

сливался в серую ленту, однако торчащая посередине стойка микрофонов безошибочно выдавала местоположение Хозяина.

– Ну что, товарищи, не пора ли нам казнить изменника социалистической родины? – раскатился по площади громовой вопрос. Характерный акцент не оставлял сомнений.

– Сталин! – просипел я.

– Казнить, казнить, казнить! – эхом откликнулась толпа.

– Наши цели ясны, задачи определены, – легко согласился «вождь всех времён и народов». Картинно заложив руку за обшлаг шинели и чуть нагнувшись вперёд, он доверительно добавил. – За работу, товарищи[252]!

– Ура! Ура! Ура! – дружно оскалились головы широких народных масс.

Вращение колеса подо мной наконец-то прекратилось, откуда-то сбоку вылез здоровенный детина в нелепом чёрном колпаке на голове и с огромной ржавой секирой в руках.

– Ну что, сердешный, – пробасил он. – Готовься, будет больно.

И тут же, не примериваясь, почти без замаха, рубанул ногу где-то пониже колена.

Хрясь!

Хлестанул по нервам вал боли, во рту захрустели осколки сломанных о кляп зубов.

Хрясь!

Солёная кровь залила горло, а потом с криком вылетела алым фонтаном вверх изо рта.

Хрясь!

Исчезла рука, но грамотно привязанное к колесу тело не смогло извернуться от следующего удара.

Хрясь!

Сознание наконец-то покатилося в спасительную черноту небытия.

Вдруг прямо перед моими глазами появилось смутно знакомое лицо, круглое, почти лысое и в пенсне.

– Зря ты так, гражданин Коршунов, – голос сочился подозрительным состраданием. – Нет бы свалил за океан

[252] ГГ приписал И. В. Джугашвили слова Н. С. Хрущёва на 22 съезде партии.

воплощать великую американскую мечту, нашёл себе крепкозадую девку, да наживал добро в своё удовольствие. Так ведь нет! Решил, что покажешь красивые картинки на куске пластика, и тебя враз сделают советником нашего любимого и дорогого вождя? Ха-ха! Так получи же заслуженный приговор, проклятый прогрессор!

Лицо исчезло, но я успел заметить, как тускло блеснула над головой летящая вниз сталь.

Хрясь!

И ещё раз...

В мои широко распахнутые от ужаса глаза из-за плотно зашторенного окна льётся свет тусклого дня.

Колёса вагона неторопливо отбивают своё извечное «чучу-чу-чух, чучу-чу-чух».

Плечо толкнула чья-то ладонь.

– Просыпайся, уже по Москве едем.

Всё ещё пытаюсь спастись от палача из сна, я резко дёрнулся в сторону, но только с размаха ударился плечом в обшивку салона.

Боль ушиба – уже не фантомная, а самая что ни на есть реальная – живо прогнала остатки сна.

– Яков! Чёрт, напугал-то как!

– Посмотри лучше, красота-то какая, – мой спутник отдёрнул вверх край занавески. – Дождь, да ещё со снегом!

Не часто можно видеть, как человек, приехавший из лета, радуется стылой слякоти.

Ответная гримаса на моём лице могла бы легко напугать детей старшего школьного возраста, но оптимизма Якову это не убавило – он даже соизволил дать очевидное объяснение:

– Меньше лишних глаз по городу шатается!

– Не поспоришь, – я помедлил в попытке поймать застрявшую с вечера мысль. – Да, кстати, как же нам тогда быть с Александрой?

– А что с ней не так, по-твоему? – недовольно пробурчал Яков.

– Платье...

– Что с того? Бл...ть!

Не думаю, что экс-чекист сильно жалел девушку, скорее,

понимал: как вызывающе неуместно будет смотреться её летний наряд при околонулевой температуре.

– Может быть, в чемодане её вынесем? – неуклюже пошутил я.

С верхней полки свесилось настороженное лицо Саши.

– Слезай, – поманил её рукой Яков. – Будем твой гардероб обновлять. – А ты... – он повернулся в мою сторону. – Кончай сидеть сиднем, вытаскивай чемодан. Да не свой! В твоих шмотках её только на поле ставить, ворон отпугивать. Мой открывай, вот не было печали!

И, правда, чего это я?

Знаменитый на весь СССР товарищ Блюмкин на полголовы ниже меня и заметно уже в плечах. Не слишком обнадеживающая разница по сравнению с субтильной, больше похожей на подростка девушкой, но хоть полы по дороге волочиться не будут.

Против ожиданий, чёрное пальто, пошитое партнёром из роскошного драпа ещё в Палестине специально для Москвы, село на Александру вполне достойно. Подогнули рукава, запахнули потуже, стянули поясом, теперь только шагов с пяти можно разобрать – вещь с чужого плеча.

В любом случае, кого эдаким удивишь в стране, где каждый третий носит перешитую солдатскую шинель?

Хуже получилось с кепкой, но тут выручил мой шарф, который наша спутница ловко и даже изящно намотала на голову вместо платка.

Управиться до прибытия поезда мы, конечно, не успели...

Особенно много времени потребовало стаскивание красивых кожаных шкур с чемоданов – для превращения последних во вполне обычные по советским меркам конструкции из крытой тканью фибры. Но и другой возни хватило: пока наши и вытащили необходимое, утрамбовали ненужное – пассажиры успели разбежаться.

Яков не преминул позлорадствовать звукам разгоревшегося под окном скандала.

– Слышь, замешкавшиеся товарищи надрываются? Самые расторопные всех носильщиков захомутать успели, а эти последнего поделить не могут!

– Главное, чтоб денег на такси хватило, – философски

заметил я в ответ. И продолжил, но уже про себя: «А в 21-ом веке тут «Uber» всю работу делает. Прямо из вагона вызвать можно...».

– Пусть у гостиничных портье голова болит, – небрежно отмахнулся от проблемы партнёр. – Эта братия в любую погоду толчется перед вокзалами, как только голос не срывают со своими «свободные номера, свободные номера»...

Вылезли мы под застеклённые перекрытия невероятно огромного, набранного из стальных арок дебаркадера Брянского вокзала[253] только через четверть часа.

Затем, удачно влившись в жиденький поток людей с пригородного поезда, пробились через длинные, вонючие – но по советским меркам идеально чистые! – переходы к выходу, дождю и снегу.

Несмотря на отвратительную погоду, всё пространство вокзальной площади заполняла суета и толкотня...

Вдоль, поперёк, наискосок – а возможно, и кругами – вокруг расположенного в самом центре трамвайного кольца сновали будущие или бывшие пассажиры.

То и дело без всяких правил подъезжали и уезжали разнокалиберные экипажи на конной тяге, рвали клаксоны пытающиеся протиснуться через хаос автомобили и маленькие автобусики...

Однако нигде не наблюдалось ничего похожего на стройный ряд таксомоторов, как, впрочем, начисто отсутствовали и обещанные отельные агенты.

– И где же эти... Как их... Портье? – поинтересовался я.

Вместо ответа мой спутник лишь пожал плечами. Никогда досель я не видел товарища Блюмкина столь растерянным.

– Не понимаю, – признался Яков. – Вот же, тут оно и было всегда... – он кивнул в сторону солидно устроенной, но явно заброшенной будки с вывеской «Такси-taxi». – Может, сегодня праздник какой?

– Видать, был ты долго в пути и людей позабыл. Мы всегда так живём, – протянул я когда-то слышанное в будущем.

– Да я сюда всего два года назад приезжал последний раз!

[253] До 1934 года современный «Киевский» вокзал назывался «Брянским».

– Давайте на трамвай пойдём? – вмешалась Александра.
– Как все? – недовольно фыркнул в ответ Яков. – Хотя, отчего не попробовать!

Первые же наши шаги в сторону остановки возымели неожиданный эффект...

Как из-под земли вылезла пара страшно грязных, замотанных в мешки и тряпки индивидуумов лет пятнадцати, один из которых с поразительной для его облика вежливостью обратился ко мне, не иначе решив, что размер имеет значение:

– Извиняюсь, гражданин, вам в трамвай или понести?

– В трамвай, – ляпнул я от неожиданности, заодно на всякий случай крепче сжимая в ладони ручку чемодана.

– Если в трамвай, то за каждого фунт хлеба или деньги на этот фунт, – отбарабанил скороговоркой парень. – Можно багаж за два-три фунта донести по городу.

– Нет, товарищи, так не пойдёт, – быстро вмешался Яков. – Мы лучше «ваньку» возьмём!

– Как желаете, – подозрительно легко согласился местный «решала». – Ежели что, милости просим, – добавил он, уже перенацеливаясь на пожилого крестьянина с огромным узлом за спиной.

– Наверняка ведь облапошат, а то и ограбят! – поделился я несложной догадкой с многоопытным Блюмкиным.

– Не думаю, – удивил тот ответом. – Беспризорники в такой толпе честно отработывают своё: залезут в вагон на предыдущей остановке, а уже тут заташат лапотника и его баул в вагон изнутри. Самому, без помощи ему нипочём не пробиться. Но почему опять за хлеб?! Прямо совсем как когда-то в девятнадцатом!

– Так карточки уже год как ввели, – напомнила Александра и совершенно напрасно.

Яков и сам прекрасно знал причину...

Его родная Одесса пострадала от нехватки хлеба едва ли не первой в СССР, хотя [254] там это не особенно сильно ощущалось из-за проникшего везде и всюду чёрного рынка.

[254] 14 февраля 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление о всесоюзной карточной системе распределения хлеба. В Одессе карточки на хлеб появились летом 1928 года.

– Пойдём, – тяжело вздохнув, он махнул рукой направо в сторону возвышавшихся над людским мельтешением лошадиных морд.

Поездки на экологически чистом транспорте давно не вызывали у меня особого энтузиазма. Только в плохих фильмах будущего барин разъезжает на огромной, похожей на сарай карете.

Настоящие же пролётки больше напоминают продуктовую тележку приличного супермаркета, чем автомобиль. Комфорт передвижения – соответствующий, конструкцию нещадно шатает, мотает и корёжит на каждом ухабе.

А уж запах...

Актуальное состояние транспортного бизнеса в Москве оказалось куда печальнее, чем я ожидал. Короткий до безобразия рядок из полудюжины извозчиков, одинаково мокрые, явно заморённые коняги, рваная кожа тентов и сидений, обшарпанная, а то и откровенно разбитая фанера коляски – всё это не добавляло оптимизма.

Сперва мой партнёр, ещё надеясь на чудо, поинтересовался:

– Подскажите, уважаемые, такси где теперь стоят?

– Уж год, почитай, авто по госконторам разобрали, – сдвинув с лица капюшон прорезиненной накидки, степенно разъяснил сложность текущего момента ближайший «водитель кобылы». – Нонче возьмёшь, ежли только фортуна к тебе особенно благоволит.

– Вот жалость какая! – разочарованно протянул Яков. – Почему тогда вашего брата так мало?

– Зато конины теперича в лавках достаток, – недобро осклабился собеседник. – Как лошадку-то держать, коли хлебушек по карточкам? Овёс-то нынче дорог!

Сказать честно, я на странную связь хлеба и овса внимания попросту не обратил.[255]

Зато Александра отреагировала мгновенно и очень зло.

– Правильно прижали! Так вам и надо! Люди от

[255] С осени 1927 государство установило твёрдые цены на хлеб. В условиях дефицита оказалось дешевле кормить скотину не овсом, а «хлебом по твёрдым ценам». Летом 1928 года пуд хлеба стоил около 2 рублей, овёс около 5-6 рублей.

голода умирают, а вы свою скотину хлебом по твёрдым ценам кормили!

– А коли и так... Дамочка? – извозчик мазнул по мне взглядом и в последний момент сумел удержаться от грубости.

– Ладно, дело прошлое, – расторопно перешёл от политики к конкретике экс-чекист. – Сколько до «Мосторга» возьмёте?

– Значит, до «Мюра и Мерилиза» хотите добратся?

– Да, и желательно поскорее.

– Пятёрочку надо бы, или серебром рубль с полтиной! – «ванька» ещё раз внимательно оглядел нас, потом – чемоданы. И как кнутом рубанул. – Каждому!

– В смысле?

– Надоть вам двоих брать, иначе не вывезет лошадка-то.

Поторговались, впрочем, без всякого успеха – «овёс-то нынче дорог, а завтра ещё дороже будет!» – и поехали. В первой пролётке – Яков с багажом, во второй – я с Сашей.

Под кое-как вздетой полукруглой крышей не мочило хотя бы со спины, но особого уюта не добавилось. Даже с девушкой в качестве полупассажира плечам оказалось тесно, вонь превысила концентрацию до угрожающего здоровью уровня, а резко поднявшийся центр тяжести мотал убогую конструкцию на грубой брусчатке так, что нам приходилось то и дело хвататься за борта и друг друга.

Шустро перескочив по широкому и практически пустому мосту через Москву-реку, мы углубились в город по застроенной двух-трёхэтажными домами улице...

В прошлом, то есть в 21-ом веке, я успел потратить несколько дней на достопримечательности столицы, но, увы – не более того. Так что теперь тарачился на главный город страны «как впервые» без всякого преувеличения. Полагаю, ничего знакомого, кроме Красной Площади и Мавзолея, увидеть тут мне не удастся.

Зато спутница жадно всматривалась в привычные с детства места, с удовольствием рассказывая обо всём, что попадалось на глаза.

Однако скоро и ей пришлось удивляться, прежде всего – очередям. Нет, не самому факту наличия – советский строй без «хвостов» существовать не может принципиально.

Но вот длина хвостов!

При виде особо многочисленной толпы, уходящей в бесконечность поперечного проулка, девушка не выдержала.

– Прямо как на биржу труда столпились[256]!

– Может, дефицит на прилавок выкинули? – щегольнул я новыми-старыми словами.

– Да какое, вон, смотри, там хлопчики с бидонами, значит – за керосином.

– С ним всегда проблемы? – удивился я. – В Одессе, наоборот, лавочники стараются, рекламой к себе заманивают.

– Так же, как и в Москве, когда я уезжала! Не было печали...

– А здесь, смотри, с бутылками мужики кучкуются, – перебил я Александру, без всякого вежества тыкая пальцем в сторону. – Тоже за топливом?

– Нет, – рассмеялась она. – За водкой, без сданной посуды не продают. Но тут – всё как было, разве что малость хуже.

Обсуждения новых особенностей очередей нам хватило на пяток кварталов, благо, за примерами далеко ходить не пришлось. За чем-нибудь да стояли на каждом углу, и это не художественная метафора, а суровая действительность.

Скоро подоспело новое развлечение...

Едва мы миновали широкий, больше похожий на парк бульвар, как напротив наглухо заколоченного павильона «Узбеквино» упёрлись в самую настоящую дорожную пробку. Развороченные дорожными рабочими для ремонта, но, вероятно, из-за погоды, брошенные как есть булыжники мостовой изрядно сузили дорогу. Да так ловко, что гружёный кирпичом ломовик не вписался в габарит и умудрился стряхнуть какого-то парня с задней подножки попутного трамвая, и к несчастью – под тележное же колесо. Катящийся сзади «Форд» с недовольным писком клаксона заблаговременно принял влево, погромыхая перевалил через рельсы... И тут же впился во встречную коляску. Сзади в кучу надал жара крестьянский битюг, в телегу которого с треском затормозил, скользя наискосок по осклизлым камням мостовой, чей-то роскошный белый лимузин...

Через несколько секунд стены окрестных домов содрогнулись от дружного забористого мата.

[256] Во времена НЭПа из-за отчаянной безработицы именно очереди на биржу труда прославились своей непомерной длиной.

– Это ж какой талант нужен, устроить затор на пустой дороге! – пробормотал я.

– Тпру!!! – навалился на поводья извозчик. – Поворачивай, нечистая сила!

Пролётку резко понесло в сторону, в какой-то момент она буквально встала на два колеса.

Мне с трудом удалось удержать на скользком валике сидения себя и Александру.

– Лихач! – взвизгнула она в затянутую накидкой спину.

– Полицейский разворот! – восхитился я.

– Ништо! В обход доедем! – невозмутимо и спокойно прокомментировал смену маршрута лошадиный гонщик.

Тема беседы сама собой перекинулась на трамваи...

Со стороны невозможно представить, как граждане вообще умудряются в них залезать, или, наоборот, вылезать. Вернее сказать, для себя алгоритм я уже сложил: с размаху или даже короткого разбега навалиться плечом, как в американском футболе, тем самым сдвинуть внутрь пару-тройку товарищей. Не особенно сложная задача для тренированного парня весом в шесть пудов.

Но каким приёмом в рельсовый транспорт втискивалась Саша?!

Чуть смутившись, моя спутница призналась в страшном.

– Меня всегда через переднюю дверь пускали.

Ну надо же!

Большевики, конечно – революционеры и низвергатели буржуазных традиций, а правила на общественном транспорте завели точно как в «прогнившей» Европе. Спереди могут входить только дети с родителями или без оных, беременные женщины, инвалиды и приравненные к ним особо важные чиновники.

Тут я вспомнил про так и непонятый мной пассаж из «Трёх столиц» Шульгина. Тот, что про сложившееся в «триэсэрии» саморазделение публики на более чистую в первом вагоне и ту, что попроще – во втором.

Рассказал про это Александре и получил наконец удивляющий простотой ответ:

– Да по привычке!

Оказывается, до революции первые вагоны трамваев были

вагонами первого класса. Для Шульгина и его читателей-эмигрантов – в отличие от меня – данная «мелочь» представлялась очевидной и не требовала объяснений...

Между тем дома вокруг становились всё выше и солиднее, поток людей на тротуарах дошёл до состояния «впору ставить знаки приоритетов и разметку движения по полосам», а плотно забитая гужевым транспортом дорога подсказывала, что слухи о забое всех лошадок на мясо оказались сильно преувеличенными.

Мы явно подъезжали к центру...

Ещё пара кварталов – и среди безликих, одетых в разные варианты тёмного сукна советских прохожих всё чаще и чаще начали попадаться настоящие «леди и джентльмены». Мужчины под зонтиками, в изящных пальто и идиотских канареечных ботинках, дамы в шляпках и шубках из хороших мехов, с огромными лакированными сумками в руках.

Преобразились и магазины. На многочисленных рекламных плакатах – неожиданный отблеск импортного лоска и НЭПовской роскоши. В витрине кондитерской лавки всё ещё выставлены красиво выложенные мармеладом портреты вождей. В галантерее – Маркс и Энгельс в окружении изящных дамских комбинаций – видать, модницы ещё не осознали, что следующий шанс купить красивое бельё представится, только когда они станут бабушками. В светящемся окне огромного, занимающего целый квартал торгового центра[257] – рисунок ромашки, в центре которой – лицо девочки с большими чёрными глазами. По кругу идиотская реклама – «Есть дорожка, но нет лучше пудры «Киска-лемерсье».

Неожиданно Александра толкнула меня под локоть и показала на короткий рядок торговек всякими мелочами, спасающихся от морosi под козырьком ТЦ:

– Смотри, смотри! Сам стоит!

– Кто, где?! – я с трудом оторвался от калейдоскопа рекламы.

– Да Солодовников же, младший! Вон, в высоком картузе!

Пролётка уже миновала удобное для обзора место, но я

[257] Имеется в виду Солодовниковский пассаж. Разрушен в 1941 году в результате бомбардировки Москвы.

успел разглядеть сгорбленного мужчину, чей возраст и вообще внешний вид не позволяли определить запущенные до кудлатости усы и борода.

Однако род занятий не вызывал никаких сомнений – он продавал с рук какие-то коробочки, крема или духи, точнее не разобрать.

– Чем же он знаменит?!

– Ты что, правда не знаешь?! – вскинула брови вверх Саша. – Сын бывшего владельца вот этого самого пассажира. Только представь: его отец по завещанию оставил городу двадцать миллионов рублей. Это ещё перед войной!

– Ничего себе, сумма[258]! – за три с лишним года в прошлом я успел твёрдо осознать то, сколько золота содержал царский червонец. – Куда же их пристроили?

– Вот как раз этот идиот... – девушка небрежно махнула рукой за спину. – Так и продержал деньги на счетах до самой революции. Жалко расставаться было. А дальше – большевиков спрашивать надо.

– Тпру!!! – прервал нас крик извозчика. – Приехали, – он обернулся и широким жестом указал на вывеску «Мосторга». – Пожалте в «Мюр и Мерилиз».

Сооружение, у которого мы припарковались, менее всего походило на магазин. Скорее оно напоминало затейливую и лишённую симметрии комбинацию обычной многоэтажки с узкими, устремлёнными к небу готическими арками окон Собора Парижской Богоматери. Зато стоящее через дорогу здание подбирали не иначе как из соображений контраста. При более чем солидных габаритах оно напоминало кургузый амбар[259]. Всего один ряд нормальных окон на втором этаже, а выше – редкие маленькие бойницы.

Между домами, словно подчёркивая их «самобытность», красовался огромный кумачовый плакат – мокрый, он казался с земли почти чёрным. Но натянута справно, легко читаются слова: «Сбором утильсырья увеличим свой экспорт».

Тем временем подъехал Блюмкин.

[258] Что составляло примерно 15 тонн золота или около 40 миллиардов современных рублей (более полумиллиарда долларов).

[259] Здание Большого Театра, вид сбоку.

– Хватит глазеть по сторонам, тут тебе не театр! – начал он командовать ещё из пролётки.

– Почему? – Александра указала рукой на стену напротив. – Вот же он...

– Лучше нормальное пальто купи девушке, пока я разбираюсь с жильём, – продолжил Яков, спрыгивая на мостовую.

– Холодно в плащике-то? – с ноткой злорадства посочувствовал я.

– Встречаемся через час, смотрите, без опозданий! – бывший чекист не стал ругаться, а тут же «отомстил»: впихнул мне в руки оба чемодана, дёрнул кепку за козырёк в шутливом салюте и растворился в толчее.

Легко сказать. За несколько минут, что мы протискивались через толпу у входа, на багаж в моих руках покушались трижды: некстати закрывшаяся тяжёлая дверь, звероватая тётка с обитым стальными лентами сундуком в руках и долбанутый на голову воришка, попытавшийся располосовать бритвой импортную фибру, но добившийся только глубокой царапины на боку чемодана...

Да уж...

Это не берлинский гигант «KaDeWe», и даже не особо полюбившийся мне магазин-дворец «Wertheim»[260]...

Вокруг – бессмысленная суeta и толкотня очередей, узкие, явно не рассчитанные на такой поток людей лестницы. В теории – есть пара лифтов, однако в реальности они закрыты на бессрочный ремонт.

Пришлось приткнуться в углу у лестницы, снабдить спутницу десятком червонцев, да отправить её в самостоятельное путешествие по лабиринтам из прилавков и витрин.

Деньги – суший пустяк, около двенадцати долларов, если менять их на чёрном рынке[261].

Но Александра смущённо, но твёрдо уверила меня, что

[260] Универмаги Берлина. KaDeWe – до сих пор крупнейший в континентальной Европе, Wertheim – полностью уничтожен в ходе ВМВ.

[261] Официально в СССР 1930 года (и до 1937) доллар меняли на два рубля. Но курс чёрного рынка доходил до 7-10 рублей за доллар.

эдакой огромной суммы «хватит на всё, ещё останется», после чего торопливо убежала куда-то наверх.

Мне же оставалось только ждать, надеяться, верить...

И гнать из головы мысли о предательстве...

Ведь в теории: кто помешает девушке броситься с чисто-сердечным признанием «в органы»?

Кто?!

Или – в лучшем случае! – просто исчезнуть, оставив нас мучиться неизвестностью?

Чтобы отвлечься, я попробовал вслушиваться в разговоры проходящих мимо людей.

Думать над каждым словом москвичей ещё не приучили, поэтому они без стеснения поносили в полный голос всё и всех: постное масло, советскую власть, соседей, жён, примусы, управдомов, скрипучие кровати и, конечно, мировой империализм.

Время от времени попадались вполне достойные рассказчики...

Например, парнишка в ковбойке и крепких футбольных башмаках с глуповатой ухмылкой на лице втолковывал полногрудой девахе о «настоящем пролетарском подходе к вопросам» товарища Вышинского, который торжественно обещал запретить употреблять в университетах церковные слова «ректор» и «декан», а вместо них предлагал ввести в обиход знакомое каждому по фабрике слово «директор».

Стайка симпатичных машинисток-секретарш судачила о возможности реквизиций их средств производства – пишущих машинок.

Дикость на первый взгляд, но, оказывается, у частных зубных врачей Советская власть уже отняла кресла и инструменты – «для сельских больниц», из квартир музыкантов частенько увозят рояли, ибо их не хватает «для дарований из рабочего класса», обывателей же попроще пугают «неделей сундука», то есть всеобщим изъятием одежды и всяких ценностей – для продажи в пустых магазинах и вывоза за границу.

Пожилой господин в некогда богатой шинели, сохранившей тёмные, всё ещё не выцветшие следы от погон, шутил со своим коллегой или другом о том, что большевики поссорились с Фордом, когда тот – в ответ на их желание построить

в СССР завод производительностью три тысячи машин в год[262] – ответил: «Обратитесь в игрушечную лавку...».

Но чем дальше – тем тусклее становились «краски Боливии»...

Сперва – под неторопливое шарканье щётки, которой уборщица скатывала по ступенькам вал из грязных опилок – я лишь посмеивался про себя, понимая, как тяжело женщине вовремя оторваться от прилавка. Потом – недоумевал и сетовал: «Все бабы – дуры!». Затем – просто ругался в голос: на отсутствие сотовой связи, на Александру, на чемоданы, на себя и собственную лень, а особенно – на прохиндея Блюмкина, который специально меня подставил под удар, в случае предательства девушки.

Минуте на сороковой не выдержал, потянулся в карман и нервно погладил смартфон, а потом – зашитый в подкладке пиджака узкий непромокаемый конверт с презентационной подборкой из полусотни кадров на фотоплёнке. Мой самый последний шанс купить если не свободу, то хотя бы жизнь.

Пришлось, так сказать, озаботиться...

Уж очень мне показалась обидной ситуация, в которую я влип зимой 1926 года, когда из-за собственной беспечности попал в концлагерь «за Обухова». Сейчас, после изучения учебников 21-го века и современных газет, а также близкого знакомства с белой эмиграцией и товарищем Троцким, досадно вторично. Ведь четыре года назад, до разгрома всех видов оппозиции, катастрофического усиления репрессий и сворачивания НЭПа, у меня имелся реальный шанс «подружиться» с большевиками – в их более-менее коллегиальном, а потому вполне способном на здравые решения виде.

Ныне – слишком поздно: любое послёздание лишь усилит позиции единственного лидера, который, без сомнений, способен ради личной власти залить страну и мир реками крови. Даже если он сумеет закончить вторую мировую не в Берлине, а в Париже или Лондоне...

Больше смертей, больше горя, страшнее коллапс неизбежного отката...

Поэтому, едва вернув артефакт из будущего, я не

[262] Заводы Форда в то время выпускали около 1,8 миллионов машин в год.

успокоился на достигнутом – неизвестно, в какие руки он может попасть, и вообще, мало ли что может случиться с хрупкой электроникой. Ещё в Берлине потратил больше месяца, но переснял все книги, учебники и документы с экрана «LG» на фотоплётки.

Тщательно упаковал и разместил их вместе со съёмной флешкой в сейфе «Union Bank of Switzerland» – пусть не в самом крупном, но предлагающем внятные условия банке Швейцарии. Доступ оформил без сложностей, но только и исключительно для себя, хранение оплатил на три года вперёд.

При моём полном и безнадёжном отсутствии сверх указанного срока – архив и оставленные на чёрный день двадцать тысяч долларов должны уйти душеприказчику, которым я назначил господина Капицу Петра Леонидовича, действительного члена Лондонского Королевского общества. Лучшего варианта придумать не смог.

Завершив жёсткое архивирование, я напрочь стёр из памяти телефона большую часть материалов. Так что теперь не смогу выдать врагам секреты даже под пыткой. Оставил только самое нужное в области истории и электротехники, фильмы, музыку, немного беллетристики для борьбы со скукой, и кроме того, презентации – кадры заглавных страниц и содержания оставшегося в Цюрихе «богатства». А на случай потери или поломки смартфона – продублировал последнее в материальном виде... В том самом конверте, который можно потрогать пальцами для успокоения нервов...

– Держи!

Я едва успел подхватить небольшой свёрток, который сунула мне в руки материализовавшаяся ниоткуда Саша.

– Уф! – облегчённо выдохнул я. – Долго-то как!

Есть, всё же есть у товарища Блюмкина чутьё!

Я со вчерашнего дня переживаю, извожу себя до ночных кошмаров, жду как дурак, места себе не нахожу. А ему и дела нет: с чудовищным легкомыслием, без рефлексий и проверок поставил нашу миссию и жизни в зависимость от случайной встречи...

И вроде как в очередной раз угадал. Надо было ему не в революционеры идти, а на скачках деньги зашибать...

– Хлеба нет, придётся есть пирожные, – перебила мои мысли девушка. – Разверни, попробуй! – она указала на свёрток. – Дорогушие, я целый червонец за два фунта отдала.

– Спасибо, госпожа Антуанетта, – попробовал состричь я. – Ты уже пробовала?

– Только одну штучку успела, вкусно!

– Всё что нужно купила? – я оглядел девушку, пытаюсь найти изменения.

– Вот, – Александра вытащила из-под мышки второй свёрток, чуть побольше, чем с пирожными. – Дичь какая-то, у них даже шпагата нет обвязать!

– Ничего, не рассыплется, – улыбнулся я, устраиваясь половчее открыть чемодан.

– Аккуратнее! – с панической ноткой в голосе вскрикнула она, видя мою небрежность.

Точно, бельё...

Наверняка потратилась на красивые штучки вместо тёплых.

– Деньги-то остались? – поинтересовался я невзначай.

– Нет. Нету ничего, – как-то удивительно покраснела и одновременно побледнела Александра. Зачастила. – Я старалась. Я искала. Всё вокруг обежала. Но цены взлетели вдвое, втрое, вчетверо! Пусто. Даже в очередь. Не страшно, мне пока хватит. Только несколько дней, а там весна придёт. Главное, чулки купила, вот, смотри!

Она чуть приподняла полу пальто так, чтоб я смог разглядеть на её голени...

Уродливый чулок из грязно-коричневой пряжи кустарно-деревенского производства.

Наверно, моё отношение к данному элементу гардероба отчётливо прописалось на лице, потому как девушка вдруг спрятала лицо в ладонях и...

Разревелась, совсем по-детски вздрагивая плечами.

«А ведь неплохо вышло...», – отметил я про себя, прижимая её к себе в тесном недружеском объятии. – «Только откормить бы сперва малость не помешало!».

Вслух, разумеется, пошли в ход совсем иные слова:

– Ну что ты, хватит, нашла проблему! – тихо зашептал я, сдвигая дыханием прядь волос около симпатичного ушка.

– На рынок ходим, найдём что-нибудь, не могла же советская власть всех спекулянтов изничтожить.

– Барыги и тут есть, – неожиданно всхлипнула в ответ Саша. – Совсем с глазу съехали, столько денег просят!

– Будет хуже, – с видом бывшего философа парировал я. – Скоро пол-Москвы за пару долларов купим.

Однако на счёт последнего я сильно погорячился...

Экипировка спутницы в нормальные вещи обошлась удивительно не дёшево даже по европейским меркам. Я отдал за поношенное пальто, тёплую кофту, сапожки и прочие мелочи две бумажки с портретом господина Кливленда – то есть сорок баксов.

Да на такую сумму в приличном магазине Парижа или Берлина можно одеться вдвоём!

Встретиться с Яковом в условленном месте мы, конечно, опоздали. Он сам нашёл нас, но пребывал в таком хорошем расположении духа, что обошёлся без нотаций и даже помог тащить покупки к стоящему поодаль «Рено» с жёлтым номерным знаком на левом брызговике.

– Всё же они существуют! – обрадовался я, заметив машину.

– Если бы! – ухмыльнулся Блюмкин. – Паразит гешефт ловит, пока директор со своей кралей кувыркается.

– В смысле?!

Тут бывший чекист в двух словах открыл мне «страшную тайну» отсутствия такси в городе. Всё оказалось по-социалистически просто...

Таксопарк в Москве – государственный, соответственно, цены – четыре с полтиной рубля в час – там не менялись с 1926 года. Что по нынешним временам чуть не пятикратной инфляции означает – дешевле только даром.

С другой стороны, машины – товар импортный, а в условиях накатившего на СССР бюджетного кризиса все валютные расходы режутся напрочь, как бы не на высшем уровне ЦК ВКП(б).

Соответственно, многочисленные служители партийно-хозяйственного аппарата оказались перед альтернативой:

ходить пешком, ибо на извозчика не хватит даже пресловутого партмаксимума в сумме 225 рублей, или выкручиваться своими силами.[263]

Результат несложно представить...

Скоро советские тресты, наркоматы, управления – все, кто мог и успел – заключили с таксопарком контракты, а затем... Принялись гонять таксомоторы в качестве собственной машины с шофёром.

Хорошо всем...

По отчётам в столице бурно развивается современная транспортная инфраструктура, исправно растёт количество пассажирокилометров. Таксопарк регулярно и с удовольствием перевыполняет план, а значит, начальники и управленцы получают премии. Водители тихо радуются спокойной работе и шансу подхалтурить на стороне. Совбуры имеют комфорт без лишних накладных расходов.

А что до обычных москвичей...

Да кого они волнуют?

Сама по себе «Реношка» меня ни капли не удивила. Забавные конструкции с покатым капотом а-ля угольное ведёрко и радиатором позади двигателя здорово успели намозлить глаза и задницу ещё в Берлине. Устаревшие морально и технически – с деревянным каркасом кузова и складывающейся крышей из прорезиненного брезента – они выпускались огромными партиями ещё с довоенных времён, в сотнях комбинаций, буквально от микролитражки до автобуса. Советский экземпляр, по крайней мере, оказался хоть и не особенно ухоженным, но почти новым, тогда как в Европе можно запросто «поймать» натурально антикварное чудо первого десятилетия текущего века.

Водитель, солидный дядька лет сорока, в погрузке помочь не соизволил. И ладно, не великая проблема – отдельного багажника тут нет, зато между задним сидением и спинкой переднего до неприличия много места, наверное, около

[263] Партмаксимум – максимальный месячный оклад для членов ВКП(б), являющихся руководящими работниками учреждений и предприятий. Отменён секретным приказом в конце 1929 года (вероятно, этих денег стало категорически не хватать).

метра. Более чем достаточно для наших чемоданов и свёртков. Удобно, всё под рукой, так что пирожные мы успели съесть, ещё пока шофёр выкруливал от магазина на улицу через какую-то непостижимо огромную полуплощадь-полусквер.

– Куда мы сейчас? – начал я, едва Яков успел проглотить последний кусочек бисквита.

– На квартиру, разумеется, – охотно отозвался партнёр. – Никак не думал, что с гостиницами стало так плохо[264]. Кого только ни расспрашивал, но предложили лишь угол в общежитии, недавно перестроенном из конюшни какого-то графа. Сходил, посмотрел...

– Там хоть жить-то можно? – нетерпеливо перебил я.

– Нельзя, – ухмыльнулся Блюмкин. – Грязь дикая, отбросы во дворе, электричества нет, все спят на кроватях прямо в сапогах. Снедь под подушками прячут, жрут там же, хорошо если с табуретки, ещё и сс...т с парадного.

– Но...

– И тут попался мне Фёдор Степанович, – Яков показал рукой на сосредоточенно крутящего баранку шофёра. – Пообещал прекрасный флигель в Кузьминках, всего-то за семь червонцев в месяц, свояк у него в ЖАКТе.

– Точно! – громко, чтоб перекрыть шум мотора, отозвался водитель. – Не сумлевайтесь, товарищи. Годный апартамент, большой, светлый. Бывшая барыня жила, и при ней двое квартирантов.

– Там же – только дачи? – вмешалась Александра.

– Так от они и есть, – тряхнул кожаной кепкой Фёдор Степанович. – Но ведь недалеко, вёрст пять до трамвая не будет! А то и до станции можно, пригородные поезда сейчас ходят, почитай, не хуже чем до войны.

– Два часа до центра добираться – минимум. Скорее – три! – попробовала возмутиться девушка.

Но её слова так и повисли в воздухе без поддержки Блюмкина.

– Многие так живут, – шофёр, ободрённый молчанием,

[264] Сложности с жильём в эти годы в Москве колоссальные. Например, В. Чкалов, получив назначение в Москву в ноябре 1930 года, сумел получить отдельный номер без удобств (!) в гостинице «Интернациональная» только осенью 1932 года.

решил укрепить свою позицию. – У барыни с мужем-профессором по первой две дачи было – эта да в Люблино – и ещё квартира на Харитоновском. В городе-то живо их уплотнили, да так резко, что сами сбежали от греха подальше. В Кузьминках – поменьше дом, всего на две комнаты и кухню. В нём они, значит, и жили, а Люблинский сдавали.

– А во флигель как попали? – поинтересовался я.

– Да не додумали вовремя! Им бы рабочим всё сдать, а они – всё по знакомым... Вот местный совет в суд и подал. Там живо приговорили взыскать дополнительных налогов на полторы тысячи рублей.

– Откуда такая бешеная сумма?! – возмутился даже привычный ко всему Яков.

– Как-то насчитали, – пожал плечами Фёдор Степанович. – Говорил кто-то, что барыня зимой денег не брала, потому как дрова и без того дорогие нонче... Вот с этих недоданных денег налоги и потребовали, враз за три годочка.

– Непонятно, но здорово, – пробормотал я скорее для себя, потому как водитель не собирался останавливать рассказ.

– Платить им, понятное дело, нечем было. Так дачи и отобрали в пользу ЖАКТа. Ту, что в Люблино – всю, а в Кузьминках – оставили хозяевам комнату во флигеле. Да только муж с горя запил горькую, а чуть опосля – вообще сгинул. Вот барыня и пустила двух квартирантов, чтоб, значит, с голоду не помереть.

– Что же приключилось потом? – поторопила рассказ Александра.

– Так, говорят, разъехались кто куда...

– А если честно?! – неожиданно вмешался Блюмкин.

– Да как сказать...

– Уж как есть! – жёстко взял разговор в свои руки бывший чекист.

– Ну... Выпили эти – квартиранты которые – да подрались, вот один другого и убил.

– Бытовуха бессмертна! – я не особенно удачно блеснул остроумием перед девушкой.

– Чудесно! Одного – на погост, второго – на нары, – растолковал ситуацию Яков. – Но барыня-то куда делась?

– Умом она повредилась от увиденного, – без особой охоты

поведал шофёр. – Увезли её в больничку, уж вторую неделю как... – и, чуть помедлив, видимо, решив, что терять уже нечего, продолжил. – Второй квартирант – как рассмотрел сквозь хмель дружка, топором изрубленного – так ремешок на шею и накинуд, пока мужики кричали да двери ломали. Из петли его, конечно, достали, да видать-то уж поздно было.

– Гм! – бывший чекист выразительно посмотрел на Александру.

Девушка в ответ презрительно пожала плечами.

– Скидку бы надо с вашего ЖАКТа просить, – подвёл итог Блюмкин.

Сторговались на полусотне в месяц – немыслимо дёшево для ближнего Подмосковья. Ещё три червонца ушли на приборку...

Кто бы тогда мог подумать, что всего через несколько месяцев «славные» традиции флигеля подкрепятся новым злодейством?

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

© Павел Дмитриев.

Екатеринбург – Рига. 2016 – 2020.

ГЛОССАРИЙ

Слова, термины и выражения, не нашедшие отображения в сносках

1. НКПС – Народный комиссариат путей сообщения. Государственный орган РСФСР, затем СССР в ранге министерства, управлявший деятельностью железных дорог.
2. Главдорбуфет – Главное управление железнодорожных буфетов и вагон-ресторанов.
3. And last but not least – И последнее, но не менее. (англ.).
4. Броги – туфли с перфорацией. Могут быть как с открытой шнуровкой, так и с закрытой.
5. НЭП – Новая Экономическая Политика проводилась советской властью в период с 1921 по 1928 годы. Это была попытка вывести страну из кризиса и придать толчок в развитии экономики и сельского хозяйства.
6. Консисто́рия – (от лат. *consistorium* – место собрания; совет) – учреждение при архиерее по управлению епархией.
7. Секретарь губкома – секретарь губернского комитета партии.
8. МПС – Министерство путей сообщения.
9. Хакнуть – (комп. жарг.) используя хакерские приёмы, технологии, незаконно получить доступ к чужой информации, взломать (сайт, компьютер).
10. GPS-координаты – месторасположение любой точки на Земле, получаемое через спутниковую систему навигации.
11. Портал – (комп. жарг.) это многофункциональная площадка с разнообразным интерактивным сервисом, включающая в себя обширные возможности и услуги, в том числе путём предоставления пользователям ссылок на другие сайты.
12. Залинковать – здесь: связаться, установить связь.

13. Заветный «Level 13» – имеется в виду престижный уровень в компьютерной игре.

14. «... Остался лишь один хак «уника» – «Уник» – сленговое название уникальных посетители сайта по данным статистики. Хак уника – взлом посетителя.

15. «... ни Юбера для вызова такси...» – «Uber» – это компьютерное приложение для поиска и вызова такси.

16. WTF – это сокращение от английской фразы «what the f*ck?» (перевод – «какого чёрта?»).

17. «... оказался фейком...» – (комп. жарг.) оказался подделкой, фальшивкой.

18. RPG-квест – знаменитый жанр компьютерных и видео игр.

19. «... Выпал рерол, прошла смена локации...» – (комп. жарг.) отмена событий, смена смоделированной местности с заданными свойствами.

20. «... Попал в инстанс – не рефлексируй! Бей мобов, ищи нычки!» – (комп. жарг.) попал в специальную локацию (подземелье, страшную ситуацию) – не переживай! Бей игровых персонажей, ищи спрятанное!

21. Левел – уровень, достигнутый в игре, а также характеристика успешности самого игрока (высокий левел).

22. «... Правильный путь прокачки чара...» – (комп. жарг.) правильный путь перевода персонажа игры на более высокий уровень.

23. «... мосинку...» – русская 3-линейная (7,62-мм) винтовка образца 1891 года – магазинная винтовка, принятая на вооружение Русской Императорской Армии в 1891 году. Имела несколько модификаций.

24. «Hugo Boss» – это немецкий бренд, под которым выпускается элитная женская и мужская одежда, парфюмерия и аксессуары.

25. What can I do for you, sir? – Что я могу сделать для вас, сэр? (англ.).

26. «... Червей-то у него нема...» – (жарг.) здесь: нет денег.

27. КПЗ – это камера предварительного заключения.

28. «... кусок тёмного хлеба грамм на четыреста, по качеству отдалённо похожий на «фитнес» из будущего...» – имеется в виду диетический хлеб.

29. «... лишь зачекинился...» – видимо, здесь: зарегистрировался в компьютерной игре.

30. ЧК – ВЧК при СНК РСФСР (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР) была создана 7 (20) декабря 1917 года.

31. ВКП(б) – ВсеСОЮЗНАЯ коммунистическая партия (большевиков). Это название партия получила в 1924 году, после создания СССР. До этого момента она называлась РКП(б) – Российская коммунистическая партия большевиков. В 1952 году ВКП(б) была переименована в КПСС.

32. «... навороченный квест...» – один из основных жанров компьютерных игр, представляющий собой интерактивную историю с главным героем, управляемым игроком.

33. Соловки – это северный архипелаг в Архангельской области, лежащий в Белом море. В те времена – синоним Соловецкого лагеря особого назначения для преимущественно политических заключённых.

34. ГПУ – ГПУ или ГПУ НКВД РСФСР – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР с 06.02.1922 до 02.11.1923. Ранее: ВЧК, после: ОГПУ при СНК СССР.

35. «...спекулянты нативными сувенирами...» – нативный (от лат. *nativus* – врождённый) – находящийся в природном состоянии, не модифицированный, сохранивший первоначальную структуру.

36. Краском – сокращение слов: красный командир.

37. Автозак – специальный автомобиль на базе грузового автомобиля, автобуса или микроавтобуса, оборудованный для перевозки подозреваемых и обвиняемых.

38. «... Так что штурмуем среднюю полку, как Вильгельм Англию...» – руководитель нормандского завоевания Англии. Впоследствии – король Англии.

39. Yes, sir! – Да, сэръ! (англ.).

40. «... король Гарольд будет разбит...» – в битве при Гастингсе нормандские войска атаковали англосаксов и в жестокой битве разгромили их. Король Гарольд был убит.

41. «... на сбитых из горбыля глубоких, метра на два нарах...» – горбыль представляет собой доску с одной выпуклой стороной, которая образуется при распиле бревна. Данный

пиломатериал получил самое широкое применение для быстрого сооружения нар для заключённых.

42. «... натуральный Мальстрём...» – очень опасный водоворот в Норвежском море у северо-западного побережья Норвегии. Здесь: людской водоворот.

43. Армяк – верхняя долгополая одежда из грубой шерстяной ткани (изначально из верблюжьей шерсти). С капюшоном, без пуговиц, застёжек, запахивается ремнём. Напоминает шерстяной тёплый халат.

44. The show must go on – Шоу должно продолжаться. (англ.). Песня британской рок-группы «Queen».

45. Зэка – Термин «зек» («зэка») происходит от обозначения «з/к», использовавшегося в официальных советских документах в период с конца 1920-х по конец 1950-х годов. Этимологически восходит к сокращению от «заключённый каналоармеец», впервые появившемуся во время строительства Беломорско-Балтийского канала.

46. Каэры – тюремный советский жаргон. КР – контрреволюционер, обычно осуждённый по статье 58 за контрреволюционную деятельность.

47. «... Не превратится ли карета в тыкву...» – из сказки про Золушку.

48. Лубянка – собирательное выражение, нередко используемое в неофициальной публицистической и разговорной речи для обозначения органов государственной безопасности СССР и РФ (по зданию госбезопасности, находившемуся на улице Лубянке).

49. Голодомор – массовый голод, охвативший обширные территории СССР и приведший к значительным человеческим жертвам в первой половине 1933 года.

50. «... Барно! – довольно кивнул головой Князь Гвидон...» – здесь: хорошо! (жарг.).

51. «... На траву тебе рвать не резон, проще отпыхтеть, – почему-то повеселел Князь...» – здесь: «Весной тебе бежать не резон, проще отсидеть до конца...». (жарг.).

52. «... Дела знаменитые? Шармак? Мокруха? Скок?» – шармак – афера; мокруха – убийство; скок – кража со взломом. (жарг.).

53. «... Рвануть нитку непросто, легавые её хорошо забили...»

– нелегально пересекать границу непросто, милиционеры её хорошо охраняют. (жарг.).

54. «... Дербанки не бойсь... катать не садись... болячку замастырь...» – дележа добычи не бойся, играть в карты не садись, симулируй болезнь. (жарг.).

55. Двугривенный – русская монета номиналом 20 копеек.

56. A used car is unused transportation – Подержанный автомобиль – неиспользованный транспорт. (англ.).

57. «... и плотные бордовые шторы с неуклюжими ламбрекенами...» – шторы с горизонтальной декоративной драпировкой, расположенной в верхней части шторной композиции, проёма окна или двери в виде короткого декоративного элемента во всю ширину карниза.

58. ФЗУ – фабрично-заводское училище. Низший (основной) тип профессионально-технической школы в СССР с 1920 по 1940 год.

59. Noblesse oblige – французский фразеологизм, буквально означающий: «благородное (дворянское) происхождение обязывает». Переносный смысл – «положение обязывает».

60. РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия.

61. Жатка-лобогрейка – это одна из разновидностей жнейки, или жатки. Представляет собой простейшую машину для уборки зерновых.

62. Уполномоченный РИКа – чиновник Районного исполнительного комитета.

63. Курощать – курощать предлагал Карлсон. Это так он коверкал слово «укрощение».

64. УСЛОН – Управление Соловецких лагерей особого назначения.

65. Abandon all hope, ye who enter here – оставь надежду всяк сюда входящий (Источник: «Божественная комедия» Данте Алигьери в переводе на английский by Н. F. Cary).

66. «... под ругань десятника: «Кубики! Кубики давай, контра!» – здесь: «кубики» – это кубические метры пиломатериалов.

67. «... Однако карьера работяги-коня из оруэлловского «Скотного двора» – здесь речь идёт об описанной в книге эволюции состояния животных от безграничной свободы к диктатуре свиньи по кличке Наполеон.

68. «... привыкли к накачкой децибелами...» – здесь: имеется в виду накачка громкостью звука.

69. ОГПУ – ОГПУ при СНК СССР (Объединённое государственное политическое управление при СНК СССР). Образовано из ГПУ при НКВД РСФСР постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 ноября 1923 года после учреждения в 1922 году СССР.

70. Оруэлловское мыслепреступление – вид преступления, описанный в романе Джорджа Оруэлла «1984». Самое тяжкое преступление в тоталитарном государстве Океания. Под это понятие попадает любая неосторожная мысль, любой неосторожный жест или слово.

71. «...форма Стокгольмского синдрома...» – Стокгольмский синдром – это понятие из психологии, характеризующее ситуацию, когда человек, подвергающийся какой-либо агрессии, проявляет симпатию и сострадание к своему насильнику.

72. Кемперпункт – Кемский пересыльно-распределительный пункт Соловецкого лагеря (1923-1939).

73. Рукраб – руководитель работ, что-то вроде бригадира-нарядчика.

74. «... это тебе не баланы из болота тягать...» – здесь: тягать распиленные брёвна, очищенные от сучьев.

75. ТБО – твёрдые бытовые отходы.

76. «... по анизотропному шоссе...» – «Анизотропное шоссе» – это образ, придуманный братьями Стругацкими в знаменитой повести «Трудно быть богом». Там герои так назвали шоссе, ведущее только в одну сторону (в другую проезд перегородивал «кирпич»), и, если верить центральному персонажу Антону, анизотропное шоссе привело его к развалинам дзота и скелету фашиста, прикованному к пулемёту. То есть – в глубокое прошлое.

77. «... Пока у Кремля стоит зиккурат...» – зиккурат – многоступенчатое культовое сооружение в Древней Месопотамии и Эламе, типичное для шумерской, ассирийской, вавилонской и эламской архитектуры. Здесь: Мавзолей Ленина.

78. «... и прочих персонажей коммунистического bestiaria...» – bestiарий – это средневековый сборник зоологических статей, в которых подробно описывались различные животные. Очень часто в bestiариях появлялись статьи, где

подробно и с иллюстрациями описывались животные, которые не существуют на самом деле.

79. «... выбивая зубами из пищи всю прану...» – прана – это вселенская энергия, или жизненная сила.

80. Промфинплан – промышленно-финансовый план предприятия, составляемый на определённый период времени.

81. Hell is paved with good intentions – ад вымощен благими намерениями. (англ.). Пересказ пословицы: «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

82. Фельдграу – основной цвет полевой формы германской армии с 1907 и, в основном, до 1945 года. Фельдграу представляет собой спектр оттенков цветов от серого до коричневого.

83. Когнитивный диссонанс – состояние психического дискомфорта индивида, вызванное столкновением в его сознании конфликтующих представлений: идей, верований, ценностей или эмоциональных реакций.

84. СВПС – спальный вагон прямого сообщения. Отличается от обычного мягкого вагона устройством купе, их оборудованием.

85. «... Не Пикадилли, разумеется...» – одна из самых широких и оживлённых улиц в историческом центре Лондона – Вестминстере.

86. As quickly as possible – Как можно быстрее. (англ.).

87. «... Встретил бы кошмары 37-го года в солнечном Фриско...» – так в США называют город Сан-Франциско.

88. «На западном фронте без перемен» – цитата названия романа Эриха Марии Ремарка, вышедшего в 1929 году.

89. «... Жаль тут засеивиться нельзя...» – (комп. жарг.) засеивиться в игре – это сохранить своё состояние на текущий момент, чтобы при желании вернуться к нему впоследствии.

90. «... С утра начал игру в Рембо...» – Джон Джеймс Рембо – вымышленный персонаж, герой книг и серии кинобоевиков.

91. Could I have the final straw? – видимо, искажённое выражение про последнюю соломинку.

92. «... я смогу отложить три сотни баксов на лоера-кропийцу в любом случае...» – лоьер (от англ. Lawyer) юрист, совмещающий функции юриста-консультанта, адвоката и нотариуса.

93. Hurry, lad! – Быстрее, парень! (англ.).

94. My mission is accomplished! – Моя миссия выполнена! (англ.).

95. Look! Our high achiever. Come take your wage that I promised you – Смотри! Наш отличник. Иди, возьми свою зарплату, которую я тебе обещал. (англ.).

96. It's more so than ever I wanted! – Это больше, чем я хотел! (англ.).

97. It will most likely be tomorrow... But that will never, ever happen because tomorrow will in all probability be very much like today – Скорее всего, это будет завтра... Но этого никогда не произойдёт, потому что завтра, по всей вероятности, будет очень похоже на сегодня (англ.).

98. Take care, my comrades, bye! – Берегите себя, мои товарищи, пока! (англ.).

99. Arbeit macht frei! – Труд делает свободным! (нем.).

100. СИЗО – следственный изолятор. Место содержания под стражей.

101. Лига Наций – Это международная организация, была создана в 1919 году для развития сотрудничества между различными нациями. Пробраз ООН.

102. «... сошлюсь на тяжёлое детство, восьмибитные игрушки и сбои в ПЗУ...» – (комп. жарг.) восьмибитные компьютерные игрушки – слабые игры, сбои в ПЗУ – неполадки в постоянном запоминающем устройстве (памяти) компьютера.

103. «... Я вовремя вспомнил «Собачье сердце» – имеется в виду повесть Михаила Афанасьевича Булгакова.

104. «Никогда ещё Штирлиц не был так близок к провалу» – цитата из фильма «17 мгновений весны».

105. «... Обсуждение взволнованного вида господина Маннергейма...» – регент Королевства Финляндия с 12 декабря 1918 года по 26 июня 1919 года. Бывший русский генерал.

106. «... юнкером пошёл в Ледяной поход Добровольческой армии Лавра Георгиевича...» – первый поход Добровольческой армии на Кубань – её движение с боями от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон (в станицы Егорлыкская и Мечетинская) во время Гражданской войны.

107. «... как фанат WoT на почитателя Ingress...» – имеются в виду фанаты компьютерных игр.

108. ПВО – противовоздушная оборона.

109. *Liberte, egalite, fraternite* – Свобода, равенство, братство – национальный девиз Французской Республики, берущий своё начало со времён Великой французской революции.

110. «... как майнридовские охотники за черепами, сиуксы или гуроны...» – имеются в виду герои книг писателя Майн Рида.

111. Ламеры – (комп. жарг.) ламером называют человека (юзера), который не просто не шарит в чём-то, но и ещё пытается это скрыть, пытается всеми способами указать на свою правоту.

112. Прозелитизм – стремление обратить других в свою веру, а также деятельность, направленная на достижение этой цели.

113. *Brainwashing* – идеологическая обработка, промывание мозгов.

114. *Tomorrow at five you shall be here. All you need is your own body!* – Завтра в пять ты будешь здесь. Всё, что тебе нужно, это твоё собственное тело. (англ.).

115. *Like I have a choice* – Как будто у меня есть выбор. (англ.).

116. «... амфибиогенную асфиксию...» – шуточный диагноз «болезни»: «Жаба задушила».

117. «... диктатора типа Ли Куан Ю приходится многие десятки Мао Цзэдунов, Ким Чен Иров, Бокасс, Чаушеску и прочих Пол Потов... Пиночет...» – Ли Куан Ю – создатель и правитель Сингапура; Мао Цзэдун – создатель и правитель КНР; Ким Чен Ир – сын основателя государства КНДР Ким Ир Сена; Бокасса – президент Центральноафриканской Республики, один из самых эксцентричных и жестоких диктаторов XX века; Чаушеску – генеральный секретарь ЦК Румынской коммунистической партии; Пол Пот – Генеральный секретарь Коммунистической партии Кампучии, правление которого привело к гибели, по разным оценкам, от 1 до 3 млн. человек; Пиночет – Пришёл в Чили к власти в результате военного переворота 1973 года, свергнувшего социалистическое правительство президента Сальвадора Альенде.

118. *Why not* – Почему нет. (англ.).

119. *Terra incognita* – неизвестная земля. (лат.).

120. «... ничуть не страшнее военного лагеря в Галлиполи...»

– стояние лагерем регулярных частей Русской армии в окрестностях греческого города Галлиполи. Войска эвакуировались из Крыма в ноябре 1920 года и сохраняли боеспособность до мая 1923 года.

121. «... господин Седерхольм исполнил классический фэйспалм...» – (комп. жарг.) популярное онлайн-выражение в виде физического жеста. Более широко известная трактовка выражения: «лицо, закрытое одной рукой», которое является проявлением разочарования, стыда, уныния, раздражения или смущения.

122. Лупанарий – публичный дом в Древнем Риме, размещённый в отдельном здании.

123. «Мюр и Мерилиз», «Мосторг» – российский торговый дом (1857–1922). Основали фирму шотландцы Арчибалд Мерилиз и Эндрю Мюр. После революции «Мюр и Мерилиз» национализировали. Здание занял «Мосторг», а позже – Центральный универсальный магазин (ЦУМ).

124. Вышинский – советский государственный деятель, юрист, дипломат. Прокурор СССР.

125. «... Капицу Петра Леонидовича, действительного члена Лондонского Королевского общества...» – советский физик, инженер и видный организатор науки. Основатель Института физических проблем, директором которого оставался вплоть до последних дней жизни. С 1921 по 1934 год работал в Кембридже под руководством Резерфорда.

126. «... Спасибо, госпожа Антуанетта...» – здесь: намёк на фразу «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные!», ставшую символом отрешённости монархов от проблем народа. Приписывается французской принцессе Марии-Антуанетте, хотя впервые упоминается Руссо и, возможно, была придумана им.

127. ЖАКТ – жилищно-арендное кооперативное товарищество.